

1960

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

11

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1960

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания четвертый

С О Д Е Р Ж А Н И Е

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

М. ТРАСКУНОВ. Грузинские коммунисты в 11-й
Армии 3

К 40-летию Советской Армении

ИОСИФ НОНЕШВИЛИ. Три слова. Стихи 14

ПЕРЧ ЗЕЙТУНЦЯН. Нищий на улице. Рассказ. 15

СИЛЬВА КАПУТИКЯН. Ленин. Стихи. 22

ГАРО ТЕВОСЯН. Люди и машины. Очерк. 23

ТЕЙМУРАЗ ДЖАНГУЛАШВИЛИ. Воспоминание
о Ереване. Стихи. 26

АРМЕН ЗУРАБОВ. Каринке исполняется три го-
да. Рассказ. 27

СИМОН ЧИКОВАНИ. Новые стихи. 30

ГЕОРГИЙ ШАТБЕРАШВИЛИ. Солнце мертвых.
Повесть. 33

ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ. Из книги «Сети звезд». Стихи. 58

РОСТОМ БЕЖАНИШВИЛИ. Хроника одной де-
ревни. Окончание. 65

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ДЕМНА ШЕНГЕЛАЯ. Писатель большой правды.
К 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого 80

Н. ЧЕРКЕЗИШВИЛИ. «Из истории политики
США в отношении Грузии» 83

СПОРТ

Б. ПАЙЧАДЗЕ. Годы и матчи. Продолжение. 86

85798

11

НОЯБРЬ

1960

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗАВЕРИН (ответственный секретарь),
М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ, А. КУТЕЛИЯ,
В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

М. Траскунов,

кандидат исторических наук,
подполковник запаса

Грузинские коммунисты в 11-й Армии

На проспекте Руставели, у Картинной галереи Грузии, в обрамлении вечнозеленых растений белеют мраморные доски. На них золотом выгравированы имена:

А. Ф. МЯСНИКОВ, Г. А. АТАР-
БЕКОВ, И. Ф. СТУРУА, С. Г.
МОГИЛЕВСКИЙ, А. Е. САГАРА-
ДЗЕ, А. А. ГЕГЕЧКОРИ, Я. Ф.
ФАБРИЦУС.

Останки верных солдат революции, славных сынов четырех народов, покоятся в общей братской могиле на грузинской земле. Но память об этих пламенных борцах за светлое будущее хранят все народы, ибо дело, которому они до последнего дыхания отдавали свою жизнь, — это великое дело освобождения всех трудящихся.

«Хотелось бы подчеркнуть, — говорил Н. С. Хрущев на торжественном заседании в Баку 25 апреля 1960 года, — замечательные интернационалистские традиции коммунистических организаций Азербайджана и всего Закавказья. Ленин неоднократно подчеркивал интернационализм закавказских большевиков и ставил их в пример другим организациям партии. То обстоятельство, что

коммунистические организации Закавказья всегда действовали сплоченно, шли вместе нога в ногу и что они воспитывали массы в духе интернационализма, имело решающее значение для их победы над всеми врагами рабочего класса».

Грузинский народ вел борьбу за торжество идей Октября бок о бок с русским и другими братскими народами Советского Союза.

Киквидзевским — в честь легендарного героя гражданской войны Васо Киквидзе, сражавшегося за счастье русских, украинских, грузинских рабочих и крестьян, рабочих и крестьян всей нашей страны, — назван один из районов Сталинградской области. Памятник славному вожаку сибирских партизан Нестору Каландаришвили возвышается над Иркутском. В Дербенте есть улица, носящая имя пламенного борца за освобождение трудящихся Дагестана — Георгия Канделаки. Имя грузинского большевика Сократа Микадзе, отдавшего жизнь за Советскую власть в Башкирии, присвоено одной из улиц Уфы. Подобных примеров можно привести много.

Коммунисты Грузии, воспитанные в духе ленинских идей пролетарско-

На снимке: партийные и советские руководители республик Закавказья (слева направо) М. Г. ЦХАКАЯ, Г. МУСАБЕКОВ, Ш. З. ЭЛИАВА, Ф. И. МАХАРАДЗЕ, С. М. КИРОВ, Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ, М. Д. ОРАХЕЛАШВИЛИ.

го интернационализма, самоотверженно отстаивали дело рабочего класса всюду, куда бы их ни направляла партия.

Грузинский народ, на протяжении многих веков боровшийся за свою свободу и независимость, обрел их благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции. Установление и упрочение Советской власти в Грузии облегчила и ускорила бескорыстная помощь, оказанная Советской Россией и Красной Армией. По указанию В. И. Ленина на помощь восставшим рабочим и крестьянам Грузии пришла 11-я Армия Кавказского фронта во главе с Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым.

Крепкая интернациональная сплоченность рядов 11-й Армии явилась одной из решающих предпосылок ее высокой боеспособности. Мингрельские крестьяне из отряда бесстрашного грузинского большевика Саша Гегечкори отстаивали Владикавказ от белоказачьих банд Бичерахова и Соколова. Славные комиссары Бакинской коммуны крепили оборону Астрахани. Революционные повстан-

цы Юго-Осетии вместе с другими советскими частями боролись с врангелевским десантом на Кубани.

В состав 11-й Армии входил полк, укомплектованный красногвардейцами Баку и Порт-Петровска (ныне Махачкала). В освобожденный Дербент первым вступил партизанский полк, состоявший из лезгин Кюринского округа Дагестана. Бойцами Казах-Шамшадинского полка 11-й Армии были армяне, участники героического майского вооруженного восстания в Александрополе (ныне Ленинанкан).

В рядах 11-й Армии доблестно сражался батальон китайских добровольцев во главе с героем гражданской войны Пау Ти-саном.

На Кавказском фронте вместе с русскими полками и дивизиями громили интервентов и белогвардейцев Первый Грузинский рабоче-крестьянский полк, Отдельная Азербайджанская бригада, Отдельная Дагестанская сводная бригада, Кабардинский полк, Отдельный Осетинский кавалерийский дивизион.

Красная Армия, отстаивавшая жизненные интересы грузинского на-

рода и других народов Закавказья, действовала в тесном контакте с повстанцами Грузии и созданными ими органами революционной власти, под общим руководством Кавбюро ЦК РКП(б) во главе с Г. К. Орджоникидзе.

Судьба многих грузинских большевиков неразрывно связана с историей зарождения, развития и укрепления 11-й Армии.

В боях за Советскую власть на Северном Кавказе ее ряды вместе с другими большевиками крепили грузинские революционеры Шалва Аскурава, Виссарион Квиркелия, Петр Арвеладзе, Александр Гегечкори, абхазцы Нестор Лакоба, Ефрем Эшба и другие.

За освобождение Азербайджана и Армении сражались командиры и комиссары частей Александр Камарули, Епифан Кванталиани, Шалва Азнарашвили, Шалва Джапаридзе и другие.

После вступления 11-й Армии в Закавказье в ее ряды пришли тысячи большевиков. Уже к осени 1920 года в рядах армии насчитывалось 18.263 члена и кандидата РКП(б)¹. Таким образом, каждый четвертый воин был коммунистом! Удивительно ли, что 11-я Армия с честью выполнила свою освободительную миссию, заслужила любовь и признательность народов Азербайджана, Армении и Грузии, которые видели в ней своего верного друга.

11-й Армии выпала честь сражаться с врагом на важнейших участках гражданской войны и борьбы с иностранной военной интервенцией. Большое внимание этой героической армии уделял основатель Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленин. Ряд ленинских документов адресован Реввоенсовету Кавказского фронта и 11-й Армии. Для руководства ею Центральный Комитет РКП(б) направлял свои лучшие кадры — виднейших деятелей партии С. М. Кирова, В. В. Куйбышева, Г. К. Орджоникидзе, членов Реввоенсовета республики С. И. Гу-

сева, К. А. Механошина, боевых командиров М. Н. Тухачевского, Левандовского, А. И. Геккера и других.

И. В. Сталин, руководивший в 1918 году вместе с К. Е. Ворошиловым обороной Царицына, проявлял большую заботу об укреплении Северо-Кавказской (будущей 11-й) революционной Армии, о повышении дисциплины в ее рядах. В письме к В. И. Ленину, написанном в июле 1918 года¹, И. В. Сталин подробно характеризует положение в Северо-Кавказской Армии.

4 февраля 1920 года, когда 11-я Армия находилась на подступах к Закавказью, В. И. Ленин предложил И. В. Сталину «сосредоточить все внимание на обслуживании Кавказского фронта»².

Одним из первых строителей 11-й Армии был верный ученик и соратник В. И. Ленина — Григорий Константинович (Серго) Орджоникидзе. Будучи членом Реввоенсовета Кавказского фронта, он направлял всю жизнь 11-й Армии, политическое воспитание воинов. Серго Орджоникидзе с большим тактом и знанием дела руководил командирами и комиссарами, военными специалистами, не упускал из виду ни одного участка военной деятельности, от подбора кадров командиров и до обеспечения бойцов обмундированием и питанием.

В своих воспоминаниях о встрече с замечательным представителем старой ленинской гвардии — Г. К. Орджоникидзе, Н. К. Крупская рассказывает; «Когда думаешь о Серго, хочется сказать: «Большевик он был!» Это был человек, до мозга костей преданный рабочему классу и партии Ленина, кристально чистый, умевший силой своего глубокого убеждения и боевым темпераментом заражать людей энтузиазмом и вдохновлять их на героические подвиги, на редкость обаятельный, сердечный, веселый и жизнерадостный. Серго пользовался горячей любовью воинов и всех трудящихся Закавказья.

«Большевик он был!» Это можно по праву сказать и о многих других

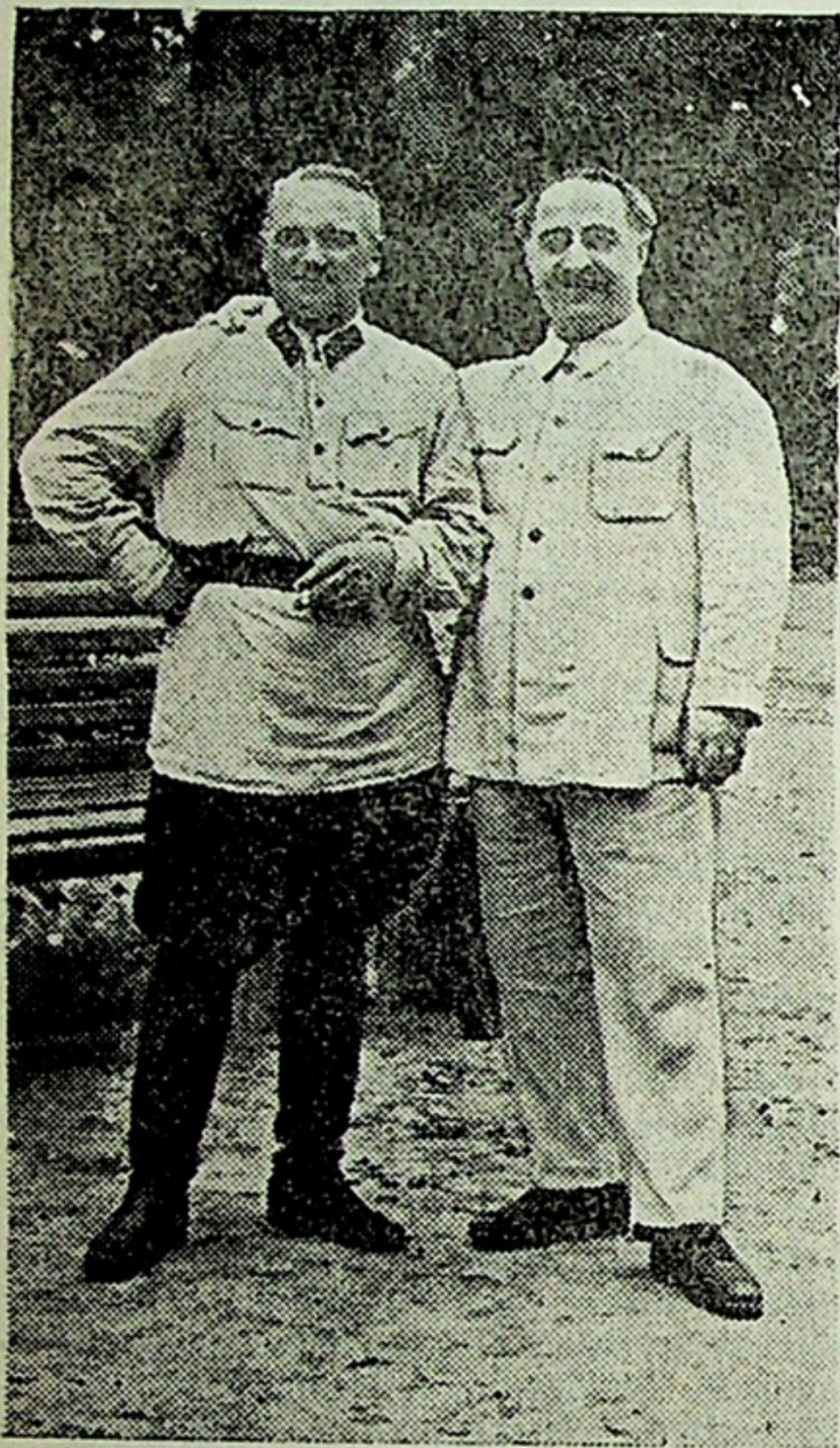
¹ См. Центр. Гос. архив Красной Армии, ф. 9, оп. 9, д. 31, стр. 10.

¹ См. В. И. Ленин. «Военная переписка 1917—1920 гг.». Москва, 1956 г., стр. 10.

² Там же, стр. 101.

закаленных в классовых боях и подпольной борьбе грузинских профессиональных революционеров, отдавших все свои силы, энергию, организаторский талант молодой Красной Армии.

«Аскурава Шалва, — говорилось в представлении Центрального Испол-

1934 год. М. К. ЛЕВАНДОВСКИЙ и Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ.

нительного Комитета Грузинской ССР к посмертному награждению его орденом Красного Знамени, — руководитель первого восстания в Мингрелии в марте 1918 года. Отличался выдержкой, стойкостью, беззаветной храбростью, редким умением зажигать массы. После подавления восстания пробился с небольшим отрядом в Абхазию, принимал самое горячее участие во всех боях против меньшевистских частей на территории Абхазии. Затем партией был пе-

реброшен на Кубань и в Пятигорск, где пал смертью героя в боях с белыми бандитами»¹.

После захвата Екатеринодара (ныне Краснодар) армией Деникина в августе 1918 года Шалва Михайлович Аскурава назначается комиссаром Белореченской группы советских войск, а затем Армавирского фронта Северо-Кавказской Армии. Принципиальный большевик, хороший оратор, талантливый военный и политический руководитель, Ш. Аскурава пользовался большим авторитетом среди красноармейцев, командиров и политработников. Он отличался кипучей энергией, безграничной верой в победу рабочего класса, твердостью духа, которую не смогли сломить никакие испытания. Ш. Аскурава сыграл большую роль в разоблачении и ликвидации последствий контрреволюционной авантюры бывшего командующего 11-й Армией Сорокина, по приказу которого были расстреляны руководители Северо-Кавказской Советской Республики. Аскурава многое сделал для укрепления дисциплины, повышения сознательности воинов.

Зимой 1918—1919 гг., в дни тяжелого отступления 11-й Армии через Астраханские степи, Аскурава постоянно был среди плохо одетых и больных тифом бойцов, стараясь объединить мелкие части, организовав боевое охранение. Он был человеком большой личной отваги. Несколько раз боевой комиссар совершал на автомобиле налеты на заседавших белоказаков. В Северной Осетии и Ингушетии Аскурава принял участие в жарком бою с белогвардейцами под Давлеканово. Горцы под его руководством мчались в атаку, вооруженные кинжалами, насаженными на длинные палки — другого оружия не было.

Аскурава погиб в тяжелые дни отступления.

Одним из героических комиссаров гражданской войны был старый коммунист Петр Яковлевич Арвеладзе. Нелегальная работа в Грузии в годы реакции и первой мировой войны, почетный пост одного из руководителей Александропольского Совета

¹ ЦГАОРСС Грузинской ССР, ф. 232, с. д. 1445, л. 31.

рабочих и солдатских депутатов в 1917—1918 гг., активное участие в борьбе за Советскую власть в Азербайджане — такова многогранная деятельность этого пламенного большевика в Закавказье. При отступлении после падения Бакинской Коммуны в Астрахань, Петр Арвеладзе проявил большие организаторские способности и личную отвагу в боях с белогвардейцами. Он был комиссаром полка имени В. И. Ленина, посланного на помощь революционному Баку, но не успевшему дойти до места назначения.

Арвеладзе погиб на боевом посту в марте 1919 года на 31-м году жизни. Вот что говорилось о нем в некрологе, опубликованном газетой 11-й Армии «Красный воин»:

«Будучи старшим товарищем и братом для каждого красноармейца, наш незабвенный Петр посвящал все свои силы и отдавался всей глубиной души серьезной работе воодушевления своих младших товарищей святыми заветами социализма и своим несравненным примером — примером истинного борца-коммунара, заставляя этих изможденных нечеловеческой кошмарной борьбой товарищей-красноармейцев высоко держать алое знамя социализма»¹.

Верным солдатом партии, вставшим под ее знамя еще в годы первой русской революции, был активный борец против меньшевистского господства Виссарион Мелхиседекович Квиркелия. В марте-апреле 1918 года он по заданию партии руководил Сухумским военно-революционным штабом в геройском 42-дневном вооруженном восстании трудящихся Абхазии, а затем отступил на Северный Кавказ, где был одним из руководителей Майкопского Совета. По предложению Орджоникидзе, Квиркелия назначается членом Комитета обороны Северного Кавказа — высшего органа революционной власти края. Вместе с 11-й Армией он проделал весь путь отступления через 400-километровую Астраханскую степь, в лютую стужу, с десятками тысяч раненых, обмороженных и больных тифом.

Под руководством С. М. Кирова В. М. Квиркелия энергично включил

ся в оборону устья Волги от натиска белогвардейцев. Он лично участвовал в боях за Астрахань и был ранен под Ахтубой. Реввоенсовет армии назначил его комиссаром дивизии, а затем выдвинул на руководящую работу в политотдел 11-й Армии. Квиркелия отдавал много сил и энергии политическому воспитанию бойцов, сколачиванию частей, повышению их боеспособности, подготовке к переходу в наступление. С. М. Киров рекомендовал его на пост председателя Ревкома освобожденной советскими войсками Терской области.

— Мощный бас Квиркелия, — вспоминал Серго Орджоникидзе, — можно было услышать и в расстроенных рядах бойцов в дни отступления через Астраханские степи, и в штабе, и в политотделе армии, и в казармах, и в госпиталях. Он вселял уверенность в победе, поднимал дух воинов. ✠

Громя белогвардейские полчища, 11-я Армия победоносно продвигалась к границам Закавказья. Виссарион Квиркелия был сначала комиссаром штаба, а затем начальником снабжения и членом Реввоенсовета 11-й Армии. Его большие организаторские способности высоко ценил Серго Орджоникидзе. В Советской Грузии Квиркелия занимал ряд руководящих постов, был наркомом внутренних и военно-морских дел. Он являлся одним из активных участников строительства и укрепления рабоче-крестьянской Красной Армии.

С историей 11-й Армии тесно связана жизнь и революционная работа старого большевика, видного деятеля партии Шалвы Зурабовича Элиава. Он вместе с В. В. Куйбышевым являлся членом Реввоенсовета Южной группы войск Восточного, а затем Туркестанского фронтов, которыми командовал М. В. Фрунзе. В состав этого фронта входила и 11-я Армия. Элиава участвовал в руководстве боевыми действиями армии против Деникина и генерала Толстова под Астраханью в 1919 году.

Вместе с командующим армией А. И. Геккером член Реввоенсовета 11-й Армии Ш. З. Элиава во время операций в Грузии руководил всем движением и действиями войск. Верхом на коне он объезжал на фронте километров по 70—80 в день, поспе-

¹ Газета «Красный воин», 1919 г., № 77.

вая всегда и везде вовремя. Ш. З. Элиава помогал комиссарам и политработникам воспитывать воинов, разъяснял боевые задачи, большевистским словом вдохновлял на подвиги.

...Это было в феврале 1921 года. Части 11-й Армии продвигались к Тбилиси. В районе Караяз меньшевистские войска обстреляли участок железной дороги. Гранаты взрывались около самых вагонов. Так как Пойлинский мост был взорван меньшевиками, эшелон, следовавший из Казаха, остановился. Вечером к нему подъехал Элиава. Разделив всех командиров и политработников на две группы, он направил их в действующие части. Командирам 20-й и 9-й дивизий М. Д. Великанову и Н. В. Куйбышеву было приказано в качестве политических комиссаров влиться в войсковые группы, которым следовало в тот же вечер перейти Куру вброд.

Элиава был членом Ревкома Грузии и ее первым наркомом по военноморским делам. Он многое сделал по претворению в жизнь ленинской национальной политики партии, по разъяснению трудящимся Грузии освободительной миссии 11-й Армии, укреплению дружбы народов Закавказья.

Меньшевики всячески пытались оклеветать Советскую Россию и Красную Армию, скрыть от трудящихся Грузии, что Красная Армия, пришедшая им на помощь, была интернациональной не только по своим целям и задачам, но и по своему составу. Как мы уже видели, в ее рядах воины-грузины самоотверженно сражались плечом к плечу с русскими, украинцами, азербайджанцами, армянами и бойцами других национальностей.

Меньшевистское правительство Грузии, грубо нарушив мирный договор с РСФСР, подписанный им 7 мая 1920 года, выслало за пределы республики, главным образом в Советский Азербайджан, до 1.500 грузинских большевиков. Немало из них, по указанию Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии, готовясь к предстоящим боям за освобождение своей родины, проходили военное обучение на Бакинских командных курсах.

«Я и многие другие мои товарищи большевики, высланные меньшевиками из Грузии, — пишет в своих воспоминаниях бывший красноармеец Восточной бригады курсантов 11-й Армии, ныне доцент, начальник Архивного управления МВД Грузинской ССР Ш. В. Цагарейшвили, — стали курсантами Бакинских пехотных курсов. Весть о том, что трудящиеся Грузии восстали и обратились к Красной Армии за помощью, была воспринята всеми курсантами с большим энтузиазмом»¹.

С началом действий 11-й Армии на территории Грузии Бакинские пехотные курсы влились в состав Восточной бригады курсантов, принимавшей непосредственное участие в боях за освобождение Тбилиси со стороны Коджори. Красноармейцем и политработником этой бригады был член партии с 1917 года, ныне заведующий кафедрой политической экономии Тбилисского Государственного университета имени Сталина профессор Сергей Берадзе. Пулеметчиками в бригаде были Евгений Челидзе, Борис Гварамадзе, Бесо Стуруа и другие. По свидетельству Ш. Цагарейшвили, в составе одного только пулеметного взвода бригады было до 20 процентов грузин.

Большая группа воинов-грузин пришла в родной край в рядах 18-й кавалерийской, 20-й стрелковой и других дивизий 11-й Армии. Рядовым бойцом-кавалеристом был участник Душетского восстания в Грузии в 1918 году Коба Харсирович Чохели. По просьбе земляков из его родного села Земо Кеди Цителцкаройского района он был оставлен здесь председателем Ревкома, а затем организовал первую в Грузии Ширакскую сельскохозяйственную коммуну. После гибели в бою в селе Царские Колодцы (ныне Цители-Цкаро) начальника 18-й кавдивизии, героя гражданской войны П. В. Курьшко, в ряды Красной Армии добровольно вступило свыше ста сельчан.

В составе 11-й Армии в Грузию пришел преданно служивший Советской власти бывший генерал генерального штаба царской армии Александр Георгиевич Габашвили, хоро-

¹ Газета «Заря Востока», № 44 (10155), 22 февраля 1958 г.

шо знавший местный театр военных действий. По заданию Орджоникидзе он принимал участие в разработке плана операции по освобождению Тбилиси.

Воздушными силами Отдельной Кавказской Армии (бывшей 11-й) командовал один из первых военных летчиков и планеристов Грузии Алексей Владимирович Шиукашвили (Шиуков).

В 1910 году он впервые поднял в воздух сконструированный им планер. Октябрьская революция принесла осуществление заветной мечты молодого воздухоплователя. Он стал летчиком, а затем прославился как мастер воздушных боев с белогвардейцами.

После того, как взорванный меньшевиками Пойлинский мост через реку Куру 22 февраля 1921 года за три с половиной дня был восстановлен красноармейцами, железнодорожниками и бывшими солдатами меньшевистской армии, первым по мосту в сторону Тбилиси прошел бронепоезд 11-й Армии № 7 имени Шаумяна и Джапаридзе под командованием героя гражданской войны, кавалера трех орденов Красного знамени Семена Хмаладзе.

Вот что говорилось о подвигах С. А. Хмаладзе в представлении его к награде орденом Красного Знамени.

«Хмаладзе Семен Адамович 17 — 25 февраля при советизации Грузии, командуя бронепоездом № 7 им. Шаумяна и Джапаридзе, бросился в бой с превосходящими силами противника, привлек внимание неприятельской артиллерии и этим дал кавалерийским частям перейти вброд через Куру у моста Пойлы, разбить наголову противника и занять стратегически важные позиции. Между Караджалы и Ахтагли бронепоезд, умело маневрируя и курсируя, вступил в бой с аэропланом и своим артиллерийским огнем рассеял аэропланы противника и тем способствовал продвижению вперед красных частей. В Навтлуге бронепоезд, несмотря на сильный огонь, осаждаемый артиллерией противника, прорвался и вступил в Тифлис»¹.

В февральские дни, в метель и

¹ ЦГАОРСС Грузинской ССР, ф. 232 с, д. 1445, л. 31.

вьюгу, по глубокому полуторасаженному снегу, красноармейцы во главе с комиссаром 98-й бригады Шалвой Джапаридзе и командиром 293-го полка Байдулой Гагиевым преодолели Мамисонский перевал. Это позволило частям 11-й Армии в короткий срок освободить от меньшевиков всю Западную Грузию. За

ШАЛВА МИХАИЛОВИЧ АСКУРАВА, профессиональный революционер, один из организаторов и руководителей вооруженных восстаний крестьян в Западной Грузии. Комиссар Армавирского фронта и Белореченской группы войск Северо-Кавказской (11-й) Армии.

этот подвиг Джапаридзе и Гагиев награждены орденом Красного Знамени.

Одним из руководящих политработников 11-й Армии был Епифан Кванталиани. Накануне вооруженного восстания в Баку он был послан Бакинской партийной организацией для установления связи с наступающей Красной Армией: Начальником связи 11-й Армии являлся уроженец Казбеги Александр Камараули.

В состав 11-й Армии, еще до начала ее действий на территории Грузии, входила грузинская часть. По решению Реввоенсовета 11-й Армии в Баку в июне 1920 года был орга-

низован первый грузинский рабоче-крестьянский национальный полк. При участии Центрального Комитета Компартии Грузии он был укомплектован большевиками, участниками крестьянских революционных восстаний, высланными из Грузии меньшевистским правительством.

Командовал полком коммунист Георгий Алексеевич Барамидзе, в прошлом участник революционной борьбы в Грузии, а затем командир Красной Армии. В Грозном он попал в руки деникинцев и был приговорен ими к расстрелу, но бежал из тюрьмы.

Военный комиссар полка — член большевистской партии с 1901 года Тарасий Александрович Мгалоблишвили во время расстрела царскими войсками знаменитой Батумской демонстрации 1902 года спрятал на груди, унес и сохранил знамя Батумской социал-демократической организации. Помощником комиссара был бывший боец революционного отряда Саши Гегечкори — Александр Георгиевич Бобохидзе.

Грузинский рабоче-крестьянский полк положил начало созданным в Грузии после установления Советской власти, по директиве В. И. Ленина, грузинским советским военным формированиям, сыгравшим важную роль в подготовке национальных военных кадров. Организатором, командиром первого грузинского полка, сформированного в Тбилиси в феврале-марте 1921 года, был И. К. Гвелесиани.

Непосредственными организаторами и строителями грузинских национальных военных формирований были Георгий Кутателадзе, Николай Блуашвили, Тенгиз Жгенти, Петре Агниашвили, Василий Георгадзе, Виктор Мгалоблишвили, Самсон Леквадзе, Леонид Агладзе, Федор (Сосо) Буачидзе, Гайоз Девдариани, Платон Миротадзе, Георгий Тухарели, Олифант Угулава и другие командиры и комиссары первой имени И. В. Сталина и второй имени М. В. Фрунзе грузинских дивизий.

О большой роли национальных формирований в создании военных кадров республики, впоследствии прославивших себя в годы Великой Отечественной войны, убедительно свидетельствуют данные об итогах

работы Грузинской объединенной военной школы¹.

За время отдельного существования школы (до конца 1927 года) состоялось 4 выпуска, было подготовлено около 400 командиров. 25 воспитанников школы получили звание генералов, более 200 — полковников. Свыше 30 из них удостоены звания Героя Советского Союза.

Из этой школы вышли генерал-полковники К. Н. Леселидзе и П. Г. Чанчибадзе, генерал - лейтенант В. П. Мжаванадзе, генерал-майоры Н. Т. Таварткиладзе, В. С. Дзабахидзе, Г. М. Джинчарадзе, И. П. Бабалашвили, Г. Г. Курашвили, И. А. Силагадзе и многие другие.

Когда национальные формирования Советской Грузии и других союзных республик выполнили свою положительную роль, они были расформированы и влиты в состав общевойсковых частей Советской Армии.

В многонациональных частях 11-й Армии, помогавших рабочим и крестьянам республик Закавказья установить и упрочить Советскую власть, служили также несколько талантливых боевых командиров Красной Армии, которые родились, учились и выросли в Тбилиси.

Одним из руководителей освободительного похода 11-й Армии в Закавказье был командующий 11-й Армией в период провозглашения Советской власти в Баку, а затем командир Кавказской Краснознаменной Армии, видный советский военный деятель, командарм второго ранга Михаил Карлович Левандовский (1890 — 1938 гг.). Он родился в Тбилиси в семье младшего унтер-офицера, служившего в частях Кавказской армии. Отец Михаила рано умер.

¹ Эти данные любезно предоставлены нам профессором И. И. Талахадзе, бывшим комиссаром управления военно-учебных заведений 11-й и Отдельной Кавказской Армий, выполнявшим по совместительству обязанности начальника и комиссара Грузинской объединенной военной школы. Комиссарами этой школы в разное время были также один из основателей комсомола Грузии Б. Дзнеладзе и видный военный деятель, впоследствии командир и комиссар грузинской дивизии Ф. М. Буачидзе.

Мальчик вынужден был самостоятельно зарабатывать себе на хлеб, и после переезда семьи в Грозный работал пастухом, учеником типографии, разносчиком газет. Затем он в Петрограде закончил военное училище. М. К. Левандовский назначается на службу в Горийский полк, расположенный в Кутаиси. После ранения, полученного на фронте в 1915 году, он работал в Тбилиси преподавателем школы прапорщиков.

В годы гражданской войны М. К. Левандовский вступил в ряды большевистской партии, являлся организатором Красной Гвардии в Грозном, командовал 11-й, 9-й и другими армиями.

В начале 1926 года М. К. Левандовский был назначен командующим Кавказской Краснознаменной Армией (бывшей 11-й и Отдельной Кавказской). Он прилагал много сил для воспитания национальных военных кадров, активно участвовал в работе партийных и советских органов края. После трехлетнего отсутствия, в 1932 году, он снова возвратился в ставший для него родным Тбилиси.

В связи с 15-летием установления Советской власти в Грузии командующий войсками Кавказской Краснознаменной Армии, а затем Закавказского военного округа, Михаил Карлович Левандовский за большие заслуги перед республикой был удостоен высшей награды — ордена Ленина.

С первых дней Февральской революции примкнул к большевикам офицер старой армии Анатолий Ильич Геккер, непосредственно руководивший боевыми операциями 11-й Армии по оказанию помощи революционным повстанцам Грузии. Он — также уроженец Тбилиси.

Народы Закавказских республик высоко оценили самоотверженный ратный труд Анатолия Ильича Геккера, много сделавшего для разгрома Закавказской контрреволюции. Председатель Совнаркома Армянской ССР А. Ф. Мясников торжественно вручил ему орден Красного Знамени Армянской ССР № 1.

Об исключительной признательности грузинского народа талантливому полководцу Советской Армии А. И. Геккеру убедительно свидетельствует письмо Революционного

комитета Грузинской ССР за подписью Филиппа Махарадзе, врученное ему вместе с серебряной пашкой в день отъезда на работу в Москву.

«Дорогой Анатолий Ильич! — говорилось в письме. — Ваша, всем известная беззаветная храбрость и преданность рабоче-крестьянскому правительству получила новое подтверждение в совершенных Вами

ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ АРВЕЛАДЗЕ, старый большевик, активный деятель революционного движения в Грузии, Армении и Азербайджане, участник героической обороны Астрахани, комиссар полка имени В. И. Ленина.

подвигах за установление Советской власти в республике Грузии. Ваши военные заслуги в высокой мере оценены высшим командованием. Со своей стороны Революционный Комитет, как свидетель Вашего славного водительства доблестной XI Армией, ныне Отдельной Кавказской, не может не отметить той яркой черты человечности, которая характеризует Вас, как воина-гражданина. Действуя среди чужого Вам по крови населения, Вы и возглавляемая Вами армия, тем не менее, сумели проявить по отношению к нему высокую корректность, смягчая, насколько это возможно было в обстановке боевых

условий, тяжелые последствия гражданской войны.

Мы считаем особенно важным отметить именно эту сторону Вашей деятельности в Грузии, как имеющую политическое значение, которая вместе с тем гармонически сплелась в Вашем лице с доблестью воина-победителя.

В ознаменование Ваших заслуг Революционный Комитет Грузии просит принять сию шапку как символ Ваших высоких боевых подвигов.

Пожелаем Вам дальнейших успехов на славном поприще служения делу освобождения трудящихся масс и во славу Красного Знамени, которое Вы всегда высоко держали»¹.

Одним из героев гражданской войны в России и в братском Китае был уроженец Тбилиси, командир одной из отдельных стрелковых бригад Красной Армии Павел Андреевич Павлов. В борьбе против деникинцев он проявил себя как талантливый военачальник. По окончании гражданской войны П. А. Павлов был назначен начальником курсов по переподготовке старшего командного состава.

По просьбе революционных сил Китая Советское правительство направило П. А. Павлова своим военным советником и инструктором к Сун Ят-сену. Он с честью выполнял свой долг представителя братского советского народа.

Китайский народ высоко оценил заслуги советского военного специалиста. Сун Ят-сен объявил саблю П. А. Павлова, верно служившего интересам китайского народа, высшей наградой, вручаемой за особые заслуги перед китайской революцией. Урна с прахом П. А. Павлова (он погиб в 1924 г. в результате несчастного случая) была доставлена в Москву и погребена здесь с воинскими почестями. На траурном митинге, посвященном памяти П. А. Павлова, выступил нарком обороны и председатель Реввоенсовета республики М. В. Фрунзе. Воздавая должное огромным заслугам П. А. Павлова, он сказал:

«Мы отдаем последнюю честь одному из видных героев Красной Армии. В далеком Китае, где сейчас развернулась грандиозная борьба против империализма и где работал тов. Павлов в качестве инструктора Армии Сун Ят-сена, среди трудящихся масс Китая его имя получило широкую известность. С чувством великого сожаления мы провожаем тов. Павлова в могилу. Мы утешаем себя только тем, что память о товарище Павлове будет жить в одинаковой степени как среди рабочих и крестьян России, так и среди трудящихся Китая»¹.

В ноябре этого года советский народ и его вооруженные силы торжественно отметили знаменательную дату — 40-летие разгрома войск Врангеля в Крыму и победоносного завершения гражданской войны в нашей стране. Доблестная 11-я Армия внесла свой достойный вклад в победу над объединенными силами иностранных интервентов и внутренней контрреволюции.

В свою очередь ликвидация Красной Армией последнего оплота врагов Советской власти способствовала нарастанию революционных событий в Грузии, облегчила свержение рабочими и крестьянами, руководимыми большевиками, меньшевистского господства.

Ряд соединений, участвовавших в борьбе с Врангелем в Крыму, был переброшен в Закавказье, в состав 11-й Армии. Так, например, полки 9-й стрелковой дивизии под командованием Н. В. Куйбышева активно боролись за освобождение Тбилиси и Батуми.

Много бойцов-грузин действовало в составе группы войск Батумского направления, участвовало в завершающих боях по разгрому иностранных интервентов и меньшевистской контрреволюции, происходивших в марте 1921 года на подступах к Батуми и в самом городе.

Части Батумского направления

¹ Цитирую по газете «Красная звезда» от 4/IX—1958 г., № 258 (10641). См. также рецензию на статью о П. А. Павлове генерал-лейтенанта в отставке А. И. Тодорского, опубликованную в октябрьском номере журнала «Дружба» за 1958 г.

¹ См. ЦГАОРСС Грузинской ССР, ф. 437/281, д. 165, л. 42.

сопровождал заместитель военного комиссара первого грузинского рабоче-крестьянского полка Александр Бобохидзе. Через него осуществлялась связь воинов с местным населением. За каждым шагом их продвижения внимательно следил член Реввоенсовета Кавказского фронта Серго Орджоникидзе. Давая указания по прямому проводу Дмитрию Жлобе — начальнику 18-й кавалерийской дивизии, подходившей к Батуми в авангарде частей 11-й Армии, с востока, со стороны Хуло, командующий 11-й Армией А. И. Геккер говорил:

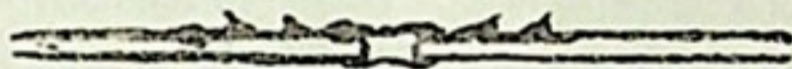
«...Вперед пошлите извещение, что ни с кем не деремся, но если кто первые откроют стрельбу, то побьем. Вперед заблаговременно высылайте с белым флагом, а сзади в полной боевой готовности войти в Батум. Во всяком случае ни малейшего нарушения порядка. Нужно идти и спасать Батум для Грузии. Орджоникидзе у аппарата, шлет вам всем привет и

всецело одобряет директивы командарма»¹.

Немало батумских большевиков отважно сражались за Советскую власть в Закавказье в рядах 11-й Красной Армии. Среди них комиссар кавалерийской дивизии Валико Бахтадзе, комиссар грузинского полка Тарасий Мгалоблишвили, комиссар грузинской дивизии Тенгиз Жгенти, рядовой боец 11-й Армии Нестор Сихарулидзе и многие другие.

Героическая история 11-й Армии неразрывно связана с зарождением и становлением Советской власти в Грузии, Азербайджане и Армении, с мужественной и самоотверженной революционной борьбой грузинского народа и других народов Закавказья под руководством Коммунистической партии за свое светлое будущее.

¹ М. Д. Орахелашвили. Победа Октябрьской революции в Грузии. Журнал «Пролетарская революция», №7, 1936 г., стр. 141.

Иосиф Нонешвили

ТРИ СЛОВА

Перевод с грузинского В. Максимова

Три слова: семья, знамя и истина на грузинском и армянском языках звучат одинаково. Семья — оджахи, знамя — дроша, истина — чешмаритеба.

Звучат для нас в одном ключе слова:
«Оджахи», «дроша» и «чешмаритеба».
Продернута сквозь них родного неба
Настоянная солнцем синева.

Оттенками в языковом размахе
Не беден твой талантливый народ.
Но краткому грузинскому «оджахи»
В Армении не нужен перевод.

И знамени, что в огненных порошах
Не выцвело, не сникло на древке,
Дано одно обозначенье — «дроша»
В твоём, как и в грузинском языке.

Ценнее жизни и дороже хлеба
Нам истина.

А потому вдвоем
Мы нарекли ее «чешмаритеба»
И так со дня рождения зовем.

Звучат для нас в одном ключе слова:
«Оджахи», «дроша» и «чешмаритеба».
Продернута сквозь них родного неба
Настоянная солнцем синева.

Перч Зейтунцян

Нищий на улице

РАССКАЗ

Перевод с армянского А. Вердяна
и Ю. Маряна

Рис. И. Гурро

Узкая улица. Ее обитатели приехали из разных стран, чтобы найти здесь работу. Они слышали, что для этого обычно уезжают в Америку. Но Америка — очень далеко, и добираться до нее, говорят, целый месяц. А для такого путешествия необходимы деньги. Но если бы у них были деньги, зачем бы им туда ехать? И они приехали в Александрию и поселились на этой узкой и длинной улице, которая очень напоминает Мачисте улицы Италии. Казалось, теснота этой улицы и протянутые поперек нее веревки с бельем, которое мешает людям ходить, заставляя их постоянно ругаться, были для Мачисте единственным утешением, единственным, что напоминало о его родине, о его улице.

Каждое утро при выходе на улицу Мачисте приходится встречаться с нищим. Нищий всегда устраивается возле мусорного ящика, потому что он знает: именно здесь его бедность как нельзя лучше бросается в глаза. И хотя всем ясно, что он притворяется, что вовсе он не калека, — люди бросают ему в шапку деньги.

Людям нужен нищий. Одно существование его тешит их мыслью, что сами они не так уж бедны — ведь у них есть, по крайней мере, крыша над головой, и к тому же они могут пожертвовать нищему медяк, пожалеть его. И они очень довольны тем, что при выходе на улицу им приходится встречаться с нищим. Вот почему многие из них, получив в конце недели жалованье, бросают ему в шапку монетку и говорят:

— Напрасно ты не работаешь. Видишь, хоть нам и приходится туго, мы неплохо живем.

Нищий в ответ только улыбается. Он понимает, что люди говорят так не от сладкой жизни. Правда, ему не совсем ясно, с какой стати им нужно обманывать его. Но все же он радуется этому, и в такие мину-

ты у него появляется уважение к себе. Всякий раз при этом он вспоминает один случай из времен своей молодости, но никогда ему не удастся никому о нем рассказать, потому что люди не задерживаются около него.

Все обитатели улицы живут одинаковой жизнью. И если случается какая-нибудь новость, она тут же облетает всех. Вот почему все так быстро узнали о том, что армяне с их улицы скоро возвращаются на родину. Люди почему-то обрадовались этому. А Мачисте сказал одному армянину, своему соседу:

— Знаешь ли, мы приехали из Италии...

Он сказал это и, не спеша, отошел с таким видом, будто сообщил какую-то сенсационную новость. Но армянин только удивленно улыбнулся ему вслед. Мачисте и сам не понимал, почему он это сказал. Просто, вероятно, он не подумал, прежде чем говорить. Уж так как-то получилось.

* * *

— Сжальтесь над бедным... — слышался голос нищего. — Здравствуй, Бианка. Сегодня ты что-то веселая.

Дети на улице, как обычно, смеялись над девушкой:

— Бианка-макаронница! Говорят, ни один парень еще не любил тебя. Бианка-макаронница!

И впервые Бианка улыбнулась детям. Она действительно была весела сегодня. В это утро она решила начать новую жизнь. И теперь ей казалось странным, как она могла до сих пор все это выносить, как она не подумала раньше, что можно все изменить, все начать снова.

Сегодня она пошла к Жаку и сказала ему, что больше не придет, пусть он ее не ждет. И пусть, если хочет, откажется от той комнаты, в которой они каждый вечер встречались. Жак стал объяснять, что она всегда получала от него деньги, и с издевкой предложил ей больше

обычного. Но Бианка отказалась. Она сделала это, не задумываясь. И теперь, возвращаясь домой, она вспомнила об этом и, довольная собой, улыбнулась — ведь этот отказ был хоть и единственным, зато верным признаком того, что она действительно начнет новую жизнь, совсем новую. Она опять станет такой, какой была несколько лет назад. Вот и нищий заметил это. Бианка подумала: хороший он человек. Только очень несчастный и вынужден целый день попрошайничать. Но почему она прошла мимо и не дала ему ничего?

А вот отец ее, Мачисте, ни о чем не знает. Бианке стало как-то грустно от этой мысли. И она решила рассказать отцу обо всем. Конечно, это будет для него тяжелой неожиданностью, но она тут же сообщит ему о своем новом решении, и это очень обрадует его, и он обо всем забудет.

Потом они вместе обсудят, как сократить расходы. По вечерам, например, можно не ужинать. Не есть перед сном полезно для обоих. Нет, пожалуй, она не в силах будет лишить отца ужина. Но ведь он стар, и ему, действительно, по вечерам не следует есть. И она успокоилась, потому что сумела убедить себя в том, что, если бы даже она продолжала приносить домой деньги, отцу следовало бы отказаться от ужина. Это ему только на пользу.

Она даже не заметила, как в голову ей пришла и другая мысль: по вечерам они ведь могут ходить к соседям. Те всегда их приглашают, и они напрасно всякий раз отказываются. Теперь они будут ходить в гости, и там их, наверно, будут угощать.

Вот так и должна была начаться для нее новая жизнь.

До сих пор Бианка говорила отцу, что вечерами она ходит к одной портнихе, помогает ей работать. И отец все удивлялся, как это дочери удалось найти работу.

Бианка решила выйти на улицу.

Пусть люди видят ее. Они должны на нее смотреть. Они должны понять ее. Они должны восхищаться тем, что она нашла в себе силы порвать со всем старым и начать новую, чистую и прекрасную жизнь. Им с отцом предстоит теперь столкнуться со многими трудностями, перенести много лишений. Но это даже радовало ее. Если бы ее новая жизнь началась без трудностей, если бы, скажем, они выиграла крупную сумму денег, едва ли она так радовалась. Новая жизнь не имела бы тогда для нее большой цены.

Бианка вышла из дома, но тут же вернулась: она забыла гребенку. Она всегда брала ее с собой, потому что ветер трепал ей волосы, и она вынуждена была то и дело их расчесывать. Иногда она и прежде забывала гребенку дома, но никогда не возвращалась за ней. А в этот раз ей не хотелось, чтобы что-нибудь было не в порядке. Даже маленькая гребенка могла помешать исполнению ее решения. Она проверила, не забыла ли чего-нибудь еще.

И, уже успокоившись, подумала, что при выходе на улицу нужно не забыть дать нищему денег.

— Бианка-макаронница!..

* * *

— Здравствуй, Мачисте. Брось сюда монету, не то я расскажу твоей дочке, где ты работаешь. Сжальтесь над бедным!.. Все мы бедные...

Мачисте не слушал, потому что нищий каждый раз повторял одно и то же.

Мачисте возвращался с работы. Нужно немного отдохнуть и потом снова идти обратно. Он обманывал дочь, говоря, что работает на заводе. В действительности он служил в одной из тех третьеразрядных гостиниц, где комнаты снимаются не больше, чем на час.

Никакой случайности не было в том, что отец и дочь занимались почти одним и тем же делом. Для

таких людей, как они, это единственная работа, которую можно найти без труда. И все безработные, у кого не хватало сил устоять и не пасть, вступали на этот путь. Конечно, им легче других удавалось выбраться из нужды, но при этом всю жизнь они думали только о том, как бы избавиться от своего ремесла.

Всем служащим гостиницы Мачисте надоедливо повторял:

— В Италии я работал на заводе. Все знали, что я честный, и многие даже отдавали мне на хранение свои деньги. Но наш хозяин разорился...

Мачисте вспомнил сейчас об этом, потому что услышал слова нищего, который, как и он сам, твердил всегда одно и то же. И Мачисте вдруг остановился. Он с нетерпением стал ждать, когда нищий снова повторит свои слова. Несчастный он человек, подумал Мачисте. Единственное наслаждение в жизни он находит, наверно, в своих словах. Мачисте должен выслушать нищего, чтобы не обидеть его. Нехорошо поступают те, кто, не выслушав его, проходят мимо.

— Не расстраивайся, — услышал Мачисте голос нищего. — Ты ведь неплохой человек. Жизнь плоха. Она заставляет людей поступать нечестно. Когда-то и я работал, был дворником. И по воскресным дням одевал чистый костюм. Сжальтесь над бедным!..

* * *

Бианка чувствовала, как на душе у нее становится все легче и радостнее. Она верила в себя. Она верила, что опять станет такой, какой была прежде. Все, конечно, сразу заметят это.

Она зашла в кафе выпить лимонаду. Каждый вечер они приходили сюда с Жаком. И сейчас она выбрала именно это кафе, чтобы все, кто там работал, увидели ее. Потом она отправилась в другие места, где они бывали вместе. Это доставляло

ей огромное удовольствие. Этим она доказывала всем, всему городу, что стала опять прежней маленькой Бианкой.

Давно уже она не читала газет. Но сегодня она непременно купит какую-нибудь. Она услышала голос мальчишки-газетчика, выкрикивавшего последние новости, подошла к нему и взяла свежий выпуск «Мессаджера». Отойдя в сторону, она стала просматривать заголовки. Ее внимание привлекла заметка об интимных похождениях одной из популярных кинозвезд. Бианка с увлечением начала читать.

Вдруг она заметила, что рядом с ней остановился какой-то юноша. Заглядывая ей через плечо, он читал ту же заметку. Бианка удивленно взглянула на него. Однако юношу это ничуть не смутило.

— Что-нибудь интересное? — спросил он.

— Нет, — сердито ответила Бианка. Она свернула газету и положила ее в сумку.

— Обождите меня здесь, — попросил юноша, — я сейчас, только куплю себе газету.

Он пошел искать газетчика. Бианка не стала его ждать. Она зашла в ближайший магазин, чтобы сделать кое-какие покупки. Она осматривала прилавки и снова чувствовала, что на душе у нее легко и радостно. Почему-то ей было очень весело и хотелось громко смеяться. Раньше она всегда была такой. Значит, она снова стала прежней.

Выходя из магазина, Бианка опять заметила того же юношу. Он дожидался ее на улице.

— Не успел, — огорченно сказал он, — все газеты уже распроданы.

Бианка взглянула на него и вдруг стала громко смеяться. Она смеялась так долго и так безудержно, что сумка в ее руке стала дрожать, и из нее что-то выпало. А юноша стоял и непонимающе смотрел на нее. Наконец он сообразил, что нужно поднять то, что она уронила.

Бианка перестала смеяться. Она достала из сумки газету и протянула юноше.

— Вот, возьмите, — с серьезным видом сказала она, — я уже просмотрела.

— Спасибо, — пробормотал юноша.

Он пошел рядом с ней.

— Как вас зовут? — спросил он через некоторое время.

— Бианка.

— А меня — Марио.

— Очень приятно, но, может быть, мне совсем неинтересно знать ваше имя.

— Видите ли... Осторожно, машина!.. Мне хотелось бы встретиться с вами.

— Постоим здесь, — сказала Бианка. — Я должна сесть в автобус.

К этому времени автобус подошел. Бианка поднялась и села у окна. Юноша безнадежно смотрел на нее, но она сделала вид, что не замечает этого.

Автобус тронулся с места. Марио повернулся, чтобы уйти, но вдруг услышал веселый голос Бианки:

— Завтра. В пять. Там же.

Марио остановился. Широко улыбаясь, он смотрел вслед автобусу, пока тот не скрылся в конце улицы. Потом он повернулся и, неожиданно подняв руку, в которой держал газету, сказал какому-то прохожему:

— Свежая газета!..

И весело пошел своей дорогой.

* * *

— Если бы я не был калекой, я бы встал, чтобы поздороваться с тобой. Ты думаешь, я не знаю, что мужчины должны вставать, когда проходит женщина? Сжальтесь над бедным!..

Бианка добежала до дому и, быстро войдя в комнату, радостно поцеловала отца. Мачисте это удивило. Давно уже они почти не разговаривали друг с другом, и такое поведение дочери показалось ему

странным. Мачисте настолько отвык видеть радость, что невольно испугался. Он подумал, что случилось что-то недоброе. Он чувствовал себя гораздо спокойней, когда они с дочерью бывали молчаливы и хмуры.

— Знаешь, — сказал он, — сегодня будет очень интересно на заводе. Получают новую машину. Из Англии, из Лондона. Здорово облегчит работу. Ее давно должны были прислать... — Он кашлянул. — Понимаешь, люди должны думать друг о друге. Чтобы никто не уставал. И не жил плохо. Чтобы все оставались честными... А машина, знаешь, управляется кнопками...

— Папа, почему ты только сегодня стал рассказывать мне о заводе? Я тебя столько спрашивала, но ты всегда говорил, что это не мое дело.

Мачисте растерялся.

— Ну да... Конечно... Я был прав. Ты все равно не поймешь.

В дверь громко постучали. Отец и дочь испуганно переглянулись. Вошла хозяйка дома. Бианка посмотрела на нее и тут же вспомнила, что они просрочили плату за квартиру.

— Я не намерена ждать до бесконечности. Должны же вы уплатить, наконец.

— Я обязательно это сделаю, — сказал Мачисте. — Только не могли бы вы подождать еще несколько дней? В Италии я платил всегда аккуратно. Вот и Бианка может подтвердить. Разве не так?.. Но потом хозяин нашего завода разорился...

— Вам бы следовало и в Александрии платить аккуратно, — иронически заметила хозяйка и вышла.

Отец и дочь молчали.

— Папа... Что, если нам отказаться от ужина?

— Не поможет.

— А снять другую комнату, подешевле?

— Дешевле не бывает.

— Ну тогда давай возьмем немного в долг. Соседи обязательно

дадут. Они нас любят. Вспомни, они каждый день приглашают нас к себе.

— У них у самих ничего нет.

— А мне кажется, у них будет. Ведь Бруно на хорошей работе.

— Его уже выгнали оттуда.

Бианка в изнеможении опустилась на стул.

— Я забыл тебе сказать, — продолжал Мачисте, — сегодня уже требовали и за свет, и за мусор... А Бруно мы и без того должны. — Он помолчал. — Знаешь, не нужно больше давать денег нищему.

Это было единственное, что они могли сделать. Во всяком случае, так им казалось. Но почему-то обоим это испугало.

Мачисте вышел из комнаты.

На лице Бианки появилась грустная улыбка. Она вспомнила, что сегодня должна была начаться новая жизнь. Совсем новая. Она опять должна была стать такой, какой была когда-то прежде. Но новая жизнь не началась. Она никогда не начнется, и все останется по-старому.

Бианка вышла на улицу.

И один только нищий заметил, что плечи ее сникли больше обычного.

* * *

Мачисте и Бианка встретились в гостинице. Бианка была с Жаком. Жак успел отказаться от той комнаты, которую он снимал для их встреч, и поэтому они пришли сюда. На следующий день он собирался найти новую комнату.

Бианка и Мачисте удивленно смотрели друг на друга. И тут только Бианка поняла, кто виноват во всем, что с ней случилось. Конечно, отец. Ведь он привез ее из Италии в этот большой незнакомый город. Если бы они остались в Италии, Бианка, наверно, имела бы уже жениха. Они бы поженились совсем скоро, и она была бы счастлива. Она не сомневалась в этом. Да, во всем виноват отец. Она и прежде так думала, а сейчас

окончательно убедилась. Ах, если бы он не привез ее сюда из Италии...

Приняв какое-то решение, она быстро вошла в комнату. Этим она мстила Мачисте. И не только ему, но и всем тем, кто вынудил ее вернуться к Жаку.

Дверь закрылась.

И вдруг Бианка расплакалась. Она поняла, что слишком она маленькая и незаметная в этом большом городе. Кому она могла мстить? Только отцу. Она вымещала на нем свою злость, потому что чувствовала свое бессилие. Отец был единственным человеком, кому она могла мстить. Ведь и он был слишком маленьким и незаметным.

Но он, наверно, не привез бы ее сюда из Италии, будь там хорошая жизнь. Если бы он был уверен, что Бианка найдет жениха. Если бы был уверен, что они скоро пожениются. И если его дочка станет счастливой.

А Мачисте все стоял перед закрытой дверью в длинном темном коридоре. Он старался припомнить слова нищего: люди не плохие, жизнь плоха...

Мачисте понимал, что все случившееся только подтверждало, насколько они бедны и жалки, как жизнь легко и неумолимо заставляет их подчиняться себе.

Мачисте мучило сейчас лишь одно. Сколько он ни старался, ни разу за всю жизнь он ничем не обрадовал Бианку, не сделал для нее ничего приятного. Он пытался припомнить хоть что-нибудь. Каждый день он подметал вместо дочери комнату, наводил в ней порядок... Когда Бианка была маленькой, он часто ходил с ней по вечерам на прогулку... И еще он всегда мечтал купить для дочери что-нибудь дорогое, очень дорогое. И хоть у него никогда не было денег, он постоянно помнил о своей мечте.

Но ведь всего этого мало, слишком мало.

И вдруг Мачисте улыбнулся в темноте коридора. Ему показалось, что он может сделать для дочери одно доброе дело. Прежде чем истечет положенное время, он постучит в эту дверь...

— Сжальтесь над бедным!.. Ты слышала, Бианка? Армяне уезжа-

ют на родину. А я и не знал, что у них есть родина. Одному мне не известно, какой я национальности. Моя родина — вот это место, это мусорный ящик... Ты, кажется, никогда не давала мне денег. Или я ошибаюсь?.. Сжальтесь над бедным!..

Сильва Капутикян

ЛЕНИН

Перевод с армянского И. Снеговой

Прищур твой добрый,
Форма лба крутая
Различны в разных мира уголках:
Чуть-чуть китаец ты
На знамени Китая,
А под резцом араба —
Чуть феллах.
У негра на значке
Ты — смуглокож,
И на индийца в Индии похож.

Рожденное над Волгою широкой
Объемлющее все материки,
Всех языков оно впитало рокот,
Во все вошло навечно языки
Твое, родное всем народам имя!
Весна земли,
Что всех с собой зовет,
Живая кровь,
Несомая живыми,
Надежда,
Что в груди у всех живет!

Вот почему живешь ты, обретая
Все новые и новые черты:
Чуть-чуть китаец ты
На знамени Китая,
Чуть-чуть феллах
В арабском камне ты.
У негра на значке
Ты — смуглокож,
И на индийца в Индии похож!

Люди и машины

ОЧЕРК

В дни, когда Никита Сергеевич Хрущев совершал свою историческую поездку по странам Юго-Восточной Азии, ереванские электромашиностроители готовили к отправке первую в этом году партию экспортной продукции. На железнодорожные платформы грузились огромные ящики с надписями: «Индонезия», «Индия»...

В ящиках были упакованы тщательно отделанные, сверкающие лаком машины — передвижные электростанции с маркой Ереванского электромашиностроительного завода имени В. И. Ленина — четырьмя буквами в кругу: ЕЭМЗ.

Машины с этой эмблемой вы могли бы встретить во многих странах мира. В минувшем году завод отправил свою продукцию — генераторы, трансформаторы, передвижные электростанции — в тридцать одно государство Азии, Европы, Америки и Африки. Это — страны народной демократии, Индия, Бирма, Цейлон, Мексика, Аргентина, Эфиопия, Марокко. В нынешнем году к списку прибавились Исландия и Норвегия. В будущем году, надо полагать, этот список станет еще длиннее.

Разве это не знаменательный факт? Страна, сорок лет назад не имевшая почти никакой промышленности, республика, в которую сравнительно недавно, еще в тридцатых годах, завозилось чуть ли не все необходимое для развития ее индустрии оборудование, ныне располагает первоклассными машиностроительными заводами, изделия которых экспортируются во все концы света.

Можно не любить статистики, но нельзя не признать той силы убеждения, которую таят в себе цифры. Поэтому позволю себе привести несколько из них. В 1957 году выпуск продукции машиностроительной промышленности Армении возрос по сравнению с 1940 годом в 85 раз, а за семилетку валовая продукция всех ее отраслей увеличится по сравнению с 1958 годом в три с половиной раза.

И невольно задумываешься — всегда ли мы даем себе отчет в тех огромных изменениях и событиях в нашей жизни, свидетелями и творцами которых являемся? Пожалуй, нет. Правильно воспринимая эти изменения как нечто органически присущее нашей советской действительности, мы не часто отдаем себе отчет в том, какая большая разница между вчерашним и сегодняшним днем, какой гигантский шаг сделан нашей страной за исторически такой короткий срок. Занятые повседневными делами, решением новых задач, мы оглядываемся назад для того, чтобы сделать то или иное сравнение, только в особых случаях — в праздники, в юбилейные даты, на съездах... Тогда мы подводим итог и с законным удовлетворением и гордостью победителей говорим: да, мы совершили очередной скачок вперед по пути, которым ведет нас Коммунистическая партия.

И вот, если вы работаете, скажем, на Ереванском электромашиностроительном заводе и ваша дорога туда проходит через так называемый «ерорт мас» (третий участок), вам

не покажется удивительным, что ваше предприятие в прошлом году увеличило выпуск продукции на 20 процентов, а в нынешнем увеличит его еще на 46 процентов; что этот самый третий участок, недавний пустырь, превратился в густо застроенный многоэтажными зданиями городской район с великолепной площадью имени Спандаряна, способной украсить любой город; что вдоль ограды вашего предприятия протянулась на юг, к Чарбаху, новая широкая магистраль — улица Акакия Церетели, вся в лесах новостроек; что еще дальше, гораздо южнее территории завода — а ведь совсем недавно он считался пригородом Еревана — появились новые здания, новые кварталы, новые улицы...

Так мы на каждом шагу сталкиваемся с самым характерным для нашей жизни — неуклонным стремлением вперед.

* * *

Когда закончилось совещание, посвященное предстоящему освоению генератора новой, усовершенствованной серии, начальник генераторного цеха, представляя мне молодого человека в синей спецовке, сказал:

— Вот бригадир Мириджан Григорян, о котором я говорил.

Этот парень привлек мое внимание еще во время совещания, в котором участвовали инженеры, мастера, бригадиры. Он мало говорил, но к каждому его слову внимательно прислушивались, каждое его предложение, мнение неизменно находило доброжелательный отклик у присутствующих. И я тоже не мог не поддаться его обаянию. За внешним спокойствием этого сдержанного человека угадывалась скрытая страстность. Его открытое, интеллигентное лицо казалось мне красивым. Впрочем, возможно, на моем впечатлении отразилось все то хорошее, что я слышал о Мириджане.

Пройдя в глубь цеха, казавшегося бесконечным, мы подошли к участку конвейера, обслуживаемого бригадой коммунистического труда Мириджана Григоряна. Участок этот невелик: он едва насчитывает двадцать шагов в длину. Бригада занята сборкой ответственного узла гене-

ратора. В ней, считая бригадира, семь человек.

— Видите парня с пневматическим молотом? — говорил мне Мириджан, стараясь перекричать стоявший в цехе шум. — Это Рубик Ширинян. Ему еще нет двадцати двух, но он уже пять лет работает на этом заводе и все пять лет — в нашей бригаде. Хороший слесарь-сборщик, настоящий комсомолец, верный товарищ.

Познакомил меня Мириджан и с остальными членами бригады. Так я узнал многое об Абраме Такворяне, Меружане Мелконяне, Роланде Оганесяне, Эдике Григоряне, Грише Мхитаряне. Самому старшему — Абраму — тридцать два года, самому младшему — Грише — двадцать один. Все, за исключением Такворяна, — комсомольцы.

— Он тоже комсомолец, но бывший: перерос, — пошутил Мириджан, а потом уже серьезно добавил:

— Сейчас Абрам готовится вступить в партию.

Все эти парни, что стояли у конвейера, чем-то напоминали своего бригадира — может быть, аккуратностью в одежде и чистотой свежесвыбритого лица, спокойными и уверенными движениями, приветливым обращением.

Бригада коммунистического труда Мириджана Григоряна — одна из лучших, если не самая лучшая, в многотысячном заводском коллективе. Одной из первых в городе она и завоевала это почетное, ко многому обязывающее звание. Этого бригада добилась выполнением производственного плана на двести, а то и более процентов, при отличном качестве продукции, поисками новых, более рациональных путей, которые могут дать дополнительную экономию в труде, в материалах, во времени. Словом, секрет успеха бригады — в творческом отношении к делу. Отсюда — одно из главных ее обязательств: вносить не менее двух рационализаторских предложений в месяц.

Однофамилец бригадира Эдик Григорян недавно предложил изменить порядок сборки одной из деталей ротора. В результате высвободился один из двух рабочих, занятых на этой операции.

Рационализаторское предложение

Рубика Шириняна касается так называемой пайки схемы ротора и сейчас испытывается на соседнем участке.

Мириджан внес весьма заманчивое предложение насчет балансировочного кольца.

— Если оно будет принято, — говорит он, — то расход металла, необходимого для этой детали, можно будет сократить на три четверти.

И все это — только за один месяц.

Так обстоит дело с выполнением обязательств по рационализации производства. Впрочем, как мне говорили, бригада отлично справляется и со всеми другими своими обязательствами. Но...

— Нет, не со всеми, — решительно, хотя и не без смущения, возражает бригадир. — Увы, не со всеми. С учебой вот не совсем благополучно. Не все еще учатся, как мы обязались. Профессиональная учеба у нас налажена. Мхитарян и Ширинян учатся в электромеханическом техникуме, один на четвертом, другой на пятом курсе. Но остальные пока не посещают школ. А мы решили, что все, кто не имеет полного среднего образования, должны получить его. А потом и высшее...

Однако Мириджан судил себя и членов своей бригады очень уж строго. Выяснилось, что все они — слушатели Университета культуры при Доме работников искусств, участвуют в коллективных походах в кино и театры, в экскурсиях в музеи и по достопримечательным местам. Разве все это не учеба?

— Конечно, да, — признает бригадир и упрямо продолжает свое: — Но среднюю школу мы все же должны окончить. Вот приходите к нам осенью и увидите, что все мы посещаем школу или техникум.

О крепкой дружбе, связывающей не только членов бригады, но и членов их семей, о товарищеской взаимопомощи и выручке в труде, в быту, о многом другом, новом, коммунистическом в поведении и взаимоотношениях этих хороших ребят можно рассказывать долго.

Я же хочу сказать еще об одном. Все они — народные дружинники, и теперь их знают не только на заводе, но и во всей округе. Вот они выступают попарно с красными нарукавными повязками и специальными значками, люди с уважением смотрят на них — идут стражи общественного порядка!

Когда я прощался с членами бригады, кто-то из них спросил:

— А о скульптуре вы записали? Я ничего не знал о скульптуре.

— Ну, что говорить об этом, — запротестовал было Мириджан.

Но члены бригады придерживались на этот счет иной точки зрения и рассказали мне, что один из армянских скульпторов лепит портрет Мириджана Григоряна. Скульптура будет экспонироваться на юбилейной выставке, посвященной 40-летию Советской Армении.

— Вся республика будет знать нашего бригадира! — гордятся члены бригады.

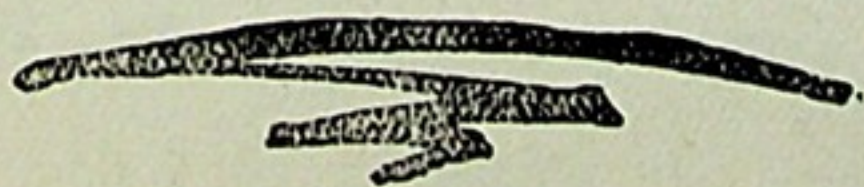
* * *

Вряд ли в Советском Союзе найдется уголок, куда бы не поступали изделия ереванских машиностроителей. Недавно, из колхоза имени 10-летия Октября Черниговской области пришло письмо.

«Дорогие товарищи! — писали украинские колхозники. — Мы от души благодарим всех рабочих вашего завода, участвовавших в изготовлении генератора типа ЕС—83—6С. Машина, изготовленная на вашем заводе, освещает ярким светом дома наших колхозников, и все мы очень хорошо отзываемся об этой замечательной машине.

Желаем вам новых трудовых успехов!»

Присоединим и мы свой голос к этому доброму пожеланию черниговских колхозников творцам электрических машин Армении — коллективу завода имени В. И. Ленина, чья продукция неуклонно растет и к концу семилетки увеличится по сравнению с ее первым годом в пять раз.

Теймураз Джангулашвили

ВОСПОМИНАНИЕ О ЕРЕВАНЕ

Перевод с грузинского В. Тура.

Далекие годы...
О, что я припомню?
Винтовку, погоны,
Учебное поле.

Как нити каната,
Запутаны дни,
Мне детство когда-то
Скрутили они.

Припомню снежинку
В густых волосах,
В улыбке — смешинку,
Прожилку — в глазах.

В ночном бездорожье
Плутала луна.
Был город тревожней
Солдатского сна.

И небо пробито,
И зори красны,
И сердце повито
Туманом войны.

По площади Ленина
Шеренги — что ленты...

Равнень на лево!
Равнень на Ленина!

Отцовские плечи
Взошли надо мной.
О солнце, взошедшее
Над юной страной!

И не потому ли,
Что он мне велел,
Я не утонул
И в огне не сгорел?

Но солнце весеннее
Разбило стекло.
Время веселия
И песен
пришло.

Ко взрывчатым розам,
Что здесь, невдали,
По трудным дорогам
Мы все добрали.

Идем по аллеям
Цветущего лета.
И машет нам Ленин
С площади Ленина.

Каринке исполняется три года...

РАССКАЗ

От горизонта к берегу по лунной дорожке бежит время...

Каринка просыпается, прислушивается и осторожно проводит ладонью по глазам бабушки.

— Проснись, пожалуйста,—шепчет Каринка. — Мне сейчас исполнится три годика.

— Спать, спать! — шепотом отвечает бабушка.

— Я боюсь. Он уже пришел.

— Кто пришел?

— Мой годик... Ты послушай, как он дышит.

— Спи. Утром встанет солнышко, потом пройдет весь день, потом наступит вечер и тогда он придет.

— Он уже пришел, — повторяет Каринка упрямо. — Он устал. Ты послушай, как он дышит. Ты послушай, послушай!..

В тишине кто-то шумно, тяжело вздыхает.

Бабушка надевает очки и удивленно прислушивается. Дыхание доносится из-за окна.

В окне стоит странное желтое сияние.

Бабушка обнимает Каринку и будит папу.

— За окном кто-то есть, — шепчет бабушка.

За окном до самого неба простирается туманное сияние, вздыхают невидимые легкие волны.

— Это море, — говорит папа. — Море спит и дышит, как люди.

— Это море, — как эхо повто-

ряет Каринка. Она выглядывает в окно, улыбается, складывает три пальца, громко целует кончики пальцев и, щедро, широко растопырив ладонь, бросает поцелуй в небо.

В небе чудом держится тяжелая переполненная светом луна. Мягко светятся большие звезды...

Утром встает солнце, и Каринка с бабушкой выходят к морю. Им надо для этого только выйти со двора, потому что дом, в котором они живут, стоит в нескольких шагах от того места, где разбиваются волны.

Дед уже сидит на камнях и читает газеты.

Папа — в море. Море матовое, как зеркало, на которое дохнули, и за папой по воде тянется узкая темная полоса.

— Ну вот и 19 сентября, — говорит бабушка. — Как бежит время!

— Сегодня турбоэлектроход «Балтика» прибудет в Нью-Йорк, — говорит дед.

— Сегодня Каринке исполняется три года, — перебивает бабушка.

— А море уже проснулось? — спрашивает Каринка.

— Волны бегут, — отвечает бабушка, — значит, проснулось...

— А куда они бегут?

Бабушка задумывается.

— К океану, — громко подсказывает из моря папа.

— А где океан?

— За этим морем и еще за другими морями.

— Ерунда! — говорит дед. — Волны бегут к берегу...

Каринка подходит к морю, приседает и проводит рукой по курчавой белой спинке волны.

— Бедняжка! — говорит Каринка. — Ты все бежишь, бежишь... ты устала, наверное.

Волна улыбается, что-то хочет сказать, но не успевает и исчезает под землей.

— Папа! — просит Каринка. — Поймай волну!

Папа берет Каринку за руку, и они вместе входят в море.

Под водой колышутся большие камни.

Каринка обнимает папу и взбирается к нему на руки.

— Там земля шатается!..

— Это кажется, — отвечает папа. — Земля твердая. И пока под ногами земля, ничего не страшно.

Каринка вытягивает ногу, прикасается к воде, взвизгивает, отдергивает ногу, смеется и размахивает руками. И снова вытягивает ногу...

Папа быстро опускает Каринку в море и тут же высоко подкидывает над головой.

Над морем звенит тонкий крик.

Летят солнечные брызги.

— Мы ловим волну! — кричит папа.

— Мы ловим волну! — повторяет Каринка.

Дед поднимает голову, улыбается, откладывает газету и, зябко пожевываясь, надувая щеки, входит в море...

После обеда Каринка, бабушка и папа идут на вокзал.

Поперек узкой песчаной тропинки вдоль берега лежит большой камень. Камень тяжелый, и уже давно никто его не может убрать с дороги.

Бабушка и папа обходят камень. А Каринка не обходит...

Каринка медленно, с трудом взбирается на камень, спрыгивает с него и, улыбаясь, гордо идет дальше.

Вдоль берега у заборов сидят люди и смотрят на море.

— Вон идет девочка, которая перепрыгивает через большой камень! — говорят люди и показывают на Каринку.

Каринка делает вид, что не слышит.

На вокзале уже светятся фонари, и вдали с обеих сторон горят красные и зеленые путевые огни.

Каринка объясняет:

— Красный огонек показывает, что путь закрыт, зеленый огонек показывает, что путь открыт.

Каринка любит перрон, потому что он ровный и просторный. И можно бегать. Она бежит от бабушки к папе, и папа высоко подбрасывает ее над головой. Она радостно просит:

— Еще! На небо!..

И папа подбрасывает ее до неба, и они оба бегают по перрону до тех пор, пока не устают. А бабушка смотрит на них серьезно, о чем-то думает и молчит.

И вдали с обеих сторон горят красные огоньки, которые показывают, что путь закрыт, и зеленые огоньки, которые показывают, что путь открыт.

Потом приходят поезда.

Поезда не останавливаются. Каринка машет им рукой. В окнах электровазов стоят машинисты и улыбаются. Один машинист, не отходя от окна, дергает рукой какой-то рычаг, и электроваз тихо, только для Каринки, что-то выкрикивает.

Каринка объясняет:

— Он сказал: «Не могу остановиться, тороплюсь!»

Папа возражает:

— Он сказал: «Хочу отдохнуть, но нельзя — надо успеть!»

— Ничего подобного — он сказал: «Тороплюсь!»

— Он сказал: «Надо успеть»!

Каринка окидывает папу презрительным взглядом, вдруг улыбается, складывает три пальца, громко целует кончики пальцев и щедро, широко бросает поцелуй папе:

— На!..

Помирившись, они идут к причалу.

У причала стоит катер, и с катера доносится грустная песня. На катере тоже горят красные и зеленые огни.

А в небе горят звезды. Луны еще нет, небо черное, и звезд очень много.

— Споем песню? — спрашивает папа.

Каринка быстро, по-деловому переползает с колен бабушки к папе, зарывается ему в грудь, охотно складывает руки и повторяет:

— Споем песню.

— Верховину?

Верховина — это песня о вершинах. Папа привез ее с Карпатских гор, где он недавно был в командировке.

— Верховину! — соглашается Каринка.

Она любит эту песню и отличает ее от всех других. Она широко раскрывает глаза и ждет...

А в небе горят звезды. Звезды разные: большие, яркие, немигающие, и маленькие, похожие на вздрагивающие глаза засыпающих детей. Маленькие звезды сливаются, как волны в спокойном море, и, кажется, что в небе носятся прозрачные светлые тени...

Каринка слушает песню и, как зачарованная, застенчиво повторяет за папой отдельные слова.

Когда песня кончается, Каринка быстро, не задумываясь, требует:

— Еще!

И папа поет еще, потому, что он и сам любит эту песню, и потому, что ему нравится, как Каринка в это время зарывается ему в самое

сердце, и потому, что перед ним в это время лежит весь мир, унизанный звездами и огоньками, и потому, что он думает в это время о маме, которая тоже полюбила эту песню и с которой у него она хорошо получается в два голоса, и потому еще, что папа вообще любит песни.

На горизонте ложится резкий луч прожектора и отделяет море от неба.

Вдали горит большой свет.

— Это маяк, — объясняет Каринка. — Пароходики плывут к маяку. А если не будет маяка, пароходики не будут знать, куда им плыть, и потеряются...

Домой они возвращаются поздно.

На берегу темно, и, когда они идут по узкой песчаной тропинке, папа берет Каринку на руки.

Вдоль берега у заборов сидят невидимые в темноте люди и говорят:

— Вон идет девочка, которая перепрыгивает через большой камень.

Каринка делает вид, что не слышит, но в темноте улыбается.

Каринка ложится вместе с бабушкой в постель, и они долго чуть слышно шепчутся.

Выходит луна.

Море засыпает и дышит, как люди.

Засыпает и Каринка.

Неожиданно раздается звонок. Папа бросается к будильнику, придавливает его подушкой и шепотом объясняет:

— Я завел будильник на 11 часов. В 11 часов три года назад у меня родилась дочка.

Папа подходит к кровати, на которой лежат бабушка и Каринка, и наклоняется над спящей Каринкой...

И Каринке исполняется три года.

А за окном, от горизонта к берегу, по лунной дорожке бежит время...

Симон Чиковани

Новые стихи

Перевод с грузинского Б. Ахмадулиной

ПРЕКРАТИМ ЭТИ РЕЧИ НА МИГ...

Прекратим эти речи на миг,
пусть и дождь свое слово промолвит
и средь тутовых веток немых
очи дремлющей птицы промоет.

Где-то рядом, у глаз и у щек,
драгоценный узор уже соткан —
шелкопряды мотают свой шелк
на запястья верийским красоткам.

Все дрожит золотая блесна,
и по милости этой погоды
так далекая юность близка,
так свежо ощущение свободы.

О, ходить, как я хаживал, впредь
и твердить, что пора, что пора ведь
в твои очи сквозь слезы смотреть
и шиповником пальцы поранить.

Так сияй своим детским лицом!
Знаешь, нравится мне в этих грозах,
как стоят над жемчужным яйцом
аистихи в затопленных гнездах.

Как миндаль облетел и намок!
Дождь дорогу марает и моет —
это он подает мне намек,
что не столько я стар, сколько молод.

Слышишь? — в тутовых ветках немых
голос птицы свежее и резче.
Прекратим эти речи на миг,
лишь на миг прекратим эти речи.

ГРЕМСКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

Всему дана двойная честь
быть тем и тем:
предмет бывает
тем, что он в самом деле есть,
и тем, что он напоминает.

Я представлял себе корабль
всегда, когда смотрел на Греми.
Каким небесным якорям
дано держать его на гребне?

Я знал — нет смерти на земле,
нет ничему предела,
если
опять, о Греми, на заре
твои колокола воскресли.

Вкусивший гибели не раз,
твой грозный царь, поэт твой бедный,
опять заплакал Теймураз,
тобой возвышенный над бездной.

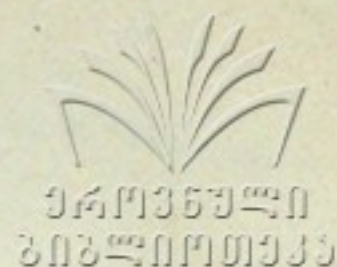
Кахетии так тяжела
нагрузка кисти виноградной.
Вокруг покой и тишина
и урожая вид нарядный.

От заслонивших очи слез
в счастливом зрительном обмане,
твой странник, Греми, твой матрос,
гляжу, как ты плывешь в тумане.

МЕТЕХИ

Над Метехи я звезды считал,
письменам их священным дивился.
В небесах, как на древних щитах,
я разгадывал знаки девиза.

Мне всегда объясняла одно
эта клинопись с отсветом синим —
будто бы не теперь, а давно
о Метехи, я был твоим сыном.

Ты меня создавал из ребра,
из камней твоих сокровенных
и наказывал мне серебра
не жалеть для нарядов военных.

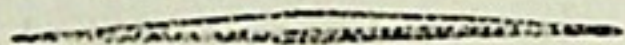
Пораженный монгольской стрелой,
я дышал так прощально и слабо
под твоей крепостною стеной,
где навек успокоился Або.

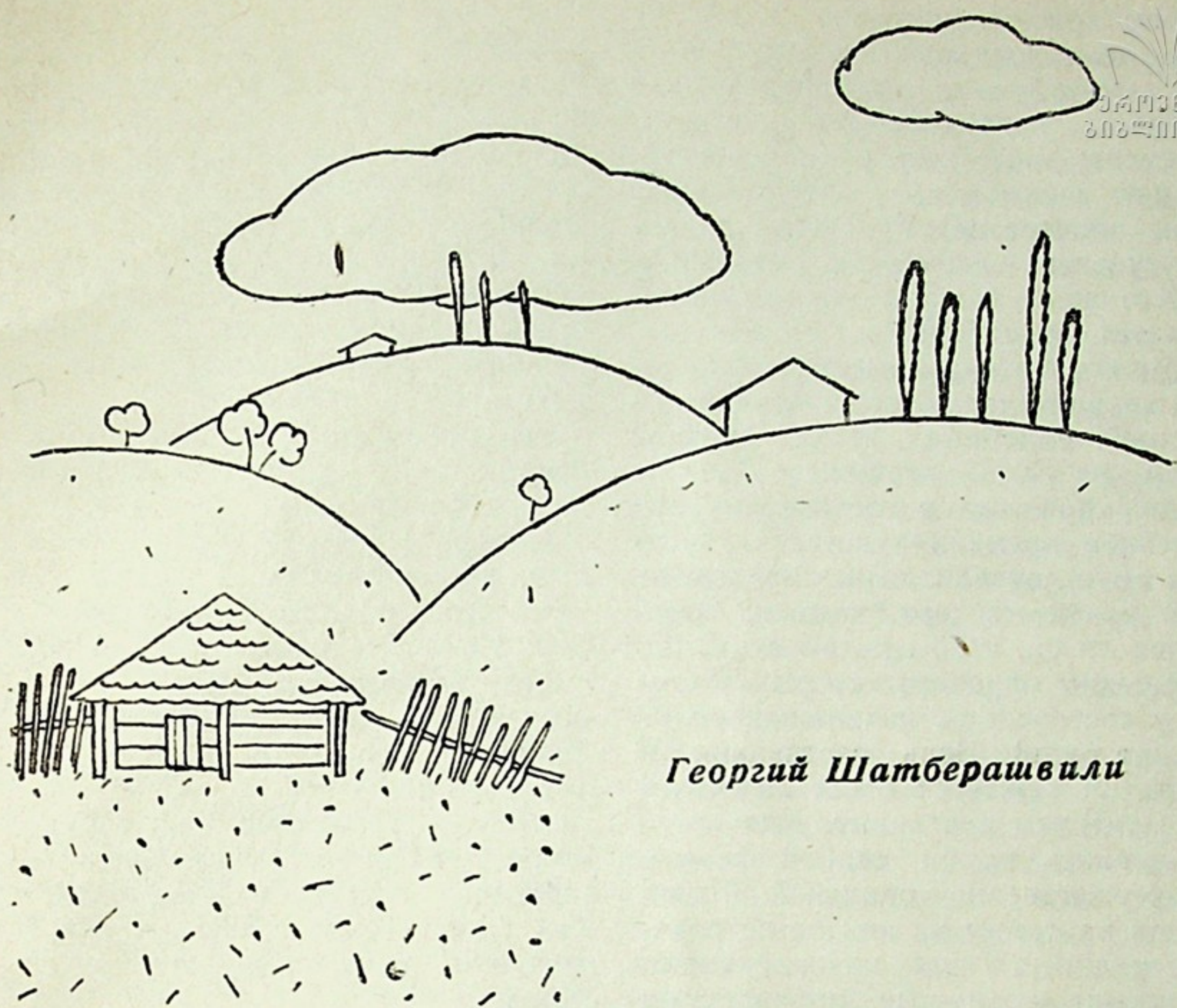
За Махатской горой много дней
ты меня окунал во туманы,
колдовской паутиной твоей
врачевал мои бедные раны.

И когда-то спасенный тобой,
я пришел к тебе снова, Метехи.
Ворожи над моей головой,
обнови золотые доспехи.

Одари же, как прежде, меня
иорским облаком и небесами,
подведи под уздцы мне коня,
чтоб скакать над холмами Исани.

А когда доскажу все слова
и вздохну так прощально и слабо,
пусть коснется моя голова
головой опечаленной Або.

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

Георгий Шатберашвили

Солнце мертвых

П О В Е С Т Ъ

Перевод с грузинского Г. Миндадзе

Рис. З. Церетели

Если не сворачивать со старой, изъезженной арбами дороги, вдоль которой с обеих сторон тянутся деревенские плетни, то, минуя Шубати, непременно выйдешь к тропинке, круто взбегающей на кладбище Дзлевис Кеди. Тропинка, именуемая «дорогой Георгия», петляет по каменистому склону и кончается около большого синеватого камня, возложенного на изголовье крайней могилы.

На первый взгляд камень кажется обыкновенной надгробной плитой, с закругленными от времени углами и стершейся надписью... Од-

нако камень этот имеет свою историю. Жители Шубати называют его камнем Тенго. А некоторые старики-шубатцы вспоминают и другое, забытое уже название. Камнем Хизамбарели называлась раньше эта глыба...

Дорога Георгия... Камень Тенго... Хизамбарели...

Георгий и Тенго — отец и сын. Жили в Шубати, в наше время. Оба покоятся на кладбище Дзлевис Кеди. Сын погиб совсем юным, отец прожил долгую жизнь и умер стариком.

Камень Тенго покрылся толстым

слоем ярко-зеленого мха, и все же кое-где можно заметить высеченные на камне буквы. Большинство букв стерлось, изгладилось — иные от времени, иные — от руки человека; только в самом низу внимательный глаз прочтет два прижатые друг к другу слова — «смертью смерть!».

Кто знает, когда и о чем были написаны эти слова!

Может быть, их высекла рука того же ваятеля, который воздвиг из камней, подобных этому, древний храм на самой вершине Дзлевис Кеди, поближе к всевышнему... С течением времени рушилась древняя стена, отвалился и этот, меченый рукой мастера, камень. Отвалился ли он, чтобы потом стать богатырским орудием, которым в старину состязались, испытывая силу? Может быть! Ведь состязания в поднятии тяжестей были любимым развлечением в старину. Для этого выбирались камни особой формы, преимущественно овальной. Правда, ни на одном из них не встречалось надписи. Таковой, какие, скажем, украшают старинные, оправленные в серебро роги. «Кто разом осушит меня, тому я и достанусь», — гласит надпись на таком сосуде, вмещающем отнюдь не малую толику вина. Разумеется, не каждый мог заполу-

чить такой рог. Возможно, на камнях, которыми состязались богатыри, были прежде надписи, но все это не имеет непосредственного отношения к нашему повествованию. Одним словом, синеватая глыба с Дзлевис Кеди, сохранившая на одной из своих сторон удивительные слова «смертью смерть!», до того, как стать мерилем в состязании сильнейших, имела, видимо, иное назначение...

Но оставим эту надпись, может быть, смысл ее откроется нам в ходе повествования...

Камень с Дзлевис Кеди — особенный, несравнимый с другими камнями этого рода по тяжести и объему. Недаром только два человека смогли поднять его. Один из них — ностельский каменщик Хизамбарели. Имени его почти никто не помнит, ведь с тех пор прошло сто лет! Другой — шубатский юноша Тенго Кобаидзе. Именно смерть Тенго воскресила память о Хизамбарели. Как будто Тенго сквозь столетие протянул руку знаменитому ностельцу.

Синеватая глыба памятником висит на могиле Тенго Кобаидзе. И у этого камня кончается «дорога Георгия».

ХИЗАМБАРЕЛИ

Когда закончили починку древних стен храма на Дзлевис Кеди, храма, принадлежавшего владельческому князю Тархнишвили, князь устроил знатный пир внутри церковной ограды. Была приглашена не только знать всей Картли, но даже многие шубатские крестьяне.

В перерыве между угощениями, когда гости встали, чтобы поразмять ноги, молодежь, не теряя времени, обступила состязавшихся в вольной борьбе. Нашлись и такие, которые окружили синюю глыбу, желая помериться силой, покрасо-

ваться перед гостями и особенно перед девушками.

Сам Тархнишвили посулил награду тому, кто сможет хоть приподнять камень, что называется «пропустить ветерок» под ним, — награду в пять серебряных монет. Кто до колен дотянет — горсть серебра. А тому, кто до груди подымет глыбу, князь обещал шапку наполнить серебром.

О том, чтобы поднять камень над головой и перебросить через оседланную лошадь, никто и не помышлял. По мнению судей, богатыри,

что могли бы одолеть этот камень, давно перевелись.

Однако князь, уже хорошо вкусивший вместе с гостями хлеб-соль, заупрямился и велел оседлать белого коня.

— Кто не уронит честь нашу и перекинет камень через седло, — тому конь, седло, обещанная шапка серебра да еще наше благоволение! — крикнул князь.

Старые шубатцы хитро улыбнулись, князь, мол, шутить изволит спьяна! Но слово есть слово, и коня под красивым седлом уже вели двое холопов. Сняв с головы свои войлочные шапочки, они заслонили коню глаза, чтобы не испугался конь, не встал на дыбы и не смял дорогих гостей.

Рядом с синей глыбой валялся овальный камень поменьше, доступный зеленым юнцам, которые тоже рвались помериться силой. Глядя на них, и возмужавшие молодцы обступили синий камень.

Надрывал свой тонкий голос княжеский шут, карлик, забравшись на ограду. Не утруждайте, мол, зря ручки и не шумите. Не будите тех, кто поднимет еще эту глыбу, а покамест лежит в люльке.

Хизамбарели из Ностэ стоял тут же неподалеку, за тесным кольцом толпы. Он улыбнулся, услышав тонкий голос шута, и протиснулся вперед. Он не успел даже снять фартук и только не держал в руке мастерок, — казалось, он все еще стоит у себя на лесах. Огромный и широкоплечий, как башня, возвышался он над толпой, спокойно глядя, как возятся, тормошат синюю глыбу. Да, он тоже пришел на состязание, о котором оповещала пронзительная зурна, и, конечно, у него и в мыслях не было, что вот он, каменщик, уставший после трех месяцев работы, может попытаться счастье в этой борьбе.

Больше всех старался коренастый парень, крепостной князя Амилахвари, пришедший сюда с того берега Куры. Он не отходил от камня, примерялся к нему со всех сторон.

Наконец ему удалось чуть-чуть оторвать камень от земли.

Но и это была победа.

И он, и его покровитель — князь Амилахвари — считали себя победителями, ведь все равно не было никого, кто мог бы даже «пропустить ветерок»!

— Эй вы, карлики, что прячетесь за спинами! — крикнул Тархнишвили. — Решили чужаку серебро отдать?

Князь медленно оглядел всех мутным взором, словно выискивал того, кто мог бы встать на защиту его княжеского имени. И вдруг он заметил торчащий над толпой светлый чуб Хизамбарели.

— Ты что же прячешься, Хизамбарели? Смелей, парень!

Легко разорвав сомкнутое кольцо, Хизамбарели вышел в круг. Толпа потеснилась немного назад, и он остался один перед своим повелителем. Хизамбарели стоял смущенный, не зная, что делать. Он понимал, чего требует князь. Хочет, чтобы он, Хизамбарели, поднял эту глыбу, потому с сомнением поглядывал то на камень, то на стоявших вокруг него дюжих молодцев, тоже не решавшихся сразиться с глыбой.

Тархнишвили с нетерпением и надеждой смотрел на своего плечистого каменщика.

— Избавишь от позора — озолочу! — крикнул князь.

Все замерли в ожидании.

Голый до пояса, с покрасневшей от напряжения кожей, парень с того берега вызывающе смотрел на соперника.

Каменщик подошел к глыбе, вытер свои большие руки о запачканный известью фартук, посмотрел на князя и улыбнулся. Потом нагнулся, обхватил камень с боков и оторвал его от земли. Но тут же уронил.

— Рохля, Хизамбарели!

— Этот камень не пойдет в кладку, каменщик! Великоват!

— Смотри, уронишь, ноги отшибешь!

Тархнишвили ходил вокруг ра-

стерявшегося каменщика и пошелкивал кнутом.

Теперь с другого края подошел Хизамбарели к глыбе. Протянул к ней руки, обхватил и стал подымать. Только до колен поднялся край глыбы. Зашатался в руках камень и, как живой, снова упал на землю. Зашатался и Хизамбарели. Упал около глыбы на колени, как уставший бык, смущенно опустил голову.

— Поднял, поднял!

— Победил!

— Нет, не удержал — значит, не победил!

— Тот только «ветерок пропустил», но чисто сработал, — гудела толпа.

Никто не знал, о чем думает Хизамбарели. Может быть, он и не думал ни о чем, отдыхая. Может, в самом деле у него не хватало сил, чтобы еще раз поднять глыбу, когда он услышал насмешливый голос своего противника, прокричавшего ему в самое ухо:

— Это тебе не стенки мазать, парень!

Тархнишвили огрел того парня плеткой, чтобы не насмешничал. А Хизамбарели велел подняться: хватит, не надорвись, чего уж там, и так победил, достаточно...

Но каменщик уже не слышал княжеского голоса...

Народ притих. Тархнишвили тоже не сводил глаз с каменщика.

Не подымаясь с колен, Хизамбарели вплотную подполз к глыбе. Обхватив камень сверху, он закатил его к себе на колени, встал вместе с ним. Выпрямился, тяжело переводя дыхание. Голова его была опущена, глядел он не то испуганно, не то изумленно.

— Да славится твоя десница! — крикнул обрадованный Тархнишвили.

Все ждали, что после этих слов победитель бросит камень на землю, но Хизамбарели не торопился. Он что-то показывал князю глазами и так стиснул зубы, что не мог произ-

нести ни слова, словно камень держал не в руках, а зубами.

— Коня! — вдруг закричал Тархнишвили, и в толпе все задвигались, зашумели.

Коня поставили против Хизамбарели. Тархнишвили поднял руку. Стало совсем тихо. Слышно было только, как дышит каменщик. Лошадь, услышав близкое, непонятное ей дыхание, захрапела. Она старалась сбросить мешавшие ей видеть войлочные шапчонки, била копытом и обиженно фыркала.

Хизамбарели весь изогнулся, подлез плечом под глыбу и, подняв камень над головой, последним мощным рывком перебросил его через спину оседланной лошади.

Лошадь вогнула спину, словно почувствовав по движению воздуха, что над ней пролетело что-то очень тяжелое.

Земля дрогнула, когда упал камень, и толпа, затаившая дыхание, разом вздохнула. Потом все бросились к Хизамбарели. Испуганный конь заржал, встал на дыбы и, не разбирая дороги, понесся с площади, увлекая за собой державших его холопов.

Тархнишвили первый подошел к Хизамбарели, который все еще стоял, не двигаясь с места.

— Осторожней, парень, не вводи меня в убыток, я только что эти своды подправил — не рухнули бы! — засмеялся князь.

Расталкивая народ, подошел и Амилахвари. Похлопал победителя по плечу.

— Ты и впрямь молодец, каменщик, да благословит господь твою десницу! Чего хочешь, проси!

— Велите сыграть сачидао¹, князь, велите выйти в круг вашему холопу... — угрюмо ответил Хизамбарели и посмотрел на зурначей.

Амилахвари остался недоволен дерзким ответом холопа, но молча кивнул.

В ответ послышался пронзитель-

¹ Сачидао — мелодия, сопровождающая грузинскую борьбу.

ный звук зурны и глухая дробь до-
ли. Снова сомкнулось распавшееся
было кольцо. Коренастый парень
спешил надеть чоху. Он улыбался,
но щеки его были бледны. Может
быть, он все же надеялся, что одоле-
ет уставшего Хизамбарели. Во вся-
ком случае, многие так думали.

— Пусть отдохнет Хизамбарели,
пусть! Не по чести это!

Но борцы уже сходились.

— Как бы не одолел каменщика
амилахваровский карапуз! — крик-
нул кто-то.

Тархнишвили колебался. Жаль
было уставшего Хизамбарели, одна-
ко жаль и самого себя — не хоте-
лось лишаться удовольствия.

Но раздумывать пришлось недол-
го... Протянув руку для первого по-
жатия, каменщик уже не выпустил
руки соперника. В следующее мгно-
вение он левой рукой уже обнимал
коренастого и перевернул в возду-
хе. Напрасно коренастый дергался,
напрасно пытался вывернуться.

После синей глыбы этот извиваю-
щийся в его руках человек казался
каменщику легким, как стружка.
Скосив глаза, Хизамбарели смотрел
на землю, словно выбирая место,
чтобы низвергнуть свою жертву.

Тархнишвили замер, замерла ру-
ка, сжимавшая плеть.

Однако каменщик еще немного
подержал коренастого в воздухе, за-
тем перевернул его и осторожно по-
ставил на ноги.

И все увидели, что Хизамбарели
не захотел унизить соперника. Не
захотел посрамить его и без того
посрамленное имя.

Казалось, Хизамбарели не раду-
ется своей победе. Он приблизился
к коренастому и внимательно, очень
внимательно посмотрел на него. По-
том улыбнулся и тихо сказал:

— Если б не ты... Если бы ты не
поддел меня, что бы заставило меня
поднять этакую махину?! — И оба
они посмотрели на глыбу.

Угрюмо примостившись на краю
площади, она прочно сидела в зем-
ле. Словно никто и не нарушал ее

вековечного покоя и не мог нару-
шить еще столетия.

Или, может быть, не шутил кар-
лик, когда говорил, что богатырь,
который поднимет ее, еще лежит в
люльке и слабыми ручонками до-
трагивается до развешанных над
ним побрякушек?..

Хизамбарели молча улыбался. Во-
круг него радостно шумела толпа.
Праздник продолжался.

* * *

Для особо почетных гостей Тарх-
нишвили приказал устроить трапезу
на разостланных под ореховым де-
реводом коврах.

К Хизамбарели тоже подошел
слуга, пригласил его от имени кня-
зя и отобрал шапку. Хизамбарели
несмело зашагал к ореховому дере-
ву. Вдруг ему показалось, что его
кто-то окликнул. Он оглянулся, —
никто его не звал. Невдалеке от не-
го переговаривались мужики.

— Шапку-то отобрали! Придется
все же князю отсыпать серебра...

— Думаешь, и коня не пожалеет?

Хизамбарели не слышал этих
слов. Он стоял задумавшись, при-
слушиваясь к чему-то внутри себя.
Он не знал, о чем думает, куда идет.
Куда-то его зовут, а зачем — он
вдруг перестал понимать. Растерян-
но стоял на полпути к княжескому
пиршеству. Сердце его набухло, а
мышцы ослабели. Должно быть, вся
кровь собралась в сердце.

— Парень-то сам не свой, — ска-
зал кто-то удивленно.

— Зовут его, значит, пусть идет,
развеселится...

— Совсем плох парень. Не в на-
строении.

— Отчего же ему быть не в на-
строении! Чего хотел, того достиг!
Серебра не имел — достал, коня не
имел — имеет! И себя прославил!
Раньше его имя на мастерке уме-
щалось, а теперь его каждый знает!
Что еще надо человеку!?

— Несчастен человек, у которого
сбылись все желания! Жизнь — это
желание!.. Что же делать, когда и
желать нечего?..

У плетня сидели деревенские парнишки и потихоньку поглядывали на стоявшего посередине речки старика.

Еще вчера они устроили запруду на этой почти высохшей от зноя речушке, чтобы сегодня рано утром искупаться вместе с приехавшим из Тбилиси гостем. И вот обманулись. Раньше них в этом укромном месте хозяйничал кто-то другой.

За глаза гостя из Тбилиси все почему-то называли «сыном Нино», и это означало, что у парня нет отца. Именем матери шубатцы называли вдовьих детей. В этот ранний час вместе с другими и сын Нино нетерпеливо ждал ухода старика.

Но старик не торопился. Широко расставив ноги, он стоял на быстрине и, раздевшись до пояса, прохладился. Холодные утренние струи бодрили его. Потрескавшимися грубыми ладонями он безжалостно растирал коричневую шею и лицо, седую лохматую грудь, плечи со вздувшимися жилами и выжженными от пота подмышками. Набрал полный рот воды, полоскал горло. Согнувшись в поясе, пыхтел, как разморенный на солнцепеке бык.

Стояло холодное утро. Из-за нависшей над ущельем горы Дзлевис Кеди еще не появлялось солнце. Но старик знал: после утреннего купания весь день хорошо идет работа. А сегодня он должен хорошо поработать.

— И не боится старый холодной воды! Не боится простудить в эту рань свои старые кости! — сказал один из парнишек, сидевших за плетнем.

— Такого хворь не берет! Могучий еще дед.

— Не то чтобы простуды, самой смерти не боится он, хотя и побывал уже разок на том свете!

За плетнем послышался сдержанный смех.

— Тише...

— Вы разве не знаете? Он уже раз помер.

— Как это помер?

— Обыкновенно... Как помирают? Сложил руки на груди, вытянул ноги и помер.

— Все ты врешь! Я тоже здесь вырос, а про это не слыхал!

— Не веришь? Пойди и спроси у Шавдатуа.

— К Шавдатуа сам иди!

— А кто это, Шавдатуа? — спросил сын Нино.

— Шавдатуа это... дружок старика, в позапрошлом году похоронили.

— Хорошенький у тебя свидетель!

За плетнем снова засмеялись.

— Ах, не верите? Не надо! Вам же хуже. Теперь ни за что не расскажу. Мне-то что, я и помолчать могу...

И опять сын Нино спросил:

— Его что, похоронили?

— Ладно, так и быть, расскажу...

За плетнем вновь стало тихо. Некоторое время не слышно было даже шелеста сухой травы.

— Случилось это давно, нас тогда и в помине не было... Шавдатуа на несколько дней уезжал в Тбилиси. Когда вернулся, ему сказали, что умер Георгий. Он, конечно, расстроился, тотчас надел на себя черную блузу и пошел в дом к Георгию выразить соболезнование. Покойник лежал на тахте посреди комнаты, покрытый буркой. Шавдатуа вошел и тут же, ясное дело, расплакался. Осушив первые слезы, он приподнял бурку, чтобы посмотреть в лицо покойнику. Посмотрел и уже не стал больше плакать.

— Ага! Понял, значит?

— Понял... Понял и потихоньку сказал соседям, что, мол, не верю в смерть Георгия—не мертвый он... Мужики чуть не расхохотались.

— Как же он все-таки догадался?

— Глаза у него такие... Как у кошки... На свету светлые, в непогоду темные... И в темноте все видели... Странные глаза у него были. Одним словом, он понял. Потом Шавдатуа увел жену покойного, Хахато, и сына его, Тенго, к себе до-

мой. Заставил соседей привезти с речки три арбы влажного песка. Покойника положили на земляной пол, раздели и засыпали всего песком. Открытым оставили только лицо... Прохладный пол и влажный песок сделали свое дело, и Георгий в тот же вечер очнулся!

— Летаргический сон, вот и все...

— Может быть... Только в тот день его должны были положить в гроб, а там — не поминайте лихом!

Парнишки умолкли. Потом сын Нино негромко заметил:

— Значит, старик прожил две жизни.

— А Тенго не успел и полжизни прожить...

— Ребята, пока сидим здесь и ждем, расскажите историю Тенго! Вы обещали! — воскликнул сын Нино.

— История Тенго и есть история этого старика. Лучше выкупаемся сначала, потом поднимемся на Дзлевис Кеди, тогда все расскажем и камень Тенго посмотрим!

Сын Нино поднялся, отошел от ребят и перегнулся через плетень.

— Почему это он до сих пор не знает историю Тенго? — сказал тот, который рассказывал. — Нино ведь здешняя!

— Как ты не понимаешь, что не могла она рассказать, ведь она была невестой Тенго, а потом уж... — Говоривший умолк. Сын Нино возвращался к ним.

Между тем, старик вымыл ноги, надел шерстяные носки и туфли на резиновой подошве. Встал, но уходить не торопился. Опясался тонким ремешком. Поглядывая на восходящее солнце, щурил глаза. Может быть, он вовсе и не смотрел на солнце, может быть, он и не замечал, что оно восходит. Так он был занят своими мыслями. Солнце бросило сверкающие лучи на его лицо, и капли воды заблестели на седых волосах и бороде.

Приятно было ему после утренней воды, забывшись, стоять в этом теплом, мгlistом воздухе...

— Надо бы крикнуть как следу-

ет и разбудить его! — недовольно сказали за забором.

У старика, стоявшего на солнце, был такой вид, какой бывает у лошади, когда она, закрыв глаза, спит стоя.

За плетнем несколько раз громко чихнули.

Старик вздрогнул и открыл глаза. Потом нагнулся, поднял прислоненную там же, на камнях, лопату.

— А сейчас двинет прямо на кладбище!

— Это зачем?

— Дорогу прокладывает...

— Дорогу?

— Слава богу... Убрался, наконец!

— Но купаться здесь уже нельзя! Намутил воду старикан. Айда в заросли, повыше! Хорошее место знаю!

— Пошли, я тоже знаю!

Парнишки по очереди перемахнули через плетень и побежали вверх по ущелью. Сын Нино последовал за ними, немного отстав. Он шел по зарослям, тихонько насвистывая, и издали наблюдал за стариком, который тоже шел вверх по ущелью, положив лопату на плечо.

* * *

Каждый раз, когда наступала весна и Георгий проходил по этим зарослям, всегда вспоминался ему его погибший сын.

Природа просыпалась, лениво потягивалась. Запах набухшей, влажной земли стоял в воздухе. Пробивалась зеленая травка, одевались робкой листвой голые деревья. Перекликались невидимые птицы...

В это время года старик особенно сильно чувствовал свое одиночество.

«Пусть бы он жил и пил бы сок этой земли и ел бы хлеб этой земли».

«Было бы ему двадцать семь...».

«А теперь пошел бы двадцать девятый...».

«Тридцатый... тридцать первый... тридцать второй...».

По пальцам отсчитывал Георгий годы, пальцев не хватало. Время несло без оглядки. Иногда он сбивался со счета и, напрягая память, вспоминал.

Шли годы, ровесники Тенго входили в возраст, иные уже начали сесть. Но рано погибший сын для отца оставался все тем же полным сил юношей.

Вдруг позади себя, в зарослях, Георгий заметил незнакомого паренька. Рука его придерживала воротник переброшенного через плечо белого пиджака, другая размахивала зеленой, только что сорванной веткой. Ветка шумно рассекала воздух. Парень шел широким легким шагом и что-то насвистывал. Блестящие волосы спадали на упрямый загорелый лоб, ворот белой рубахи был распахнут.

Встреча с молодостью всегда напоминала Георгию о сыне и наполняла его сердце скорбью. Но сейчас у него задрожали колени. Когда он увидел этого парня и услышал, что он насвистывает, Георгий

даже остановился и снял с плеча лопату. Последнее время его мучали странные видения...

Иногда, отдавшись привычной мысли о сыне, он вдруг замирал и, затаив дыхание, смотрел на возникшего перед ним Тенго. Сын укоризненно улыбался. Видение исчезало, и Георгий долго не мог перевести стесненного дыхания, как после долгой и тяжелой работы.

Сейчас было то же самое. Парень, легко шагающий по зарослям, показался ему внезапно объявившимся видением. Георгий не сводил с него глаз.

Парень шел походкой Тенго. Тенго тоже всегда держал голову высоко, глядя на небо. И глаза у него также блестели, когда он шел и насвистывал.

Кто выучил этого мальчугана песенке Тенго? Это ведь песенка Тенго. После его смерти Георгий не слышал ее ни разу, нигде.

И лицо тоже так напоминает Тенго. Господи...

Старательно насвистывая, парень прошел мимо Георгия, облокотившегося на лопату. Смущенный его пристальным взглядом, прибавил шагу. Пройдя немного, перестал свистеть, обернулся и пошел еще быстрее.

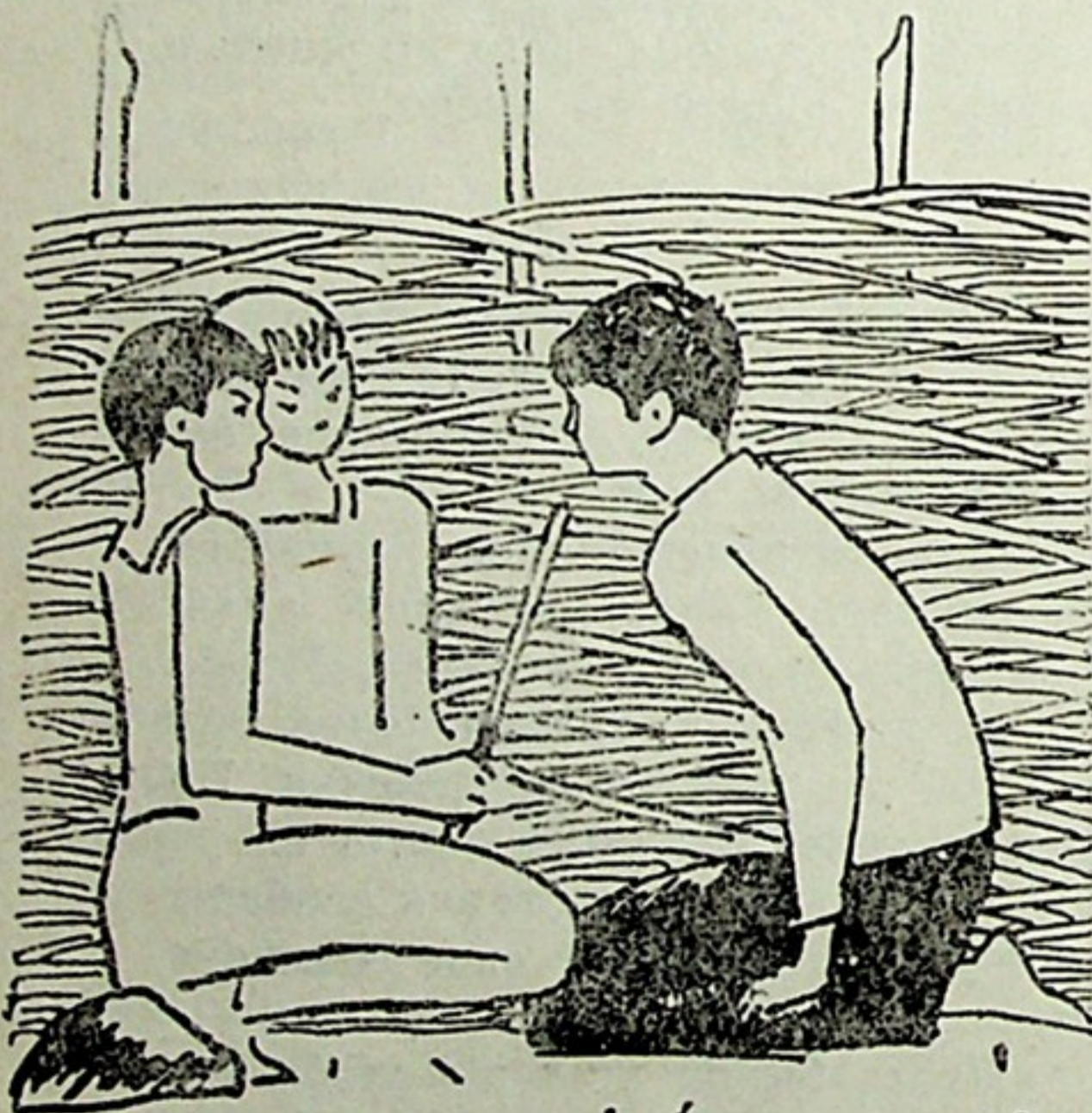
Георгий двинулся дальше по берегу. Чей это парнишка, и почему я до сих пор не видал его в Шубати?.. Не здешний... Сразу видно...

В деревне ни души. И на дороге, и во дворах пусто.

Давно начался большой и горячий день, длинный, как вечность. Спозаранок народ ушел на поля и виноградники.

* * *

Дом Георгия стоял на пригорке, на самом краю деревни. За домом, выше по склону, виднелась полуразрушенная фамильная церковь князей Тархнишвили и деревенское кладбище. Граница между дворами и кладбищем постепенно стерлась. Деревня разрасталась

в сторону кладбища. Кладбище тоже приближалось к деревне. Плиты новых могил появлялись уже далеко от самого склона, вблизи возделанных виноградников и фруктовых насаждений. Это замечали только старики. Для детей все оставалось незамеченным. Они застали деревню в таком виде, и им казалось, что так было всегда. Их не волновало удивительное соседство жизни и смерти. Прямо с могильных плит они взбирались на плетни, чтобы наклонить тяжелые ветви спелой алычи или сливы. Потом садились на плиты и играли в камешки. Они не замечали, как постепенно стираются мальчишечьими подошвами и штанами вырезанные на камне фигуры со скрещенными на груди руками, как исчезает грубая резьба окаймлений, надписей, молящих об отпущении грехов.

Подойдя к дому, Георгий открыл калитку и стал подниматься по каменной лестнице. Лестница заросла бурьяном, сплошь была покрыта сплетенными между собой травами. Скользкие ступени чуть различались... Видно было, что по ним мало кто ступает. А ведь когда-то все было прибрано во дворе Георгия... Во дворе у хорошего хозяина даже мышам не должно быть раздолья! Потому Георгий еще на корню, до того, как зацветут травы, уничтожал все сорняки.

Когда же немного подрос Тенго, он вместе со своими дружками вырывал их с корнем. Потом ребяташки вязали маленькие снопы и даже молотили их... А сейчас бурьян буйно разросся, и не то чтобы около забора или в других глухих местах, а сплошь покрывал весь двор!

Георгий задумчиво поднимался по ступеням... Едва наступала весна, как он шел домой только для сна, после того, как стемнеет. Давно уже кладбище стало ему жилищем, а дом был, как кладбище, холоден и безлюден.

Скоро Георгий вновь появился

у калитки. Возвращаясь, он нес заткнутый кукурузной кочерыжкой винный кувшин. Это было последнее вино. По его расчетам ему больше и не понадобится. Вчера из небольшого квеври он вычерпал все, а остатки вылил на виноградные выжимки для водки. И вычистил квеври.

Уже выйдя за калитку, Георгий заметил на дороге худощавую женщину в черном платье. Заслонив рукой глаза от солнца, он всматривался, стараясь понять, кто она. Эта по-городскому одетая женщина показалась ему на кого-то похожей...

Женщина шла прямо к нему и, пожелав ему доброго утра, остановилась.

— Не признаете меня, дядя Георгий?

Георгий присмотрелся.

— Уж не Нино ли ты?

— Да, — глухо ответила она, — Нино...

— Давно ты не показывалась в Шубати...

Женщина в черном все смотрела в землю, потом низким, прерывающимся голосом сказала:

— Мальчика привезла я, дядя Георгий...

— Мальчика?! — изумленно вскричал Георгий и невольно повернул голову назад, словно позади него вот-вот должен был пройти тот незнакомый парнишка, которого он только что видел в зарослях. — Чей... Чей мальчик?

По лицу ее проплыла тень. Руки ее были так крепко прижаты к груди, словно она хотела успокоить, задержать свое быстро бьющееся сердце.

— Так значит, тот мальчик твой?

— Мой... Наверно, о моем спрашиваешь...

— Ну да, тот, наверно... Давеча я встретил его около реки, он шел и насвистывал!..

— Насвистывал? — грустно улыбнулась Нино. — Такая привычка у него...

«Так вот кто научил его песенке Тенго!.. Своего мальчика научила... Наверно, и Тенго она научила», — подумал старик ревниво.

— Это мой мальчик... — повторила женщина и добавила робко: — Дядя Георгий, вечером вы дома? Дело у меня... Хочу познакомиться вас с мальчиком!

— Вечером?.. Да... я буду там! — Ослабевшей от волнения рукой он указал на видневшуюся вдали Дзлевис Кеди.

Все еще волнуясь, он зашагал по дороге, прочь от Нино. Когда он обернулся, она все еще стояла, ссутулив спину.

Несмотря на все свое смятение, он старался не думать об этом парнишке, старался не думать о сыне Нино, потому что не верил, что она могла бы так долго хранить свою тайну.

Тайна эта могла бы принести ему успокоение. Счастье и успокоение. Он не хотел об этом думать, но перед ним маячило лицо юноши и эта женщина в черном. Постарела, поседела... Ну да, досталось и ей! Настрадалась... Настрадалась, и все же замуж вышла! Кто знает, вышла ли? Ведь все годы она прожила в городе... Если нет, то чей же это парень... Был бы Тенго жив, стала бы она ему, Георгию, снохой и все было бы, как и должно быть — семья, внуки, живые голоса в доме! И не шел бы он сейчас этой дорогой...

* * *

Он вышел на дорогу, которую с двух сторон обступили плетеные изгороди и, свернув влево, стал подниматься по склону. Дорога, ровная, как тахта, была сделана заново на месте прежней узкой тропинки упрямой рукой старика. Это он разровнял и расширил тропинку, расчистил ее так, что и камешка лишнего не осталось на ней. Дорога вилась по склону, как пояс, постепенно поднималась вверх к кладбищу.

Старик поднимался, придирчиво осматривая вчерашнюю работу. По его расчетам он последний раз поднимался сюда...

Проложенная им дорога выходила прямо на площадку перед старым храмом. Тут же, на могиле Тенго, покоилась синяя глыба — убийца Тенго. Всякий раз, проходя мимо, Георгий отворачивался, стараясь не глядеть на нее. Сегодня он скатит этот камень вниз по проложенной им для этого дороге, скатит в ущелье.

Поднявшись на площадку, он осмотрел вчерашнюю свою работу и остался недоволен: в одном месте выступ склона слишком выпирал вперед. «Выступ надо убрать, мешает», — подумал он и прислонил лопату к выступу. Потом, присев на корточки, поставил кувшин в тень, у края дороги. Глубоко в тень поставил, чтобы солнце до него не добралось. Вчера, уже на закате, он спрятал здесь железный лом, которым в течение всего месяца крушил этот каменистый склон.

Потом прошел прямо к могиле сына. Прошел мимо, не глядя на синюю глыбу. И увидел цветы. Какие-то безымянные, серые цветочки! Он оглянулся. Ни на одной могиле не было свежих цветов. Он знал, что, когда сюда приносят хлеб, вино и цветы, не забывают и Тенго. Он не удивлялся и не спрашивал...

Прежние, уже вошедшие в возраст друзья-товарищи сына и новая поросль юнцов не забывали Тенго... Но сейчас эти серые цветы взволновали Георгия. Конечно, цветы принесла Нино... Она была здесь и положила эти скромные цветы. Отсюда шла, когда он ее встретил, шла с покрасневшими глазами. И ничего не сказала. Помнит она Тенго, помнит! До сих пор привязана к нему сердцем. Но почему же она не привела сюда своего сына, если он... Георгий поднял цветок. Полевой цветок издавал запах дикой мяты.

Прямо перед Георгием прыгали воробьи. Они обмывали носики в невысохших еще лужицах дождевой воды, пили ее. Воробьи привыкли к Георгию и не улетали при его появлении. Он часто оставлял им хлебные крошки от своей полуденной трапезы, которую устраивал здесь же, на этих плитах.

Под ними лежали его близкие... Поодаль, под позеленевшими плитами с полустертыми надписями покоились далекие родоначальники рода Кобаидзе. Сюда, ближе — Тедо, отец Георгия, Даро, мать Георгия.

Между могилой Тенго и могилой Даро было оставлено место. Там должен быть похоронен Георгий... Супруга Георгия Хахато лежала рядом с сыном, слева. Это была самая крайняя могила. Дальше не было места, да и некого уже было хоронить в семье Кобаидзе.

* * *

В деревне многие думали, что забылась печаль Георгия по погибшему сыну. Все же ведь приходит конец... Другое дело смерть Хахато, смерть супруги... Когда уже в старости тебя оставит твой спутник, покинет тебя и уйдет в небытие, и если, к тому же, на этом свете нет у тебя ни души, горе твое бесконечно...

* * *

В деревне не любили этого угрюмого человека. Поговаривали, что несдержан он словом и недобр глазом. Сердцем на свою мать, гордячку Даро, похож. И за спиной звали его не Георгием, а Авгеоргием¹.

Что за человек — то молчит, слова не вытянешь, а уж если скажет, то непременно что-нибудь ехидное. И не разбирает, что тут — свадьба или поминки, или же просто собрались люди посидеть за столом.

Сам Георгий любил вино и пил его помногу, но никто еще не видал его пьяным. Вино было для него

потребностью, утолением жажды, и стремился он к нему, как стремятся к холодному ручью в жаркий день. Потому-то всегда знал меру и со стола вставал тогда, когда другие лишь входили в раж.

Именно тогда вставал он и, подняв стакан, произносил благодарственный тост:

— Живите и размножайтесь... Да не переведутся в вашем доме ни живые, ни мертвые... — и, не задерживаясь, надевал свою круглую войлочную шапочку, отправлялся домой.

— Вот так тост! Скажет, проклятый, и не поймешь — за здоровье или за упокой это...

— По-моему, все ясно! Пусть не переводятся в вашем доме покойнички!

— Господи, с нами крестная сила!

А он шел себе и не обращал внимания на пересуды. И не думал о том, что надо бы разъяснить свои слова. Только посмеивался: не понимают, глупцы, — ведь где жизнь, там и смерть... Без нее нет и жизни. Смерть не входит только туда, где нет ничего, нет семьи... Что ей там делать? Не понимают, что из одного дерева делаются и гроб и люлька! Другое дело, что время свое она должна знать, проклятая... И не косить ранние всходы... А то ведь выкосит, выжжет все вокруг, и остается человек один, как перст...

* * *

Говорят, когда овдовела мать Георгия Даро, то вместо черной одежды надела шинель мужа, подпоясалась его ремнем, на котором висел кинжал, и сказала так, чтобы слышали соседи: «Теперь, раз и навсегда, и Даро я, и Тедо!».

Была ли это шутка или занозистая выдумка, но маленький Георгий никогда не видел на своей матери пояса с кинжалом. Правда только в том, что после смерти мужа дом Даро не пошел прахом, а наоборот, потолок как будто стал

¹ Авгеоргий — злой Георгий.

выше, и в окна лилось больше света... На всем: доме, дворе, винограднике — чувствовалась крепкая работающая рука.

Скоро в помощь себе Даро взяла долговязого сироту Шавдатуа. В деревне удивились этому. Шавдатуа слыл за неисправимого бездельника. Но оказалось, что вдова была прозорливой. В ее руках парень превратился в усердного ярменого бычка, с удовольствием подставившего под ярмо свою шею. Ему в пару вдова подпрягла сына своего Георгия. Георгий и Шавдатуа были ровесниками. Мальчишек вдова не различала, с обоими обращалась строго, обоих растила как сыновей.

Первым женился Шавдатуа. Поселился там же, по соседству, на подаренной вдовой земле. Так что Даро не лишилась необходимого ей подспорья.

Вдова спешила женить сына. Подыскала ему невесту с приданным, несколько раз даже намекнула об этом Георгию. Но Георгий ответил отказом. Тогда вдова подослала к сыну своего преданного единомышленника.

— Что случилось, Шавдатуа, — улыбнулся Георгий, — ты что, свахой заделался?

— Хочу погулять на твоей свадьбе, Георгий!

— Хорошо быть женатым? Раз хорошо, то и радуйся себе на здоровье, а меня не дразни... Погоди, и я не собираюсь жизнь без жены прожить...

Георгий умолк. Шавдатуа долго допытывался и, в конце концов, добрался до истины: запала в сердце Георгию девчонка из обедневшей соседской семьи.

Услышав про это, Даро схватилась за голову. Никогда, никогда не впустит она эту голь перекадную к себе в дом.

Но Георгий был сыном своей матери и тоже не собирался уступать. К тому же в его сердце уже пылал огонь любви.

Между вдовой и ее сыном метал-

ся Шавдатуа, умоляя то одну, то другого уступить. Но ни Георгий, ни его мать не сдавались.

Тайно от матери должна была состояться помолвка. Назначен был день обручения. Но случилось непредвиденное. Шавдатуа затеял драку. Георгий бросился на выручку. Вмешалось еще несколько человек. В результате получилась знатная потасовка, после которой Шавдатуа и Георгий за нанесенные ими увечья были арестованы.

Летели дни, а арестованных и не выпускали, и ни о чем не спрашивали. Прошел назначенный для обручения день. Георгий кусал пальцы. Сердце его вещало о недобром, хотя разумом он все отвергал. Шавдатуа был взволнован не меньше. Он сидел, свесив голову, и громко вздыхал. В первые дни ареста он еще подбадривал и успокаивал Георгия. Теперь он сам стал нуждаться в утешении. Его терзала какая-то печаль, и он не смотрел в глаза Георгию. Вина их была небольшой, однако их все не выпускали. Всегда беспечный, а теперь явно обеспокоенный, Шавдатуа вызывал подозрения. Сомнения мучили Георгия.

Прошло еще две недели, когда арестантам вдруг открыли двери и выпустили.

Шавдатуа тут же завернул в циркулюню, Георгий ждал его у дверей. Ему было не до бритья. Не разговаривая, они вышли на дорогу.

Уже смеркалось, когда они добрались до деревни.

Георгий воровато скользнул мимо своего дома и пошел дальше. Шавдатуа растерянно смотрел ему вслед, потом тоже шагнул в темноту.

Георгий свернул с дороги и остановился около небольшой плетеной калитки, засвистел.

В ответ залаяла собака, и чей-то голос крикнул: «Молчи, чтоб тебя волки съели!» Калитка отворилась, и высунулась голова мальчонки.

— Позови Эло... — глухо попросил Георгий.

— Эло... — растерялся мальчик. — Я не могу позвать Эло...

— Почему же, бичо?

Мальчик стоял в калитке и, не оборачиваясь, ногами отгонял наскაკивавшую сзади собаку... Нет, о собаке он совсем не думал. Он растерянно смотрел в темноте на заросшее темной бородкой исхудавшее лицо Георгия, которого он любил не меньше, чем своего старшего брата.

— Почему же, бичо?.. — чуть слышно повторил Георгий.

— Увели ее...

— Увели? — воскликнул Георгий, и вдруг ему стало холодно. По всему телу пробежала мелкая противная дрожь. Он чуть было не спросил — куда же увели, но уже понял, понял... Он знал, когда говорят это слово — увели... Увели — ясно, вышла замуж, выдали...

— Насильно или по своей воле? — совсем уже тихо спросил он.

Мальчик все сильнее ударял ногой собаку.

— За сына Иорданэ вышла... По своей воле... — сказал он.

Словно оглушенный, шатаясь, пошел Георгий прочь, и в темноте столкнулся с Шавдатуа. Некоторое время они так стояли лицом к лицу. Потом Георгий, оттолкнув рукой друга, стремительно повернул к дому.

Матери не было. Вышла к соседям... Георгий зажег лампу и подошел к стене. Снял кинжал и стал подвешивать его к поясу. Только сейчас он заметил, что Шавдатуа тоже вошел за ним и прислонился к дверям.

— Ты что задумал?

Георгий стоял посреди комнаты, широко расставив ноги и склонив голову на грудь.

— Убью...

— Молчи! — Шавдатуа приложил руку ко рту Георгия.

— Убью... Если по своему желанию... Больше двух недель не могла выдержать, сучка!

— Может быть, она и не по своей воле...

— Все разузнаю... И не промахнусь тогда!..

Шавдатуа рот разинул от страха, даже к стене прислонился.

— Идешь со мной?

Шавдатуа молчал.

— Не пойдешь, так и не нужен мне больше... И никогда не будешь нужен! — повторил Георгий.

— Ладно, выйдем... — вздохнул Шавдатуа и пошел вслед за Георгием.

Они довольно долго шли в темноте. Стояла ненастная погода, моросил дождь. Они шли, не разбирая дороги, прямо по вязкой, липкой грязи.

Прошли еще немного, и Шавдатуа схватил Георгия за руку, увлек в кустарник.

— Не надо идти дальше... Лучше, чтобы ты узнал правду, может пролиться невинная кровь...

Георгий стоял, окаменев, не веря своим ушам.

Шавдатуа распахнул рубашку:

— На, убей меня!..

— Молчи, — задохнулся Георгий.

— В здравом уме говорю я... Виноват... Я все подстроил... И драку, и арест, и Эло уговорил...

Георгий молчал. И вдруг за спиной Шавдатуа он увидел заносчивые, гордые глаза матери и закричал в бешенстве:

— Ты или... она?

— Мы... — не сразу ответил Шавдатуа.

— Все равно! Она во всем виновата! Она одна!.. И горе тебе, несчастная!

Схватившись за голову обеими руками, он бросился назад, к дому.

Шавдатуа догнал его.

— Подумай, что делаешь, что замышляешь?!

— Пусти!.. — замахнулся Георгий.

гий и так сильно толкнул Шавдатуа, что тот упал в грязь.

Шавдатуа поднялся и, снова нагнав Георгия, упал на колени, вцепился в него.

— Ведь это мать... Все же мать...

— Хорошо... Сегодня переночую у тебя.

Ту ночь, и следующую, и всю неделю Георгий пролежал в бреду. Он валялся на широкой тахте Шавдатуа в жару.

Даро не показывалась, и Георгий не спрашивал о ней. Когда жар спал и он уже мог сидеть, позвал Георгий хозяина и сказал доверительно,

— Сходи к матери и скажи ей— пусть выделит меня. Завтра же... Сегодня же... Ты будешь посредником и поделишь все, до самой малой мелочи. Лишнего не хочу ничего... Скажи ей, губительнице моей, пусть забудет имя мое и не смеет даже глядеть в мою сторону. Пусть ослепит себя... Пусть ослепит себя, пусть!..

— Разве это возможно? Ты же единственный сын, вдова она... — осмелился Шавдатуа.

— А то, что она сделала, возможно?! Возможно?!

— Ошибся я, прости, из любви к тебе сделали, добра хотели... — бормотал Шавдатуа.

— Подожди, я и до тебя доберусь. А пока делай то, что велят!..

— Твой раб я... Раб... Обманулся, — заплакал Шавдатуа. — Бабий ум сгубил... И семью вашу разрушил!..

— Нет, не разрушил. Очень скоро я приведу вам такую сноху, что все будут помирать со смеху, глядя на мою мать! Будут говорить, что сама над собой поиздевалась гордячка Даро. И ты мне поможешь, слышишь!

— Что ты еще задумал? — жалобно сказал Шавдатуа.

На глазах Георгия выступили слезы. Он попытался проглотить их, но они не исчезали, да он и не

скрывал их от помрачневшего лицом хозяина.

— Найди самую нищую, самую уродливую, самую никудышную в деревне девку и сосватай мне... И скорее! — прошептал Георгий и повалился в постель. — Все... все я потерял...

Шавдатуа растерянно смотрел на него, не зная, что делать.

— Самую уродливую и нищую, чтобы, глядя на нее, Даро почернела от горя!

Двухэтажный дом разделили пополам и посреди двора поставили высокий досчатый забор. Георгий так и не увиделся с матерью, все дела доверил посреднику.

К разделу имущества и к сватовству Шавдатуа отнесся крайне добросовестно, стараясь этим загладить свою вину перед Георгием. Каждый раз, когда он поздно вечером открывал дверь своего дома, за нею уже стоял жаждущий новостей Георгий.

— Невеста найдена, — сказал однажды вечером Шавдатуа.

— Все так, как я тебе говорил?

— Точь-в-точь... Бедна... некрасива и к тому же глуховата.

Георгия будто молния пронзила. Но он и виду не подал. С трудом проглотил подступивший к горлу ком.

— Кто она?

— Дочка Тикинэ, Хахато...

Георгий был знаком с дочерью Тикинэ — Хахато. Совсем недавно он столкнулся с ней на лесной тропинке и даже пожалел ее — такой смирной и убогой показалась она ему. А теперь... теперь он навсегда должен связать себя с этой некрасивой девушкой, отдать ей свое гордое сердце, ввести ее в свой дом.

Придурковатый Тикинэ был в деревне последним человеком. Родился он в земляной лачуге и ничего не добавил к отцовскому достоянию.

— Может быть, устроим смотрины? — спросил Шавдатуа.

— Черт тебя подери, к чему смотреть глухую уродку?

— Да вот... Они вроде бы не согласны...

— Кто? Тикинэ? — горько усмехнулся Георгий.

— Нет, дурачок Тикинэ радуется, что, мол, за счастье мне привалило, где бы я мог достать такого зятя, как Георгий. А девушка сказала: если он надо мной смеется, то привыкла я к насмешкам, если же он правду говорит, то и тогда какое-то несчастье над моей головой... Плакала.

— Так, значит, и ум и сердце есть у нее! — воскликнул Георгий и вдруг почувствовал удивительную жалость к несчастной своей невесте.

* * *

Хахато оказалась хорошей женой. Из трех несчастий (бедность, уродство, глухота), чем дочка Тикинэ и заслужила внимание Шавдатуа и женитьбу Георгия, первой отпала бедность. Ее привычная к труду рука преобразила их молодое хозяйство. Работала она, не разгибая спины, преданно глядя в глаза мужу. И второе постепенно стало незаметным. Эта девушка с ясными глазами, стыдливая и чистая, раскрыла перед Георгием свое девичье сердце, и почувствовал он счастье истинного опьянения.

Что касается третьего несчастья — оно Георгия совсем не беспокоило. Во-первых, Хахато была не совсем глухая, к тому же Георгий был молчалив и произносил слово лишь тогда, когда в этом была необходимость... И тогда голос его гремел так раскатисто, что сказанное им слышала не только жена, но и живущий в самом конце деревни его тесть Тикинэ.

Настало и то время, когда Георгий

искренне радовался этой игре злого своего счастья... Конечно, он не показывал виду. Да и кто же поверил бы этому?

Иногда так, чтобы слышала мать, он кричал жене:

— Хахато... Хахо, девочка... Иди сюда, генацвале!

И то только в первые дни...

Они оба страдали: и мать, и сын. Не раз заливалась слезами и Хахато. Она отлично знала причину своего счастья и мучилась жалостью к свекрови. Она даже пыталась защитить свекровь, но Георгий в ответ, помрачнев, осведомлялся, не соскучилась ли она по землянке Тикинэ.

Через год у Хахато родился сын. Отпраздновали крестины и назвали сына Тенгизом.

Шавдатуа надеялся, что рождение сына помирит Георгия с матерью, но в сердце Георгия все еще тлел огонь той любви, да и не зажила нанесенная матерью рана.

Осанистая и гордая Даро сломилась, осунулась. Она понимала, что не скоро еще сын посмотрит в ее сторону.

«Своим характером наделила сыночка, — думала Даро, — молод и силен он, этим и берет, а мне теперь недолго жить...»

Через забор, возведенный рукой Шавдатуа, как из бесконечной дали, наблюдали они друг за другом, тоскуя, но не сдаваясь.

И если у родника, или на том месте, где собирались женщины, Даро замечала издали знакомую фигуру сына, или же кто-нибудь услужливо шептал ей — «Георгий идет», — Даро набрасывала на лицо край черного головного платка и, зажмурив глаза, замерев, ждала, когда же сын пройдет мимо.

Так шло время, и только один раз близко, очень близко, подошел Георгий к матери и посмотрел ей в лицо. Посмотрел и заплакал. Глаза Даро были закрыты.

Солнце поднялось высоко, и стало еще жарче — зной исходил от прожженного скалистого склона. Вчерашний легкий дождик только слегка умыл лицо земли. Полуденное солнце высушило лужицы на могильных плитах, уже не прыгали воробьи.

Распростертые внизу поля сливались с небом. Небо, отливающее цветом раскаленной меди, нависло над полями, слилось с ними, и все это было похоже на замерший под солнцем безмолвный океан. Где-то за краем земли, в мареве, виднелись резко очерченные пики Кавкасион.

Георгий посмотрел на запад.

«Надолго очистилось небо, — подумал он. — Будет погода».

Выступ был уже наполовину разрушен. Георгий устал и проголодался. Вытер потные, запачканные землей руки и сел завтракать.

Зубы его были еще крепки, ему нетрудно было разжевывать высушенный на солнце, заскорузлый хлеб; наоборот, он испытывал удовольствие от того, как хлеб крошился на зубах. Хлеб он запивал вином. Вино с бульканьем лилось в пересохшую глотку, размачивало сухие крошки, стекало по подбородку, теряясь в бороде, капало за воротник.

Вдруг внизу, у подножия склона, послышались голоса. Георгий не видел разговаривающих, их заслонял кустарник.

— Ну и после всего старик немного того...

«Немного того... — повторил Георгий про себя. — Немного того?»

Наверно, произнося многозначительное «немного того», говоривший улыбнулся, и, приложив палец к виску, покрутил им, показывая, что старик не в своем уме, рехнулся, мол, малость.

Георгий усмехнулся и снова поднес кувшин к губам. Он пил по-прежнему жадно, не отрываясь, не переводя дыхания. Потом засунул оставшийся кусок хлеба в кар-

ман, а кувшин заткнул кукурузной кочерыжкой и снова поставил в кусты.

Теперь уже гораздо ближе он услышал:

— Вот поднимемся и спросим...

Вино медленно разливалось по телу. Георгий даже запел тихонько себе под нос.

«Сейчас начнут выпрашивать, зачем да для чего...»

Он повернулся спиной к тем, кто поднимался снизу, и упрямо всадил лопату в землю.

«Кто дал право одному человеку заглядывать в душу другого, кто позволил ему выведывать да выпрашивать? Моя мысль принадлежит мне, кому какое дело, для чего я прокладываю дорогу, что я подумал вчера или подумаю завтра!..»

Но его ни о чем не спросили. Снизу поднимались шубатские ребята. Среди них Георгий снова увидел того парнишку, которого, сам того не ведая, мысленно называл, как называли его и другие, сыном Нино. Георгий бросил лопату и стоял, не двигаясь.

— Дядя Георгий... — услышал ушедший в свои мысли старик.

— А?! — воскликнул он и заморгал глазами.

Перед ним стоял сын Нино и почему-то смущенно улыбался.

— Я — сын Нино... Можно... — несмело, запинаясь, начал парнишка.

«Нино или... или и моего сына сын? Значит, и мой», — крикнул кто-то внутри него. От этого голоса он чуть не упал и схватился за рукоять лопаты. Потом протянул руку сыну Нино.

— Да, знаю... Утром еще видел...

Сын Нино пожал его руку. Такая же сильная рука и упругая ладонь были у Тенго... Глянул в глаза...

Боже великий, как похож на него...

— И я вас тоже заметил... — сказал сын Нино.

— Вчера приехал из Тбилиси... — услышал растерянный старик голос того шубатского парня, который, поднимаясь по склону, рассказывал про него.

«Наверно, несчастная женщина сама не посмела прийти сюда и отправила сына со сверстниками, чтобы они...»

— Он не знал про историю вашего Тенго, и мы рассказали... Мы хотим показать могилу Тенго и тот камень... Можно?

— Покажи, сынок... — с трудом выговорил Георгий и угрюмо посмотрел в сторону камня.

Этот городской мальчонка не знает истории Тенго, нет... Не угадало твое сердце, Георгий... Нино не послала его. Был парень в зарослях, услышал от товарищей старую историю и поднялся посмотреть на проклятый камень. Конечно!.. А ты... что только не вообразил... Как далеко унесло тебя твое сердце!.. Так вот. Больше не надейся ни на что!

Георгий ожесточенно ударил лопатой.

Сын Нино довольно долго стоял около могилы Тенго, потом подошел к синей глыбе, нагнулся, словно хотел взять ее руками, но, заметив пристальный взгляд старика, смутился и отошел.

Через некоторое время парнишки стали спускаться вниз со склона: Сын Нино шел позади всех. Проходя мимо Георгия, остановился.

— Здорово поработали вы, дедушка... Скалистый склон разломать нелегко, а вы совсем раскрошили его!

— Да, сначала мы крошим... Потом он нас крошит.

Юноша улыбнулся:

— Не кажется ли вам дорога узковатой?

Георгий усмехнулся. Концом лопаты он продолжал ковырять землю.

— На этой дороге одну сторону, сынок, встречных нет!

Сын Нино ничего не ответил. Отвернувшись от нахмуренного лица старика, избегая его пристального взгляда, он побежал вниз. Там его ждали шубатские ребята.

Георгий посмотрел вслед и глубоко, очень глубоко вздохнул.

* * *

Он работал, не отдыхая. Иногда вытирал пот со лба и для того, чтобы определить время, украдкой смотрел на солнце. Солнце стояло в зените, поэтому он не решался взглянуть на него прямо, зная, что в глазах потемнеет, а потом очень долго не будет видно ничего, кроме черных кругов.

Он счищал лопатой накопленный им щебень. Вдруг лопата звонко уперлась в выложенную крупным камнем древнюю стену. В стене было углубление, отделанное четырьмя красиво выточенными камнями. На полке стоял маленький кувшинчик. Там же лежала горсть серебряных монет. От времени кувшин стал буровато-черным, деньги покрылись зеленью.

«Тут кто-то жил когда-то», — подумал Георгий и, сняв с полки кувшин, стал рассматривать его со всех сторон. Кувшин ему понравился. Как рассерженный гусак, вытянул кувшин свою тонкую, железную шею. Невольным движением поднес его Георгий к носу. Но, вместо знакомого терпкого и кислотатого винного аромата, плесень и горький запах времени ударили ему в ноздри, и он сразу же опустил кувшин. «Может быть, тут хранили вино? Но если здесь было хранилище, то откуда деньги?» Георгий смел их с полки. Наверное, отмерив вино, человек складывал деньги тут же, на эту полку... Нет, нет, виноторговец не стал бы употреблять для меры такой красивый кувшин.

Зеленая ржавчина изъела старые монеты. Давно, давно это было!

В Шубати никто не помнит, и Георгий тоже не слышал, чтобы здесь кто-нибудь жил. Значит, давно это было. И все же жил здесь кто-то!.. Был у него виноградник, был этот кувшин, пил он вино. Да вот и деньги у него были! А умер он, умер человек, и никто о нем не помнит...»

Георгий посмотрел на кусты.

«И я тоже живу, у меня тоже есть свой кувшин, стоящий вон в тех кустах, в нем вино тавквери¹...»

Эти мысли и вино привели его в хорошее настроение. Ему захотелось побеседовать с кем-нибудь, хотя бы даже со своей тенью. Он перешел через дорогу и подошел к одной из могил.

— Шавдатуа, ты мой губитель! А теперь и тебя нет... Неверный ты был человек, предал меня, смешал мне пути-дороги, но разве я того не помню, что ты возвратил меня с того света для этого вот сладостного и горького мира! Все равно я люблю тебя. Ведь это я положил этот камень тебе на сердце... и этот старый кувшин... это я... я приду к тебе скоро...

Он поставил кувшин на землю, деньги насыпал рядом и вернулся. Много было у него вопросов, на которые Шавдатуа все равно не мог бы ответить.

Когда он выходил на дорогу, чтобы продолжить прерванную работу, он наткнулся на камень Тенго. Сел на него и, опустив голову, прошептал:

— Если бы ты, Георгий, так не любил злое слово, сказанное не то чтобы ради красного словца, а от гордыни проклятой, то мальчик твой был бы рядом...

Георгий поднял голову и вдруг увидел перед собой на другом камне, поменьше, сидящего человека. Он тоже сидел, опустив голову. Он был похож на него, на Георгия. Не просто похож, это был он сам. Его образ и его подобие. Только еще

более угрюмый и нахмуренный. Под седыми бровями тревожно поблескивали темные глаза.

Георгий не испугался и не удивился. Он сразу узнал его, хотя и видел в первый раз... Давно мечтал он встретиться с этим человеком и откровенно поговорить с ним. То был Авгеоргий. Услышав голос Георгия, Авгеоргий поднял голову.

— О каком недобром слове говоришь ты?

— Пришел ты? — спросил Георгий.

— Да, пришел... Ну-ка объясни хорошенько, разве слово может убить человека?

— Не кривляйся... Как же не может, — повысил голос Георгий, — слово не только может убить человека, оно может свет перевернуть. Слово похоже на сорвавшийся с горы камень. Один сорвется, покатится, за ним другие, и уже идет лавина и все сметает...

— Я не говорил для зла... — сказал Авгеоргий, и голос его прервался.

— Как же выдержать человеческого сердцу... Капля долбит камень, так и слова... Упадет первый раз, и чуть дрогнет сердце; упадет вторично, и заколеблется оно; еще — потеряет и покой; упадет еще и...

— Ладно, говорю, ладно! — закричал Авгеоргий и встал.

— Подожди, сядь... Это еще не все... И почему ему не падать: злое слово потому и злое, чтобы убивать!

— О-ох... — простонал Авгеоргий и сел на камень.

— Смерть сына на тебе! — угрюмо сказал Георгий.

Эти слова исказили лицо Авгеоргия. Движением руки он пытался отогнать, отбросить сказанное Георгием, но оно уже не отпускало его...

— Может быть, и другой грех на меня свалишь? Смерть Даро?

— Как же, как же... Раз ты вспомнил о моей матери... И с нею

¹ Тавквери — сорт вина.

ты поступил не по-человечески. Половина ее несчастий на твоей совести.

— Половина моих несчастий от ее заносчивого сердца! Да простит ей господь, но ведь она поставила меня перед пропастью. Только что рукой не толкнула, а то... Она погубила мою любовь, убила во мне первое, сокровенное, — прошептал Авгеоргий.

— Все от любви к тебе, несчастный! Разве мать не желает своему дитяти только самого хорошего?

— И я тоже всегда хотел для Тенго только хорошего!

— Хорошее и доброе для человека то, что приносит ему радость, то, что он пожелает сам для себя!

— А если ему только кажется, что это хорошо, а на самом деле все плохо, тогда что? Если видишь, и сердце горит. И тогда надо молчать?

— Иногда надо молчать, чтобы не было горя. Не смолчал ты и вот к чему пришел...

— А ну-ка поди, спроси народ, порасспрашивай... Кто скажет такое, кроме тебя? Кому придет в голову спрашивать с меня ответ за мать и за сына? Кто посмеет?!

— Да, только потому, что не посмеют, не станут говорить тебе правду! Правду скажут за спиной, хоть про себя, но скажут. Правда чаще всего невысказана. Тебя этому не надо учить!

— Я давно уже бросил об этом думать, оставь меня!

— Бросил потому, что пожалел себя. Взял и посыпал пеплом, забыл, чтобы не бередить себя более. Но ты-то ведь знаешь, что мальчик погиб по твоей вине. Ну-ка вспомни, как ты обращался с сыном? Вспомни хотя бы тот день...

— Какой день?

— Разве один... Разве два...

— А все же, все же, какой?

— Тот день, когда он взбежал на Дзлевис Кеди!

— Да, да... Будь проклят тот день!.. С того дня и началось все... — сказал Авгеоргий и замолчал.

* * *

В тот день Георгий сидел у плетня, рядом с большим ореховым деревом. Смеркалось. Разувшись, он вытряхнул из обуви мелкие камешки. Выбил пыль и снова обулся. Уставший от работы, он торопился домой и хотел уже встать и идти, как вдруг услышал за плетнем приближающиеся голоса.

Разговор происходил как раз за его спиной, почти над головой. Так близко, что Георгий невольно обернулся, но живая колючая изгородь была частой и непроницаемой.

Георгий узнал голос сына. Сначала говорил только Тенго, но время от времени в разговор вклинивался звонкий смех его собеседника. Георгий не мог понять, с кем разговаривает парень — голос был женский, молодой.

— Хочешь, на это дерево на одних руках взберусь! Смеешься, не веришь? Вот смотри!

Георгий поднял голову и взглянул на ореховое дерево. Ствол этого огромного дерева находился на половине соседа, а крона нависала над виноградником Георгия. Из-за этого случались у Георгия с соседом частые споры. Дерево затеняло виноградник гигантским шатром. В тени плохо вызревали кисти, и виноградник давал меньше урожая. Сосед возмещал ему убытки, оставляя Георгию упавшие на его участок орехи. Дерево было на редкость высокое и мало разветвленное. Бывало, даже испытанные сборщики не решались залезть на него.

Георгий с неудовольствием оглядел ореховое дерево. «Выхваляется, сопляк», — подумал он.

— Подожди, подожди!.. Ну, конечно, поднимешься, видела уже однажды, видела... — слышался голос девушки. Затем последовал смех, искренний и долгий.

— Когда же ты видела, когда?.. — голос Тенго прервался.

«Да это же учительница! Смот-

рите, как рисуется он перед падчерицей Пуплиа! — подумал Георгий. — Все, кто в городе раз-другой побывал, все в учителя нам годятся».

— Тогда я была еще девчонкой, и ты не замечал меня...

— Нет, правда?

— Вот здесь, на этом месте сидела я...

— И видела?

— Видела... И не смела слова сказать. Ты тоже словно язык проглотил. Ты ведь не вскрикнул даже!

— Тебе, должно быть, было смешно!

— Плакала я...

— Помню, три-четыре часа был, как немой... Когда встал, что-то хотел сказать, открыл рот, но... Только «бу» и получилось! — засмеялся Тенго. — Не повезло мне. Взобратся-то я взобрался, но, спускаясь, я слишком доверился тонкой ветке. Хорошо, что еще повисел немного на следующей, потом и та обломилась, и я полетел вниз... Чуть не угодил на этот кол.

Изгородь дрогнула. Наверно, Тенго взялся за кол и покачал его.

— Спасла меня только случайность.

Тенго замолк. Девушка тоже молчала. В воздухе — ни звука, ни дуновения. Даже трава не шелестит. Только пчела жужжит около самого уха Георгия. Беспреданно жужжит уставшая за день пчела... И пахнет густая, нагретая солнцем трава.

— Все это — детство! — тихо говорит девушка. — Ты тогда казался мне очень взрослым. И теперь кажешься мне взрослым. Я знаю, это просто потому, что ты такой большой, такой высокий. Так ты больше не пробовал взобраться на орех? — засмеялась она снова.

— Не пробовал... Но я могу другое, что-нибудь другое... Ну хочешь, взбегу на Дзлевис Кеди, взбегу, не останавливаясь! — воскликнул Тенго. — Прямо сейчас... Хотя

и устал — километров двенадцать прошел... Пришлось из района пешком возвращаться. Все же взбегу, не отдыхая, взбегу! Смотри!

Георгию, слышавшему настойчивый, страстный голос сына, показалось, что он видит черные, горящие упрямым огнем глаза Тенго. «Спятил... Спятил парень!» — подумал он и осторожно поднялся с земли. Посмотрел на возвышающуюся над деревней вершину Дзлевис Кеди. Оглядел безлесый, покрытый кустарниками склон, измерил расстояние. «Не поднимется. Вряд-ли... Нет, не отдыхая, не поднимется, сердце не выдержит!»

— Подожди! — послышался голос девушки.

— Нет...

— Подожди, говорю!..

Георгий тоже рванулся, хотел окликнуть, но за плетнем уже прозвучали легкие, быстрые шаги, Тенго сорвался с места и стрелой вылетел из виноградника.

Склон Дзлевис Кеди начинался тут же, у края виноградника. Подножие склона скрывали посаженные в ряд густые ореховые деревья, поэтому Георгий увидел сына только тогда, когда он пробежал уже четверть склона.

В кустарнике то мелькала, то пряталась его красная майка. Тенго бежал, не оглядываясь, обходя встречавшиеся кусты. Не оглядываясь, бежал все выше и выше.

За плетнем было тихо. Наверно, она тоже стояла безмолвная и удивленная и тоже следила за бежавшим по склону парнем. Наверно, и дышать не дышала... А может, ее и не было там, может, она не стала смотреть на глупую затею Тенго?

Георгий поднялся на цыпочки и осторожно поглядел через высокий плетень. Девушка прислонилась к стволу ореха и, откинув голову назад, смотрела на склон. Длинные ее ресницы были неподвижны. На щеках цвета спелой пшеницы лежал румянец, губы слегка приот-

крылись. На них — улыбка и сомнение...

А на деревню уже надвигался вечер. Тени подкрадывались к высоким изгородям и заволакивали раскинувшиеся сады и виноградники. Наверху, на склоне, по-прежнему сияло солнце, желтым отливали зеленые кусты орешника и ежевики. И в этой желтоватой зелени маком летела красная майка Тенго...

Покрывший деревню сумрак надвигался на подножие склона и, цепляясь за расселины и впадины, продвигался вверх, как будто пытался догнать движущееся на солнце алое пятно.

Вдруг остановилась, замерла на одном месте красная точка. Может, он скрылся за кустом? Но нет, пока еще отчетливо было видно в темной зелени неподвижное красное пятно.

«Устал, упал? Сердце не выдержало?»

Навалившись на плетень, Георгий сердито кусал губы. Он не помнил, сколько стоял здесь. Очнулся, услышав за изгородью шорох. Поспешные шаги... Они все дальше и дальше. Но вот — затихли совсем.

«Девчонка побежала... Наверно, бросилась туда, к нему! А может быть, побежала в деревню, чтобы известить всех, что Тенго бежал на Дзлевис Кеди и не добежал, надорвался!»

Георгий тоже готов бежать. Бежать туда, к сыну. Но нет... Вот белое платье появилось на склоне. Она тоже быстро бежит. Торопливо обходит переплетенные между собой разросшиеся кусты... В вечерних сумерках ромашкой мелькает ее легкое платье.

Георгий смотрит на склон.

Постепенно уменьшается расстояние. Девушка в белом теперь уже поднимается медленно, время от времени отдыхая. Она устала, выдохлась.

Вот она приблизилась к тому кусту, около которого Тенго сел или упал! Георгий теперь с трудом раз-

личает ее. И видит уже не ромашку, а темное каштановое пятно. Это место успел настичь сумрак. Солнечную желтизну по стопам преследует вечерняя тень, отгоняя ее все выше и выше. Теперь только на самой вершине Дзлевис Кеди горит слабый луч уходящего солнца.

Георгий замер в ожидании. Каждую минуту он ждет отчаянного крика девушки. Но все тихо. Или не слышит он, не понимает... Может, и закричала она, а может, голос ее прервался, силы покинули, когда она увидела неподвижного Тенго.

Георгий сорвался с места. Быстрыми шагами стал спускаться к краю виноградника, но глаза его, прикованные к склону, вдруг заметили, что к вершине снова движется ромашковый цвет и рядом с ним высокая, темная тень, которая еще недавно, до наступления сумерок алым маком мелькала в зелени.

Георгий вздохнул. Ничего, ничего страшного.

Но почему остановился на полпути Тенго? Передохнуть? Непохоже. Что же могло случиться?

Теперь еще быстрее поднимается к вершине белеющее в сумерках светлое пятно и идущая рядом с ним высокая тень. Быстро идут они наверх, словно хотят обогнать ночь и вырваться в сверкающий на Дзлевис Кеди свет.

И действительно, вскоре на вершине, в золотистой мгле, появился сначала цветок ромашки, а потом рядом с ним отчетливо выступил потемневший мак. Это был не обман зрения. Темная тень была фигурой Тенго. Да, это был он. Георгий успокоился. Потом сердце его закипело злобой.

«Сумасшедший, сумасшедший, заискивает перед этой городской девчонкой...» Вернулся назад к ореховому дереву, где только что сидел, тихий и потерянный. Опять глянул на вершину Дзлевис Кеди, на черном хребте не было больше ни алого мака, ни ромашки. Рассеял-

ся, растаял и последний луч солнца, солнца мертвых, его стерла вставшая из ущелий мгла. Быстро темнело. Наступала ночь.

* * *

Войдя в коридорчик, Георгий швырнул мотыгу в угол и распахнул ногой дверь в комнату. Дверь сильно хлопнула. Надо, чтобы Хахато услышала, что он пришел. Сейчас у него не было настроения разговаривать с нею.

Хахато знала: раз муж хлопает дверью, значит: чем-то недоволен, поэтому, выйдя из другой комнаты, она зажгла электричество и, ничего не спросив, стала накрывать на стол.

— Ужинать не буду, не собирай... Если есть, принеси что-нибудь соленое.

Хахато так же безмолвно вышла и скоро принесла положенные на тарелку соленья и хлеб.

Щепотью захватив маринованного джонджоли, Георгий жадно поднес ко рту.

— Преснота. Мало соли.

— Что? — спросила жена.

— Соли, соли, говорю, мало.

— Сейчас... — повернулась Хахато.

— Подожди... К чему мне соль?! В маринаде, говорю, маловато!

— А-а... Только что заквасила, еще не просолилось.

— Ну да... Чтоб тебе всегда без соли есть и пить!

— А тебя, — несмело улыбнулась Хахато, — как бабу брюхатую тянет на кислое...

Когда Георгий бывал не в настроении, он одинаково не терпел ни ласкового, ни грубого слова, а тем более подшучивания. Без удовольствия проглотив кусок, он обиженно оттолкнул тарелку и мрачно спросил вздрогнувшую от его голоса жену:

— Где парень?

— Парень? — растерялась Хахато и невольно посмотрела по сто-

ронам. — А где он должен быть?

— Да-да, где, говорю, он? Куда запропастился?

Хахато довольно долго стояла молча, не сводя глаз с перевернутой тарелки на столе.

— Будто бы и не знаешь?.. Когда это было, чтобы вы вставали раньше меня? А сегодня встали чуть свет. Будто бы и не сказал он тебе, куда идет.

— В район...

— Все зло идет из района! — сердито перебил ее Георгий и косм посмотрел на дверь. Хахато невольно поднесла руку к уху.

— Кто идет?

— Погибель, говорю! Погибель! Погибель! Поняла? — раскричался Георгий.

— Поняла, хорошо... — грустно сказала она и посмотрела глазами, полными слез, на электрическую лампочку, висевшую над столом.

«Чего смотришь вверх! — подумал он злобно. — Потому, что я предпочитаю свою коптилку? А это мне для того повесили, чтобы хорошенько рассмотреть в окошко, что думаю, не делаю ли я чего-нибудь...»

Хахато подошла к столу, перевернула опрокинутую тарелку, смела на нее остатки джонджоли, собрала разбросанные куски хлеба.

— Зажгли, чтобы заглянуть мне в сердце, хорошенько рассмотреть!.. Да-да, я предпочитаю вонючую коптилку! Предпочитаю запах чада.

— Чего? — изумленно спросила Хахато.

— Запах чада, говорю... Запах моего чада!

— Чтоб гореть тебе в огне и чаду, — проворчала про себя Хахато и вынесла из комнаты тарелку и хлеб.

* * *

Не раздеваясь, как пьяный, повалился Георгий на тахту и отдался недобрым своим мыслям. Сон.

не шел к нему, хотя веки его были плотно сомкнуты. Казалось, глаза его открыты, и он видит запрокинутый над ним звездный купол и распростертую под ним безлюдную, пустынную землю. Он всматривался в беспредельный простор и вдруг на краю увидел идущую к нему фигуру. Она бесшумно приближалась к Георгию, словно босиком по траве шел тот неизвестный. Маковым цветом алела на нем рубаха, черные глаза сверкали печалью. Георгий не верил, что это Тенго. Вдруг зазвенели, задрезжали невидимые бубенцы, Тенго стал удаляться и вскоре исчез. Георгий всматривался, тер глаза...

Когда он открыл глаза, в комнате было душно и тихо. Ярко горела электрическая лампочка. Видно, Тенго еще не возвратился, и Хахато не выходила, чтобы погасить этот проклятый свет. Маятник старинных часов звякал, касаясь ржавых гирь, висящих на концах цепи.

Он опять закрыл глаза, и опять казалось ему — они открыты, и был виден все тот же безлюдный мир и запрокинутые над ними алмазные звезды...

* * *

...Вокруг валялись бездыханные овцы. Стоя в луже крови, Георгий свеживал подвешенные на дереве туши. Блеяло перепуганное стадо. Билась запертая в загоне скотина, почуяв запах крови; были сидящие у дверей загона собаки. От запаха горячей крови мутило Георгия... Но, крепко зажав рукоять отцовского кинжала, он торопился снять шкуры с уже зарезанных овец.

Около дверей загона, рядом с собаками, на коленях стоял Шавдатуа. Ухватив громко блеющую овцу, он перерезал ей горло и бросил тут же, к ногам Георгия.

Свет коптилки слабо освещал открытый овечьими тушами двор. Большой свет и не был нужен. От него еще страшней бы стало Геор-

гию. Время от времени он поглядывал на зыбкое пламя коптилки, которое колебалось в дрожащих руках Хахато. Пламя освещало ее залитое слезами лицо.

Покончив с овцами, Шавдатуа вывел из хлева молодого каштанового бычка. Вывел и навалился на дверь, боясь, чтобы не вырвался наружу взбесившийся скот. Огромными жилистыми руками ухватился он за рога молодого бычка и потащил его. Перепуганный бычок упирался, выставив вперед неподкованные передние ноги, скользил по кровянистой траве.

Побледневший Георгий смотрел на эту борьбу, борьбу человека и животного. Вдруг он оглянулся на конец едва освещенного двора и вздрогнул. К ним тихо, совсем тихо приближался кто-то, неслышно ступая босыми ногами по низкой траве.

Георгий узнал Тенго и снова вздрогнул. Хотел отбросить кинжал, но было поздно. Тенго пошел быстрее и очутился рядом.

Шавдатуа невольно выпустил животное. Бычок качнулся и сел на хвост. Но раньше животного пришел в себя человек — схватил бычка за шею и, обняв сильными руками, повалил на землю.

Хахато уронила коптилку.

— Вы что делаете? — почему-то шепотом спросил Тенго.

Георгий крикнул: «Хахато, света!» Женщина зажгла коптилку и, подняв ее вверх, посмотрела на сына. Тенго стоял окаменев, губы его дрожали. Он ждал ответа.

— Зачем погубили овец?.. Что с бычком делать будете? — наконец спросил Тенго.

Георгий, не глядя на сына, крикнул:

— Не твое дело! Мои овцы, что хочу, то и делаю! Лучше раздам, а в общий загон не поставлю!.. Иди отсюда!

Георгий поудобнее взялся за кинжал. Шавдатуа вывернул бычку шею.

— Отец! — отчаянно закричал Тенго.

Он сделал шаг и упал подкошенный. Крик этот разрезал темноту и пропал в ущелье. Кинжал выпал из рук Георгия. Шавдатуа вскочил на ноги. Выскочил и бычок и скрылся в темноте.

— Отец!! — все еще гудело где-то во мраке ущелья.

Георгий открыл глаза. В ушах его звенел отчаянный крик сына. В комнате было темно. Хахато уже погасила лампочку. Из соседней комнаты была видна полоска света. Георгий не знал, вернулся Тенго или нет... Сон был ужасен. Нет, не сон. То, что ему приснилось сейчас, было на самом деле. Тогда Тенго был маленький и ходил в школу...

... На другое утро мальчик не пошел в школу. Погнал своего каштанового бычка, увел его в большой общий загон. Увел туда, куда не хотел Георгий отдавать свой скот.

До возвращения сына Георгий долго совещался с Шавдатуа и Хахато, потом, приставив высокую лестницу, взобрался на чердак...

«Стоит мальчишке проболтаться и меня арестуют... Не простят загубленных овец, арестуют!»

Внезапное исчезновение отца заставило Тенго задуматься. Незаметно для сына Хахато поднималась на чердак и передавала мужу еду и новости. Новостей было много. В селе образовался колхоз, их сын вступил в колхоз и работал там.

Георгий с трудом переносил пребывание в выстроенной им самим клетке. Чтобы размять ноги и как-нибудь скоротать время, он часами расхаживал по чердаку. Расхаживал, когда Тенго не было дома. Обшитый досками потолок скрипел под его тяжелым шагом, в комнате с потолка сыпалась пыль, просеиваясь, как мука сквозь тонкое сито, ложилась на пол одинаковыми белыми полосами. Эти полосы к возвращению Тенго Хахато смывала.

Однажды до Георгия донесся громкий разговор между матерью и

сыном. Тенго в неурочный час пришел домой. Георгий замер, прислушиваясь к чердачному настилу и приложил ухо к щели.

— Мама, на чердаке кто-то ходит... С потолка сыплется пыль.

— Нет, сынок, это мыши. Развелись их тьма-тьмушая. В прошлый раз и я заметила, поднялась, гляжу — орехов у меня совсем немного осталось. Эти проклятые мыши поедают все!..

— Мама, когда я вошел, потолок дрожал, я даже испугался, кто там? Я должен подняться.

— Ох, сынок...

— Не бойся, мама, я ружье возьму!

— Нет, сынок, нет! Не губи нас!

Георгий встал. По всему его телу как будто ползли муравьи, кровь стучала в висках. Он снова услышал голос Тенго:

— Если это отец — скажи!..

Ответа он не расслышал, только звук тихого рыдания донесся до чердака. Донесся уже со стороны террасы.

Георгий стоял, как сраженный громом. Он весь покрылся потом. Затем, не колеблясь более, сбегал по лестнице.

Тенго вешал охотничье ружье на столб террасы. Когда увидел отца, заросшего бородой, уронил голову, отвел глаза. Георгий молча кивнул ему и вышел во двор.

— Куда идешь, несчастный? — крикнула вслед ему Хахато.

— Пойду-ка, пройдуся разок-другой перед нашими новыми властями, — усмехнулся Георгий и вышел со двора.

Никто не удивился появлению Георгия. И ни о чем его не спросили. Поздоровался — поздоровались. Улыбнулся — улыбнулись... и ничего больше.

На селе разворачивались иные дела, строилась новая жизнь, и никто не заметил его исчезновения.

Только два человека заинтересовались его появлением на площади: Чимия-парикмахер и деревенский

почтальон. Парикмахер отворил дверь и пригласил побриться. Почтальон остановился и спросил, улыбаясь:

— Куда ты запропастился, Георгий, уж не переменял ли адрес?

* * *

— Теперь скажи, что с тобой произошло? — спросила Нино, когда они взошли на вершину Дзлевис Кеди.

Тенго промолчал, хотя давно уже отдышался и мог говорить. Лицо его оставалось бледным. Он молча смотрел на распростертую внизу долину и синие горы.

Там, внизу, быстро темнело, ущелье и плоскогорье уже поглотила ночь, и теперь она продвигалась вверх, к вершине. Нино и Тен-

го все еще стояли в свете вечерней зари. •

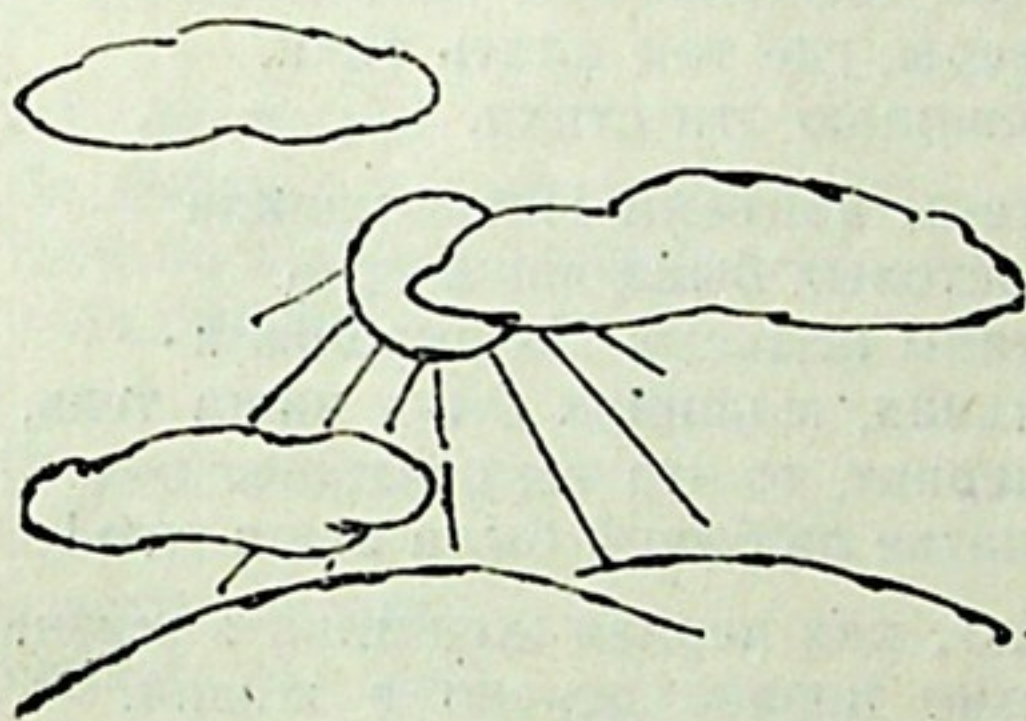
Нино подошла так близко, что он почувствовал тепло ее тела. Тенго стоял, не шевелясь, до сих пор он только мысленно мог представить, что Нино когда-нибудь так вот доверится ему. Доверится тихо, без слов.

Теперь же, когда она оперлась на его плечо так сткровенно нежно, он, весь в жару, раздумывал, что, может быть, все это вышло случайно и нет в этом ничего другого...

Глаза его смотрели вниз, наблюдая борение света и ночи, а весь он, все его тело прислушивалось к биению сердца Нино, отстукивающего где-то у его плеча.

— Схитрил ты! — засмеялась Нино и потянула Тенго за руку. — Сядем, отдохнем.

Окончание следует

Тамаз Чиладзе

Из книги „Сети звезд“

* * *

Платанам подъема Петриашвили,
платанам подъема Петриашвили
я посвящаю эти стихи.

Эти платаны меня предрешили,
эти платаны меня предложили
вам, облака, навсегда в пастухи.

Первым деревьям, первым деревьям,
первым дареньям и удивленьям,
первым томленьям и удаленьям
в скверы, где так аллеи тихи, —
я посвящаю эти стихи.

Платаны подъема Петриашвили —
на мостовых была ваша тень.

Платаны подъема Петриашвили —
на стенах, машинах была ваша тень,
но главное, то что вы совершили, —
на платье любимой была ваша тень!

Так же, как первая женщина в жизни,
памятно первое дерево в жизни, —

— Мысли, вы будьте просты и строги!
Вам, самым первым моим деревьям,
вам, самым главным моим деревьям,
я посвящаю эти стихи.

* * *

Ничего еще нет,
ничего еще нет,
только в мыслях
какая-то пауза.
Только лунный след,
только зыбкий свет
накрененного круто паруса.

Ничего еще нет,
ничего еще нет,
только тянет
к холсту и глине,
и к перу и к резцу —
чтобы твой портрет
был увиден
всеми другими.

Я хочу твой портрет
написать на века.
Напишу я его
и вслепую.
Я хочу, чтоб любая была строка
вбита в звезды,
как пуля в пулю.

Я прошу вас, стихи мои,
дети мои,
вы звучите
и грозно и нежно.
Вы достойными будьте
этой Земли
и достойными
этого неба.

* * *

О, как похоже море
на бессонницу!
Ищу, ищу
тебя на берегу,
и морю тоже
плачется и стонется,
что отыскать тебя я не могу.

Приди,
явись в угрюмом блеске молний,
лицо под облаками не тая.
Здесь ждем тебя мы двое —
я и море,
и море ждет
еще сильнее, чем я.

Но где же ты?
Не бойся с ветром ссориться!
Иди по пенным волнам —
будь смелей!

О, как похоже море
на бессонницу
с летящей косо
чайкою над ней!

* * *

Отражения звезд
на лицо, что веснушки легли.
Я прохладные тени
тяну за собою, как сети.
Я не знаю,
что встретит меня вдали,
а ведь может
несчастье встретить.
Что ж, на месте стоять —
не идти никуда?
Ну а если придется

с несчастьем столкнуться,
улыбнусь ли открыто и смело
тогда?

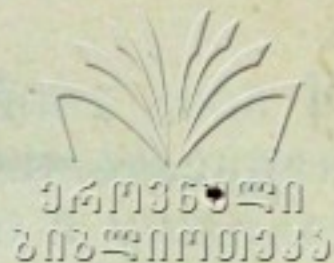
(а ведь стоит
тогда улыбнуться!)

Улыбнусь!
Улыбнусь!

Я не жил помаленьку —
пил я жизнь,
как дурманное пьяное зелье..

По земле
я не ползал на четвереньках —
не унизил я этим
землю.
Пусть не знаю,
что ждет меня там,
вдали,

не могу на обочине
мирно усесться.

Мое сердце стучит мне:
«Вставай! Пошли!»
Я встаю.
Я иду.
Так велит мое сердце.

АМИРАНИ

Я знаю —
здесь, на скалах этих голых,
тебя не сыщет
зов мой или стих.
Наверно, ты нашел повыше горы
и поселился где-то там на них.

Тебя пытали
и жара
и холод лютый.
Я тоже
мог прикован быть навек;
я тоже мог привыкнуть
к стуку клювов
о грудь мою —
я тоже человек!

Ты, как легенда,
умер, Амирани.
О человеке —
о тебе скорбя,
у гор,
как будто у воспоминаний,
я разложил костер
и жду тебя.

ИППОДРОМ

В высокой траве
мечтаний твоих
ржут табунами
белые лошади.
Сколько в них свежести,
силы,
легкости!
Сердце твоё —
это солнце их.

И потому
ты до боли знакома,
на ипподроме
напряжена.

Вся ты,
как ярусы ипподрома,
трепетом,
криками,
солнцем полна.

Сколько в тебе
нерастроченной вольности!
Вот ты кричишь:
«Скорее! Скорей!»
и раздвигает, свистя, твои волосы
ветер
от мчащихся мимо коней.

Кажется —
слышишь ты чей-то зов.
Чей это зов —
не знаю.
Уже ты не здесь,
а среди лесов
и гор без конца и краю.

Да, ты не здесь, со мною,
а там,
забывшая трезвость разума,
и мчится тень твоя
по горам,
как конь с глазами
завязанными...

* * *

Улегся ветер
на моей груди.
В моем разбитом сне
он тихо-тихо шарит.
Он мне своим дыханьем не мешает
и даже тем, что шепчет:
«Не грусти!»

Дышу я успокоенно и вольно.
Гляжу в мерцающие огоньками дали,
где на ходулях передач высоковольтных
шагает в темноте
Аджарис-цхали¹.

Но вслушайся —
звонит тревожно Гонио².
Как камни с гор высоких,
звуки катятся.
Они за кем-то —
не за мной ли? —
гонятся!
Все это кажется
и вместе с тем не кажется.

О Гонио!
В тебе — столетий слава.
И думая
о стольких поколениях,
в твоей тени сидит
усталый Саба³
и Грузию
качает на коленях.

Гремят, гремят
колокола над Гонио
и боль и гордость
в каждом их ударе,
и сквозь леса
и перелески горные
ко мне доносится из сказок
зов Камари⁴.

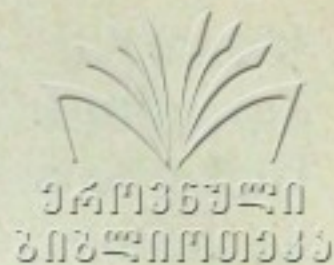
¹ Река в Аджарии.

² Селение в Аджарии.

³ Грузинский писатель Сулхан-Саба Орбелиани.

⁴ Героиня народного эпоса об Амирани.

Я вижу сквозь бойницы
древней башни
турецкие набеги
и пожары...

И — тишь...
И как тяжелый лист табачный,
луна качается
над мирным сном Аджарии.

МОСТ ВАТЕРЛОО

Мост Ватерлоо
Простерт над временем.
Скорбная тень
на мосту,
словно самым страданием
врезана
в звездную темноту.

А струи все хлещут;
не дождь, а лавина.
На жизнь похож
этот дождь.
Не возвращают войны
любимых.
Зря ты, девчонка, ждешь!

Вы — полужены,
полуневесты, —

где ваш семейный уют?
Везде инвалиды
сидят под навесами.
Каштаны они продают.

Я вспомнил о вас,
Вивиен Ли.
На зыбко дрожащем экране
вы точно такой же тенью прошли
и скрылись в ночном тумане.

Темза,
ты откровенна бываешь?
Скажи—я к ответу рвусь —
о камни какие
ты разбиваешь
женскую грусть,
беспредельную грусть?!

ШЕКСПИР

Ричард Третий
смотрит мрачно,
искоса.
Тучей тень его
ползет по камням.
Дождь качается,
как белая изгородь,
и огни
о чем-то шепчут огням.

Так и мечутся и мечутся,
безмолвные,
как летучие мыши, глаза.
Шея тонкая и ломкая,
как молния.
Уши, вздрагивая,
ловят голоса.

Вот в темнице он...
На стенах кровь поблескивает.
Вот палач уже в дверях,
как тень, возник.
И кричит,
кричит все тело королевское,
как у подданных —
такой же точно крик!

Кто же видит это все
без разрешения?
Кто же слышит,
как кричит в тюрьме король?
Кто насмешливой рукой
для утешения
добавляет к его боли
снова боль?

Кто же тот,
кто, так столетья осязая,
глядя в прошлое,
как будто бы вперед,
гриму,
смешанному с потом и слезами,
вечность истины жестокой
придает?

Будет дальше
по телам шагать история,
будут люди
руки в кровь марать,

а на сценах мира
с плачем и стонами
каждый вечер
будет Ричард умирать.

Вы шаги в темнице
слышите тайные?
Будет время —
их услышит весь мир!
Это в мрачных переходах Тауэра
ходит с факелом в руках
сам Шекспир.

Перевод с грузинского Евг. Евтушенко •

ДРЕВНИЙ ТАЛЛИН

О сказки, как они близки —
толкуются, трогают за локоть.
Я пиво пью — и вдоль щеки
летит их старомодный локон.

Глядят из золотой воды
минувших рыцарей приметы —
так, объявляя час беды,
приходят игроку валеты.

Так здравствуй, проигрыш! Меня
не веселил последний талер.
Я знал, зачем сошел с коня
у врат твоих, о древний Таллин.

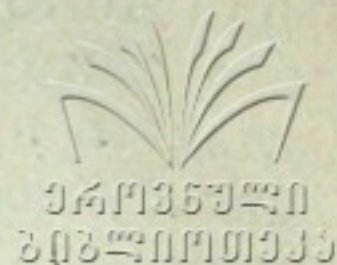
Та женщина в свое жильё
огня не вносит в полночь эту.
Отведав темноты ее,
глаза уж не внимают свету.

Она — беде родная дочь,
ее подарки — снег и голод.
Колокола, что слышишь в дождь,
и то теплей, чем этот голос.

Бежал я от ее теней,
от слез, от лжи — в твой край далекий,
как-будто я бежал за ней —
к теням, к слезам, ко лжи жестокой.

Все колокольни, все столбы,
строенья станции дорожной
о грудь мою разбили лбы
в погоне этой безнадежной.

В чем полномочие твое,
о город с крышей островерхой?
Помечен именем ее
твой каждый храм и домик ветхий.

Так приголубь, так заморочь
меня сказаньями твоими
и в стекла вписанное имя
своим морозом заморозь.

* * *

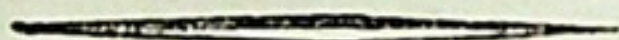
Колокола звонят и старомодной
печалью осеняют небеса,
и холодно, и в вышине холодной
двух жаворонков плачут голоса.

Но в этой тайне все светло и
цельно,
в ней только этой речки берега,
и ты стоишь одна, и драгоценно
сияет твоя медная серьга.

Еще так рано в небе, и для пеня
певец еще не разомкнул уста,
а здесь уже из слез, из нетерпенья
возникла чьей-то песни чистота.

Колокола звонят, и эти звуки
всей тяжестью своею, наяву,
летят в твои протянутые руки,
как золотые желуди в траву.

Перевод с грузинского Б. Ахмадулиной

Ростом Бежанишвили

Хроника одной деревни

Перевод с грузинского М. Эсакия

Окончание

Гуджа собирался что-то возразить, но, глянув на грозное лицо отца, понял, что сейчас ему лучше не перечить, и засеменил следом за ним.

— Воды, — снова слышалось из комнаты больной. Но мертвое молчание было ей ответом.

2

Вечерело. Трактористы завершили работу и теперь хлопотали возле своих машин, как танкисты после горячего боя. Нино, как обычно, обошла свой участок, в уме подводя итоги сделанному за трудовой день, намечая план на завтра. Вернувшись на полевой стан, девушка присела к столу и стала заносить заметки в рабочий журнал. Увлечшись, Нино не обратила внимания на скрип входной двери: мало ли у кого могло оказаться здесь дело перед уходом. Однако робкое покашливание заставило девушку оторваться от своего дела. Подняв голову, она увидела нерешительно переминавшуюся с ноги на ногу прежнюю хозяйку. Появление Дусы было таким неожиданным, что Нино даже не вспомнила обо всем, что произошло той злополучной ночью, и приветливо улыбнулась старой женщине.

— Послушай, — заговорила Дуса, потупившись, — я решила сбавить плату за квартиру на двадцать рублей...

Нино не смогла сдержать смеха: наивная хитрость Дусы была слишком комичной. Старуха решила, что уже забыты и прощены все обиды, и торопливо затараторила:

— Возвращайся, Нино, чего уж там... Сама знаешь — язык без костей, мало ли что сболтнуть может. А ты уж сразу — в обиду...

— Нет, Дуса, — прервала девушка словесный поток, — то, что ты тогда сказала — не просто так сболтнула. И я не хочу, чтобы на мой счет говорили что-нибудь.

Дуса удивленно замолчала, застыв с открытым ртом. До ее сознания постепенно доходило, что решение девушки окончательное, что она остается совсем одна в своем пустом доме, что не с кем больше будет перекинуться словом в долгие осенние вечера, не о ком заботиться, поджидать ночами, журить и поучать...

— Я тебя, как дочку... Испугалась тогда я, глупая, и вот... — бес-
связно лепетала она, но девушка уже ничего не слышала: снаружи
раздался шум подъехавшей машины, хлопнула дверца. Оставив раздо-
женные на столе бумаги, позабыв о жалостливо всхлипывающей жен-
щине, Нино стремительно выбежала из комнатки.

— Котэ! Ты за мной? Но еще рано, я задержусь, езжай один. —
Юноша и девушка медленно шли навстречу друг другу, и им казалось,
что на свете не существует ничего больше, кроме их устремленных друг
на друга глаз.

На горизонте быстро темнела узкая полоска зари, ставшая из блед-
но-розовой темно-вишневой, почти черной. Где-то недалеко деловито
постукивал молотком кто-то из припоздавших трактористов. Стремительные
стрижи совершали массовые налеты на ровное поле, молнией
пикировали и, подхватив что-то на лету, взмывали вверх и пропадали в
темном небе. А из вагончика полевого стана, утирая глаза шейным
платком и шепча что-то, вышла сгорбившаяся старуха и побрела вдоль
по бугристому проселку. Мир жил своей обычной жизнью, переплетались
чьи-то радости и огорчения, люди завершали дневной труд, и тор-
жествовала, побеждала все вокруг и подчиняла своей могучей власти
вечная тайна встречи двух влюбленных.

...Дуса, спотыкаясь и ворча, шла по направлению к селу, когда ее
нагнал Котэ на своей машине. Резко затормозив, он свесил голову из
окна кабины:

— Садись, тетка Дуса, до самого дома подвезу.

Тронув машину с места, Котэ повернул висевшее у ветрового стек-
ла зеркальце так, чтобы в нем отражалось лицо его пассажирки. Заметив
ее смущенно-пристыженный вид, Котэ с притворным сочувствием
произнес:

— Что, не оценила квартирантка твоих забот?

Дуса всхлипнула и отвернулась в сторону. Котэ безжалостно про-
должал:

— Говорила: «Так люблю Нино, никому в обиду не дам». А сама...
Эх, правду в народе говорят: язык мой — враг мой. Теперь, небось, сама
жалеешь!

Возле дома, дорога к которому ему совсем недавно была так доро-
га и знакома, Котэ остановил машину. Старая женщина молча, даже не
поблагодарив его, сошла и направилась к калитке. Котэ долго видел
медленно удалявшуюся виновато согнутую спину старой женщины, под
конец он не выдержал, посигналил ей вслед и резко тронулся с места.

глава двадцать пятая

1

Белые волны облаков наплывали друг на друга, прикрывали небо
слоями непрозрачных хлопьев. Солнце, найдя между ними свободную
форточку, щедро проливало на землю расплавленное золото своих лу-
чей. Это необычное освещение делало все вокруг похожим на театраль-
ные декорации. Природа смолкла, словно ожидая, когда на подмостках
появится герой пьесы. Настороженную тишину лишь изредка нарушало
легкое шуршание: где-то проскользнула в траву ящерица в поисках на-
гретого солнцем камня.

Анания стоял у окна конторы и беспокойно поглядывал на дорогу:
с самого утра разыскивал он Нино и нигде не мог найти ее следа. Кто-
то видел, что девушка еще на рассвете шла в сторону виноградников,
но где она теперь — никому не было известно.

«Уж не случилось ли с ней чего-нибудь?» — в сотый раз спрашивал себя Анания, вытирая лоб сложенным платком. И снова его взгляд с надеждой обращался к пустынной дороге — не покажутся ли там вездесущие вардианские мальчишки, которых он послал на розыски девушки. Но кругом было тихо. Ничто не нарушало молчаливое безлюдье окрестностей. Заставленная декорациями сцена ожидала появления человека. Облака громоздились друг на друга, наслаивались, закрыли просвет, сквозь который проливалось на землю солнце. И сразу стало темно.

2

Долго ходила Нино между стройными шеренгами лоз в совхозном винограднике. Девушка чувствовала, что ей необходимо наедине с самой собой обдумать все, происшедшее с ней за последнее время, решить, как быть дальше. Незаметно мысли перекинулись к недалекому прошлому: институтские лекции, экзамены и зачеты, широкие тбилисские проспекты, старые друзья, готовые в любую минуту прийти на помощь, поддерживать веселой шуткой или вовремя сказанным резким словом. Воспоминания окончательно расстроили девушку. Она чувствовала себя совершенно одинокой, покинутой, забытой всеми. Только виноградные лозы, обступив ее с двух сторон, задумчиво покачивали тяжелыми гроздьями, словно спрашивали: «Что случилось с тобою, Нино?»

Сколько счастья и радости принесла ей работа в винограднике, но в то же время сколько забот и огорчений. Сколько слез, бывало, проливала она.

Черная тень пробежала по земле. Нино взглянула вверх: небо было забито сплошными низкими тучами, темными и тяжелыми, как свинец. Солнце уже не могло пробиться сквозь тучи, и только светлое пятно ныряло и скользило между ними, как парус, подгоняемый резкими ударами шквала. Горизонт на востоке угрожающе хмурился. Пригоршни песка, взметенного ветром, били в лицо девушки. Она укуталась своей шелковой косынкой, словно башлыком, и, с трудом преодолевая сопротивление плотной воздушной завесы, побежала по направлению к небольшому леску, темневшему на пригорке.

Ветер выл в лощине, вырывался бешеным зверем, валил с ног. Идти становилось все труднее. Нино замедлила шаг, но скоро ей пришлось остановиться. Потом и стоять стало невмоготу. Девушка с трудом повернулась спиной к ветру и, подталкиваемая пинками, добралась до небольшой скалы, низко нависшей над оградой виноградника. Прямо на камне пророс невысокий хилый ясень, и постоянно обвеваемый ветрами, своевольно летавшими над долиной, согнулся в три погибели, как старуха, прожившая долгий и трудный век. Корни дерева переплелись между собой, вросли в каменистый грунт. Нино с отчаянной силой ухватила за их мускулистые руки и прижалась всем телом к холодному неуютному камню.

Немного успокоившись, девушка смогла оглядеться по сторонам, прислушаться к пугающе-однообразному завыванию ветра. Резкий перестук чего-то твердого о камень насторожил ее. «Кто бы это мог швыряться в такое время камешками?» — удивилась она. Внезапно догадка обожгла мозг.

Град!

В мгновение ока весь горизонт был насквозь прошит стремительными белыми нитями. Зашумел, застонал лес, как смертельно раненый зверь, завывала невдалеке лощина.

Застигнутая необыкновенной силы ливнем девушка дрожала, насквозь промокнув. Градинки с шумом падали на пересохшую от солнца почву и отскакивали от нее, отбивая бешеную дробь. Потом, усмирив свою ярость, они бессильно скатывались в углубления, таяли и уносились бесчисленными потоками воды. Ручейки извивались между лозами, вода низвергалась с возвышенности, соединялась, сливалась в могучий поток, который устремился к виноградникам.

«Пробьет ограду», — с отчаянием подумала Нино. Но что могла поделать одинокая, обессиленная борьбой девушка с разбушевавшейся стихией? Из последних сил цеплялась она уставшими руками за скользкие корни. Поток размыло землю в том месте, где она упиралась, стараясь противостоять нападению ветра и воды. Быстрые ручьи проносились мимо нее и с разгону ударялись в изгородь, огибавшую огромный совхозный виноградник.

«Вода прорвется в виноградник, погубит лозы, — снова пронеслось в голове у девушки. — Надо спасти виноград, позвать людей».

Зажмурив глаза, она решительно оторвала руки от жалостливо скрипевшего ясеня-спасителя и сделала первый шаг навстречу сплошному месиву ветра, града и дождя.

3

Поздняя весна прогрела землю. Солнце с каждым днем грело все сильнее, так что людям приходилось в поисках прохлады укрываться в тень.

Котэ открыл калитку своего дома, и первое, что бросилось ему в глаза, было радостное, веселое лицо отца.

— Если ты и сейчас будешь отмалчиваться, то я не знаю, что с тобой сделаю, — приветствовал сына шутливой угрозой Анания.

Котэ удивленно пожал плечами — он не мог понять причины оживления своего отца.

— Поглядите на него, он ничего не знает! — грохотал Анания. — Что ж, в таком случае я могу сообщить тебе приятную весть, но с тебя причитается за новость.

— О чем ты, отец?

— Ах, ты от меня секреты завел! Я получаю письмо от Гио, он пишет, что у тебя с его дочкой все уже решено, а мне, отцу, ничего не известно!

Сердце Котэ учащенно билось, он попытался объяснить что-то отцу:

— Еще не окончательно... Мы хотели...

Но разбушевавшегося старика невозможно было остановить.

— Знаю я, чего вы хотели! Думали, постарел Анания, ничего не узнает. Только помни, сынок, я не враг тебе. Такое дело мне только радость принесет. Благословлю вас, а потом и умереть могу спокойно. Вот и Гио пишет, если, мол, они по-настоящему любят друг друга, то пусть будут счастливы...

— Любим, конечно, любим, — не выдержав, прервал отца Котэ. Анания усмехнулся:

— Не так горячо, дорогой! В таком деле поспешность не нужна. Ни Гио и ни твоя Нино никуда не убегают. Подумаем, поговорим, обсудим, и тогда, взвесив все, пошлем Гио телеграмму — когда свадьбу справлять, чтобы все было по нашим обычаям.

— Пока мы будем обсуждать да взвешивать... — махнул рукой Котэ. — Не хватает еще сватов засылать!

— погоди, сынок. Подлинная любовь не шумит и не суетится, она спокойна, как чистое небо. А пустым ветром можно нагнать туч, замутить солнце. Сердце у тебя пылкое, но разум должен быть властным. Ты же так вскинулся, как ребенок, которому показали конфетку в красной обертке.

Котэ поднялся с места:

— Вижу я, что ты все равно по-своему сделаешь. Впрочем, конечно, как лучше будет, так и поступай. Я тебе, отец, доверил свою любовь и — знаю — ты мне зла не пожелаешь.

— Эх, молодо-зелено, — бормотал Анания вслед уходящему сыну. — Хочется, чтобы все тотчас же исполнялось по вашему желанию. А в жизни так не бывает...

Но Котэ уже не слышал этих слов. Словно окрыленный состоявшимся разговором, летел он по улице, не разбирая дороги. Ноги сами несли его к дому, где поселилась после долгой болезни Нино. Однако в конце концов он сумел убедить себя, что в это время он все равно не застанет ее дома и повернул.

— Котэ! — позвал его, сбегая по лестницам конторы, главный агроном совхоза Сандро. — Куда ты?

— Хочу пройти на участок.

— погоди, и я с тобой.

Довольно долго приятели молча шагали по дороге в ногу, тесно прижавшись друг к другу плечами, как в строю. Каждый из них был погружен в свои мысли.

— Хочу этим летом взяться за стройку дома. — Голос Сандро прозвучал в тишине резко, неожиданно.

— Что? — переспросил, не разобрав, Котэ.

— Дом, говорю, думаю строить. Твой отец опытный человек, хочу попросить его помощи.

— Дело доброе, да и в помощи тебе никто не откажет. Только о чем ты до сих пор думал, что не строился?

Сандро усмехнулся:

— Вот и Мзекала мне то же сказала. Да я уж лучше сразу — решил и сделаю!

— «Сразу»! — передразнил друга Котэ. — В любви так, в попыхах, дела не решаются.

— Что-то очень уж трезво ты рассуждаешь, — удивился Сандро. — Раньше ты не был таким рассудительным. Впрочем... — Он поглядел на собеседника, словно о чем-то догадываясь, хитро подмигнул ему и во весь голос расхохотался.

Котэ несколько мгновений растерянно молчал, но потом и он от души присоединился к другу.

— Да-да, — смог, наконец, проговорить он, — пришло время и мне подумать об этих делах.

— «Убежденный холостяк», — не мог успокоиться Сандро. — Взгляните на него, люди добрые! Так-то, брат, и ты не устоял...

Дружный хохот приятелей долго еще оглашал пустынные окрестности. И только насмерть перепуганные галки носились в панике над дорогой, не понимая, чем может грозить им этот непривычный шум.

Саба быстро взбежал по ступенькам конторы и открыл дверь своего кабинета. Неожиданно из полутьмы комнаты показалась покачивающаяся фигура. «Гуджа», — узнал директор совхоза.

— Здравствуй, хоз-заян, — чуточку заикаясь, произнес пьяный, как всегда, шофер.

Саба повернул выключатель. Яркий свет залил комнату, заставив зажмуриться нежданного посетителя.

— Вах-вах-вах, как плохо встречаешь гостей, хозяин, — протянул Гуджа.

— Говори, зачем пришел. Меня машина ждет, должен ехать к больной жене...

— Всегда вы заняты, начальники. А можешь ты ответить, за что меня с работы сняли?

— Ты прекрасно знаешь, за что, — Саба решительно повернулся и так же быстро сбежал по лестнице. — Сейчас не время начинать все сначала.

Гуджа одним прыжком соскочил на дорогу и догнал удалявшегося директора совхоза. Схватив его сзади за плечи, резко повернул к себе:

— Нет, время, самое время. У бедного человека кусок хлеба отняли и даже поговорить толком не хотят.

— Отвяжись, Гуджа, не нарывайся на неприятности, — Саба старался говорить, не повышая голоса. — Это я тебе, как отец, советую.

— Ха-ха, — захохотал пьяный. — Еще один советчик нашелся. С меня и одного отца достаточно!

Саба больше не мог сдерживаться. Оттолкнув шофера, он, не оборачиваясь, направился к поджидавшей его машине. Но Гуджа, пригнув голову, как разъяренный буйвол, достал из кармана большой нож и бросился сзади на Саба. Еще мгновение, и обезумевший, потерявший голову от ярости и вина Гуджа мог совершить непоправимое. Но в этот момент стремительно открылась дверца машины и оттуда выскочил Годердзи. С криком бросившись наперерез Гуджа, он попытался остановить его, но короткий холодный блеск взметнувшегося ножа остановил движение его руки. Она сразу плетью повисла вдоль тела, ровная струйка крови выступила на рукаве гимнастерки.

— Гуджа, что ты, опомнись! — закричал Саба, обернувшись на шум. Но тот уже ничего не слышал, ничего не понимал. Медленно, со злобной решительностью наступал он на Саба, сжимая в руке потемневший от крови нож.

Внезапно неизвестно откуда появился Степане. На этот раз с него слетела обычная медлительность и неповоротливость. Очутившись возле сына, он быстро и как-то деловито размахнулся и сильно ударил его кулаком в челюсть. Гуджа упал, как подкошенный. Сразу на месте происшествия очутилась толпа вардианцев. Они помогали связывать ставшего беспомощным Гуджа, перевязывали руку Годердзи, выражали сочувствие Саба и, галдя на все лады, обсуждали необыкновенное происшествие.

Из районного центра вызвали милиционера. Он попросил Саба, Годердзи и других свидетелей сопровождать его в Сигнахи. Все они уехали на одной машине с арестованным.

Объяснения, показания, составление актов — все это тянулось довольно долго, и когда Саба подъезжал к дому, время близилось к полуночи. Он увидел, что в окне что-то белеет. Это больная Тина, до которой, конечно, дошли слухи об опасности, которой подвергался ее муж, не смогла оставаться в постели.

— Саба, как ты? — встретила она мужа у двери, вскинув ему на плечи свои слабые руки.

— Все в порядке, Тина, ничего не случилось.

— Нет, правда?! Зажги свет, я посмотрю на тебя.

Долго, со всеми подробностями рассказывал Саба о событиях и волнениях беспокойного дня. Рассказал и о том, как отважно, не задумываясь ни на минуту, бросился Годердзи на пьяного хулигана.

— Дай бог счастья матери, вырастившей такого сына, — проговорила Тина. Голова ее бессильно лежала на плече мужа, по лицу медленно текли слезы, но на губах играла слабая, беспомощная улыбка.

— Такая у нас выросла молодежь, Тина, — смелая, отважная, благородная. Они, а не выродки, вроде Гуджа, станут нашими преемниками.

— Знаешь, Саба, — внезапно оживилась Тина, — пойдём к нему, проведем, подбодрим его мать, — бедная женщина, верно, убивается...

— Куда тебе, больной, идти в эту полночь, ложись лучше, отдохни после всех волнений.

Но больная женщина заупрямилась, и Саба пришлось уступить, тем более что он и сам очень хотел повидать своего спасителя. Бережно обняв жену за плечи, Саба вел ее по проселку, освещенному призрачным лунным светом. Они шли, прижавшись друг к другу, словно молодые влюбленные. Свернув на боковую улицу, которая вела к дому Годердзи, Тина остановилась и, заглянув снизу в глаза мужа, тихо сказала:

— А вдруг этот подонок тебя... Нет, я не смогла бы жить без тебя...

— Ну, что ты, — так же тихо, в тон ей ответил Саба. Ему захотелось притянуть ее, поцеловать бледное от болезни и лунного света лицо.

Внезапно скрипнула изгородь. Саба смущенно улыбнулся, и они продолжали путь по темной улице. Только один дом в самом конце был освещен, — там жил Годердзи. У постели раненого собрались соседи и друзья.

— Директор идет, — зашептали они, увидев Саба.

Годердзи протянул пришедшим левую руку и улыбнулся.

— Как ты себя чувствуешь, герой? — спросил Саба.

— Теперь ничего. Только предплечье горит, как будто под повязку горячие уголья подложили.

— Через месяц снова за баранкой будешь.

Годердзи снова улыбнулся:

— И врач то же говорит. Только не смогу я месяц без машины...

В другом углу комнаты оживленно беседовали женщины. Тина подседа к матери раненого и горячо благодарила ее.

Светало. Саба поднялся со стула:

— Заболтались мы. А парню отдохнуть надо. Пошли, Тина.

Когда они выходили со двора, от ствола дерева отделилась черная тень и шагнула навстречу. Тина испуганно вскрикнула.

— Это я, Саба Лукич, — зашептала заговорщически тень. — Степане я, узнали? Я не буду вас задерживать. Только, осмелюсь напомнить, если заметили вы, я сам, первый, ударил своего сына. Помните? Ничего у вас не прошу, только одного хочу — предположите, что это ваш сын в несчастье, и потом...

Степане семенил за широко шагавшим Саба и нашептывал ему свои оправдания. Только у самого дома заметил он, что все его усилия напрасны. И потому он решил, что самое лучшее в его положении незаметно отстать и скрыться, чтобы своей назойливостью еще больше не ухудшить положение сына.

Когда Степане подходил к своему двору, до его слуха донесся оглушительный женский крик. «Уж не случилось ли еще чего-нибудь?» — пронеслось у него в голове, в то время как ноги с юношеской легкостью и быстротой несли его к дому.

— Не стало, не стало ее, — кричала не своим голосом невестка. Увидев Степане, она бросилась ему навстречу: — Покинула нас Мелано, ушла от нас, покинула!

Степане замер. Сколько лет, возвращаясь домой, он чувствовал присутствие матери. А теперь он сразу услышал всем своим существом, какая тишина и пустота воцарились в доме. Что-то кричит невестка, но ее слова уносятся куда-то вдаль, проносятся мимо, не задевая и не трогая. Пусто...

Теперь его ничего не связывает с этим проклятым местом, где он видел столько горя. Подрублен последний корень. Не стало матери. Дом собираются отбирать. Участок приусадебный с виноградником — перемеряют. И Гуджа... Эх, Гуджа, сынок!

Что осталось ему делать? Степане вышел, пошатываясь, во двор, опустил на траву. Руки его судорожно шарили по земле, сжимались, вырывали пучки травы и так же механически собирали их. Опомился Степане, вернулся в комнату, где лежала на столе Мелано, и высыпал ей на грудь мокрую траву.

— Прости мама, — прошептал он. — Какова жизнь у нас была, такие цветы я тебе и принес...

Скромно и тихо хоронили Мелано. Народу было совсем немного — даже перед лицом смерти не хотели вардианцы кривить душой — не любили они покойницу.

Мелано лежала в гробу, скривив голову, словно всматривалась вдаль. И могло показаться, что и после смерти не может старая женщина оторвать взгляда от своего виноградника, на который положила столько труда и который, в конце концов, отравил ей существование. А на лице ее застыло выражение сожаления. И никто не мог бы сейчас сказать, было ли это сожаление о потерянном доме и участке или же настоящая человеческая жалость, вызванная сознанием бесплодно прожитой жизни.

А Степане скоро написал такое заявление:

«Ввиду того, что у меня скончалась мать, а сын отдан под суд, я решил по семейным причинам переехать в город. Прошу сельсовет оценить имеющийся у меня дом. А потом закупить его. Что касается моей работы на должности завскладом, то всем известно, что трудился я честно и не имею ни одной копейки недостачи. По вышеизложенным причинам прошу освободить меня от работы.

Настоящее заявление написано мною в двух экземплярах, один — для представления в дирекцию совхоза, другой — в сельсовет».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Настал день суда над Гуджа. Необычное дело привлекло в Сигнахский суд много людей. В районе знали и любили директора Вардианского совхоза, и теперь всем было интересно посмотреть на человека, осмелившегося поднять на него руку. Но не простое любопытство собрало огромную толпу. Глухой, негодующий ропот ясно показывал, что если бы решение дела Гуджа было доверено этим людям, ему бы не поздоровилось.

Саба пробирался сквозь толпу к своему месту в зале, низко опус-

тив голову и ни на кого не глядя, словно он чувствовал себя в чем-то виноватым. Он никак не мог примириться с мыслью, что ему придется принимать участие в судебном процессе. Правда, он был истцом, даже пострадавшим. Но разве он, Саба, директор совхоза и член партии, не ответственен за преступление Гуджа. Нет, сегодня и он ответчик. Он должен держать ответ перед своей совестью, перед всем народом...

Такие мысли теснились в голове Саба, пока он в ожидании судебного разбирательства сидел в первом ряду вместительного зала районного суда, битком набитого крестьянами из Вардиани и окрестных сел. Тина, которая с точностью сейсмографа умела отмечать по выражению лица мужа малейшее изменение в его настроении, тихо проговорила, наклонившись к Саба:

— У тебя на лице нарисована такая жалость, словно ты сейчас готов встать и всенародно просить помилования для Гуджа...

— Меня волнует, что из-за нелепого случая будет искалечена жизнь молодого человека.

— Ты считаешь это случаем?! Скорее счастливой случайностью можно назвать то, что ты остался жив.

Саба горько усмехнулся:

— Конечно, ты права, дорогая! Но ведь нельзя же забывать о человеке.

— А ты подумал о других?

— Именно потому, что этот процесс должен многих заставить задуматься о своих поступках, я и считаю его полезным. В частности и я задумался о своей доле вины в этом деле...

— Что ж, ты можешь добровольно пересесть на скамью подсудимых, — пошутила Тина.

Большие часы, висевшие над судьейским столом, звонко забили. С каждым их ударом стихал разноголосый шум в зале. С последним — одиннадцатым — ударом стало совсем тихо. Открылась боковая дверь, пропустив поникшего Гуджа. Затем послышался далекий возглас: «Суд идет!» Саба знал, что эти слова должны были прозвучать и что надо было встать, в знак уважения перед судом. Но все же они прозвучали неожиданно, так же, как неожиданно для него одновременно поднялись, словно солдаты по команде, все, сидевшие в зале. И Саба приподнялся со своего стула только тогда, когда все уже усаживались. Тина осторожно притронулась к рукаву мужа — хоть этим показать, что она его понимает, сочувствует, готова поддержать.

Саба словно в тумане видел все вокруг. Потом отдельные детали этого тяжелого дня смутным кошмаром припоминались ему. Монотонный глухой голос судьи, читавшего толстое «дело». Бледные и как будто растерянные лица свидетелей. Холодные решительные глаза судьи, когда он твердо объявил: «Десять лет!» И только одного не мог вспомнить Саба — как держался во время суда Гуджа. Вряд ли смог бы восстановить он и то, что сам говорил, глядя прямо в глаза судье. Но он сразу проникся уважением к нему, к его нелепому делу, проникся верой в то, что именно он, судья, помогает ему исправить ошибку, допущенную им в отношении Гуджа.

Когда все было кончено, Саба вздохнул облегченно и собрался уходить. Но, оглянувшись, заметил, что люди, плотно забившие все проходы в зале, не собирались расходиться, и пробиться к выходу было невозможно. Он удивленно взглянул на жену. Та пояснила:

— Теперь будет рассматриваться дело Кола.

«Кола?» — удивился Саба. Еще один его работник вдруг оказался на скамье подсудимых, а он, увлеченный своими переживаниями, ничего не знал об этом.

— Дуса пожаловалась. Обвиняет его в хулиганстве. Он, ^{говори} угрожает повесить меня на инжировом дереве...

Саба рассмеялся. Внезапно он заметил Нино: девушка с трудом расталкивала людей, пытаясь пробраться вперед.

— Куда ты спешишь, Нино? — спросил директор совхоза. — Не собираешься ли и ты втянуться в судейские дела?

— К сожалению, приходится, — ответила девушка. — Вы ведь знаете, в то время, когда Кола вломился в комнату к Дусе, я жила у нее.

— Так что ты — свидетельница!

— Свидетельница, — улыбнулась девушка. — Не одному вам ходить в помощниках правосудия.

В зале суда установилась совершенно другая атмосфера, чем при разбирательстве предыдущего дела. Послышались шуточки. Появление Дусы на месте истца было встречено дружным смехом.

— Дорогие граждане, судья! — зачастила старуха. — Я вам хочу рассказать всю правду, как она есть. Женщина я одинокая, беззащитная. Никто обо мне дурного слова сказать не мог. А тут — нате, пожалуйста! — полуночный гость, мужчина!..

Долго еще рассказывала Дуса со всеми подробностями историю неудавшегося визита Кола, долго хохотали собравшиеся и, казалось, все уже позабыли обо всем ином. И только Саба не мог отвязаться от назойливого вопроса, который не давал ему спокойно сидеть на месте и присоединиться к общему настроению. То и дело он спрашивал себя:

— Что же будет с Гуджа? Каким он станет через десять лет? Не потянется ли снова его рука к ножу?..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Саба устало сидел за своим письменным столом, заваленным папками, бумагами, диаграммами. Ревизор-бухгалтер, приехавший из Тбилиси, только что распрощался с ним. И теперь было о чем подумать. Вдобавок ко всему накануне вечером он поссорился с женой и теперь всячески ругал себя за привычку переносить в семью служебные волнения и неприятности. Только Тина могла столько лет терпеть его несносный характер. Помнится, еще в Тбилиси, когда он читал лекции в институте, у его жены не было покоя. Возвратится, бывало, с экзаменов сердитый, насупленный, ворчит что-то неразборчиво. Жена сразу догадывалась — поставил какому-нибудь студенту плохую оценку и теперь казнит себя: «Может, просто растерялся студент, запутался... Или не смог подготовиться по какой-то причине! А я не спросил ни о чем, не разобрался — бац, двойка!..» Тина знала, что даже ночью он долго будет ворочаться с боку на бок, прежде чем заснуть.

В такие дни он мог показаться просто невыносимым: суровый, замкнутый, на вопросы не отвечает, говорит резко, односложно. Но кому, как не Тине было знать, какое доброе, отзывчивое сердце скрывалось за этой суровостью.

Еще хуже стало с тех пор, как они перебрались в Вардиани. Саба добровольно вызвался на новую работу. А здесь, в совхозе, и дела во много раз больше, и ответственность неизмеримо выше. От его реше-

ния зависит выполнение государственного плана, судьба многих людей. И если принципиальность руководителя заставляла его принимать решительные меры, Тине долго приходилось потом наблюдать за переживаниями расстроенного своей суровостью мужа.

Саба знал все это, знал, что и во вчерашней размолвке с женой виноват только он, но ничего не мог с собой поделать. Как можно оставаться спокойным, равнодушным, когда молодой, полный сил парень должен отправиться на скамью подсудимых. Человек, который работал у него в совхозе. Человек, за которого он отвечал. Кто виноват в этом? Кто проглядел момент, когда Гуджа откололся от всех?..

Дверь кабинета приоткрылась, показалась Нино.

— Можно, — буркнул Саба, не дожидаясь вопроса. Нино робко присела напротив него на краешек стула. Она сразу заметила, что Саба не в духе, и потому долго не решалась заговорить. Наконец девушка начала:

— Наши опыты закончились успешно. Теперь, я думаю, можно и другим рассказать о результатах.

— Завтра Сандро проводит совещание участковых агрономов. Там и доложишь о своем эксперименте.

— Правильно, — согласилась Нино. — Надо, чтобы об этом узнали все наши люди.

Саба взволнованно встал с места. Несколько минут он молча смотрел в окно, потом налил себе воды из графина и выпил крупными жадными глотками. Обернувшись к затихшей девушке, заговорил:

— «Наши люди»! Живут рядом с нами, работаем вместе, а чем они дышат — не знаем.

— Вы о деле Гуджа? — спросила Нино. — Я тоже не могу забыть о нем. После суда прошло больше месяца, а кажется, что все это было вчера.

— Гуджа не родился бездельником и хулиганом. Воспитание сделало его таким. Тут-то мы и проглядели. Человек вырос при Советской власти, но победили жадность и корыстолюбие его родителей. Где же были вы, комсомольцы? — Саба махнул рукой. — Впрочем, и мы в ответе, даже больше вашего, — уступили его Степане и Мелано. Больше всех я виню себя.

Нино попыталась возразить:

— Не можете вы воспитывать каждого человека в совхозе...

— Должен! — решительно прервал ее собеседник. Потом уже гораздо тише добавил, — я и больше народу воспитывал. Впрочем, ты-то сама знаешь.

— Знаю, — улыбнулась Нино. — Теперь-то я могу сказать, что вы были нашим любимым лектором в институте.

— Правда? — обрадовался, как ребенок, Саба. — А не считали вы тогда меня чересчур строгим? Только уговор — говорить правду.

Казалось, что недавние огорчения были окончательно забыты. Беседовали два товарища, коллеги по институту, которые всегда так любят вспоминать родные стены, и общих знакомых, и время, которое познакомило и сроднило их. Нино уже без прежней робости рассказывала:

— Ну что вы! Мы ведь знали, что ваша оценка всегда справедлива. Помню, я получила по вашему предмету тройку...

— Не может быть, — искренне огорчился Саба.

— Даже стипендию потеряла, — тогда за тройку снимали стипендии, но нисколько на вас не обижалась.

— А что, может, придирался я очень?

— Да нет, просто не успела я подготовиться, тогда отец болел, не кому, кроме меня, было за ним смотреть. Зато с тех пор я ни одной тройки не получала. На последнем курсе даже персональную стипендию дали.

— Помню, помню, — Саба целиком отдался воспоминаниям. — Это и есть настоящее воспитание... А здесь одного бездельника уломать не смогли! — Текущие заботы снова выступили на первый план, десятиминутное отвлечение и так уже казалось Саба непозволительным расточительством. — Мне кажется, что десять лет тюрьмы — слишком суровая кара для парня: ведь я остался невредим, да и Годердзи совсем поправился.

— Гуджа жалеть нечего, — в голосе Нино слышалась непреклонная решимость, — он ведь поднял на вас оружие. Вот второй шофер Кола, — тот по глупости попал в эту историю.

Саба подошел к девушке и склонился над ней, внимательно заглядывая ей в глаза.

— Знаешь, что я скажу тебе, дочка? Нельзя так легко отказываться от человека. За него бороться надо. И мы будем бороться. — Он выпрямился, приняв какое-то решение. — Как только будет возможно, я обязательно повидаяю его в тюрьме, поговорю.

2

Виноградники шумели громкими, веселыми голосами крестьян, переливались песнями, взрывались хохотом от соленых деревенских шуток.

Настал тот праздничный день, когда с лоз снимали зонтик из собственных ветвей и листьев, призванных защитить первые ростки винограда от палящих и обжигающих солнечных лучей. Гроздь уже пустили глазки будущих ягод, и теперь солнце им ничем не грозило — наоборот, его тепло и свет помогли бы налиться сладким терпким соком.

Больше солнца! Этот веселый жизнеутверждающий лозунг незримо реял над работающими крестьянами. Острые ножи заботливо и хлопотливо носились над лозами, освобождая их от лишних листьев и засохших веток, словно невесту — от ненужных украшений. Освобожденные лозы открыто выглянули навстречу небу. Солнце пролилось на виноградник. Скоро сладкий, словно застывший мед, виноград обильным потоком потечет в совхозные марани, принося людям радость и веселье.

Праздник наступил. Вардианцы приглашали друзей в гости. Близились пора свадеб, пора радостных торжеств.

Сандро сдержал свое слово: в июне, несмотря на горячку на полях и виноградниках, на его застроечном участке был заложен фундамент нового дома.

Мзекала, как работяга-пчела, без устали бегала от совхозного гаража к своему будущему дому и обратно. На рассвете, еще до начала работы прибегала она сюда и пальцами вымеряла, какой высоты достигла кирпичная кладка. А по вечерам Сандро и Мзекала, не сговариваясь, встречались тут же: не надо было больше назначать свидания бог знает где, их любовь совсем скоро обретет прочный фундамент и крышу над головой.

Лето выдалось солнечное, жаркое. Виноград наливался соками. Из-под листьев выглядывали жемчужно-поблескивающие гроздья в причудливом орнаменте усиков-завитушек.

Даже ветер в это лето дул жаркий и тяжелый. Совхозный виноградник мерно покачивался под ветром, словно волны моря, зажатого плотной — изгородью. Придет время, и обильный урожай прорвет плотину и широким потоком потечет туда, где ждут его заботливые рабочие руки.

Щедрая грузинская земля одаряла людей своим благом, воздавала должное за труд, за заботу и уход. Вардианцы потеряли счет времени, день и ночь смешались для них — плоды неустанной работы в течение целого года рекой полились в их марани.

Урожай надо было собрать, развезти по хранилищам. А затем — работа сменяла работу. Надо было давить виноград, заливать вино в квеври.

И снова праздник стоял над Вардиани. Гостеприимно распахнутые двери приглашали прохожих. А по вечерам в узких проселках долго слышались негромкие и протяжные песни, — это игривое мадчари настраивало на веселый лад, и казалось, будто все село, объединившись, поет радостный гимн обильному урожаю.

Праздник сбора винограда — ртвели — отшумел над селом, как сотни и сотни до него. Сколько еще таких празднеств предстоит впереди! До тех пор, пока будет наливаться веселым благодатным соком ркацителли, песням и веселью не будет конца.

И может ли быть на свете праздник более торжественный, чем тот, который славит бессмертный труд человека.

К западу от Вардиани, там, где заканчивались зеленые изгороди и узенькие сельские улочки, как притоки в реку, вливались в проселочную дорогу, стоял большой дуб. Старики любили посидеть под ним, давая отдых старым коленям, ребятишки заводили под его раскидистыми ветвями игру в лахты, женщины, поднимаясь с полными кувшинами воды с ручья, устраивались на его могучих корнях и начинали беседовать.

Любил этот старый дуб и Анания. Он приходил сюда, чтобы посидеть и подумать о своих делах в одиночестве. Молча разглядывал он искривленные и изъеденные временем ветви, а потом взгляд обращался к верхушке — молодой и зеленой, как будто и не было старому дубу много веков, как будто не проносились мимо него сокрушительные грозы, не обрушивались страшные ураганы. Выстоял старый дуб, выдержал все испытания и каждой весной гордо возносил на своих широких плечах молодую поросль наверх, ближе к солнцу. Видел Анания, как целые армии деловитых муравьев сновали вверх и вниз по стволу, спешили по своим неведомым делам, прокладывали свои невидимые дороги.

Но замечал старик, что и для дерева не прошли бесследно годы. Трещины пошли по коре, как морщины по коже, кое-где зияющей раной обнажался из-под содранной коры голый ствол, высохший, искривившийся, ставший пылью и тленом...

Одна могучая раскидистая ветвь особенно полюбилась старому Ананию. Но и на ней уже оставило свой след неумолимое время. И казалось крестьянину, что она сохнет вместе с его большим телом, что одновременно высыхают в них соки, что в один час придет их кончина. Приходя к старому дубу, он всегда с трудом выпрямлял больную спину, приподымался на цыпочки и проводил рукой по облюбленной ветви. И она отвечала ему тихим шорохом — признаком того, что иссякали ее жизненные соки, высыхали и желтели листья, а гибкие прежде ветки стали ломкими, как сухой хворост.

... Ранняя зима подтачивала силы Анания. Какое-то предчувствие говорило ему, что эта зима будет для него долгой, очень долгой. Но он упрямо приходил к старому дубу, садился, усталый, на согнутый корень и устремлял взор туда, где за густой зеленой оградой на небольшом холмике возвышалось сельское кладбище. И казалось ему, что он различает среди многих простой деревенский крест с покосившимися крыльями над могилой Харебы.

6

К вечеру темные низкие тучи обложили небо. Пошел нудный мелкий дождь. «Это надолго», — подумала Нино. Она сидела у постели больного Анания. Уже больше недели старик не может подняться, необычная бледность покрыла его смуглое лицо, подбородок удлинился и заострился. Котэ молча ходил из угла в угол, время от времени останавливался у окна и выглядывал во двор. Магдана не заходила в комнату больного — несчастье так сломило смелую и сдержанную женщину, что она боялась своим видом увеличить страдания Анания.

Он лежал с закрытыми глазами и, ни к кому не обращаясь, шептал: — Дуб... я перевилю его корнями... Ветка засохла, моя ветка... Но наверху — молодые побеги, весной будут маленькие листья... — Он говорил тихо, но ясно, отчетливо. Ни разу за все время не застонал, хоть и чувствовал, как все труднее и труднее становится дышать, как тяжела стоящая в комнате тишина, отделяющая от мира.

Анания открыл глаза, огляделся. Поблизости никого не было. Он подогнул под себя руки, уперся в спинку кровати, приподнялся. Потом медленно спустил ноги, нащупал домашние туфли, начал приподыматься. Анания не чувствовал боли. Только слабость, непонятная неуверенность движений мешали ему разогнуться... Вот он уже у двери, одна ступенька, затем вторая... Он оглянулся назад, на свой дом, посмотрел на двор — там Магдана что-то говорила Нино и Котэ. Что? — он ничего не слышал.

Анания направлялся к винограднику — увидеть лозы, погладить их, посмотреть, хорошо ли укрыты от морозов... Внезапно он вздрогнул — мир безмолвия, в котором он себя чувствовал, прорезал крик филина. Филин... Анания оглянулся. Котэ сбегал с балкона, держа в руках ружье...

Ночь обнимала Анания своими холодными руками, гладила лицо мокрой ладонью. Холод проникал до самого сердца. Он поежился.

Снова гугукнул филин. «Плохое предзнаменование, — подумал Анания, — впрочем, для меня уже все равно».

Выстрел разорвал ночь. Анания показалось, что это сама земля разверзла свою пасть. Силы покидали его. И еще раз крикнул филин. «Неужели Котэ промахнулся...». Он чувствовал, что падает. Хотел позвать

детей, Магдану. Глянул в их сторону и увидел — на светлом фоне неба рядом стояли их силуэты.

«Хотя бы до утра», — думал Анания.

Он почувствовал, как чья-то нежная рука обнимает его за шею. Открыл глаза, увидел Нино. «Неужели уже утро?» — пронеслась мысль. Но в глазах уже становилось все темнее. Он попытался приподняться. Рука уперлась в землю, — холодную, сырую. Дрогнула, подломилась бессильно. Губы стали сухими, непослушными.

Демна Шенгелая

Писатель большой правды

К 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого

Лев Толстой — колосс великой русской литературы. Человечеству не много известно таких имен. Величайший гуманист, скептик и непримиримый моралист, он с удивительно мужественной прямоотой боролся с существовавшей в его время социальной несправедливостью и лицемерием, неутомимо сражался за благо человечества и правду.

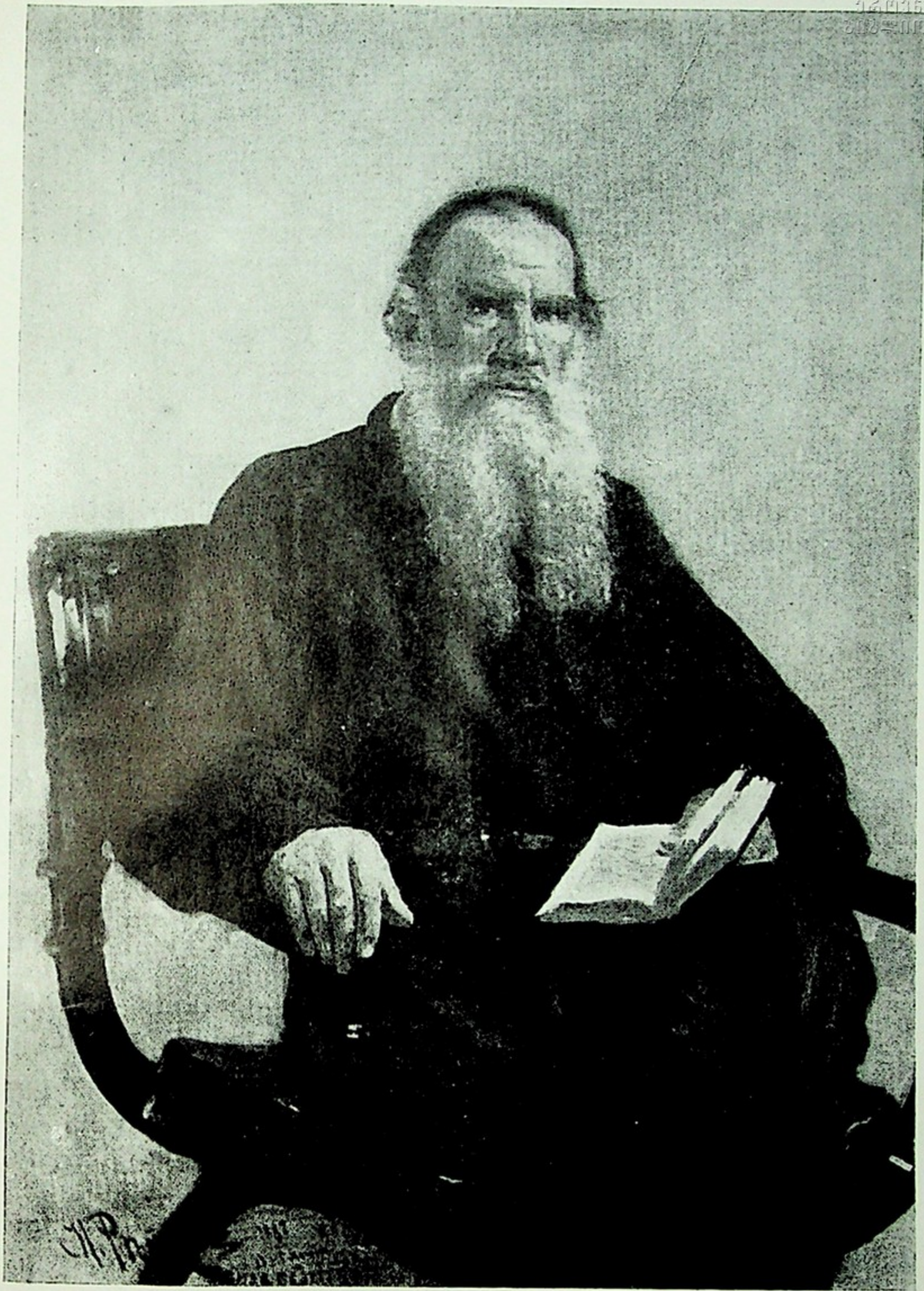
Яснополянскй ересиарх и вероотступник, титан художественной мысли, величайший моралист и бунтарь, с душой, разрывавшейся от внутренних противоречий, на протяжении десятков лет упорно боролся против обскурантизма, разоблачал лицемерие религии и безнравственность капиталистического общества. Именно поэтому царизм запретил целый ряд его творений, а мракобесы проклинали его как вероотступника, отлучили от церкви, предали анафеме. Непримиримость Толстого к насилию, социальной несправедливости выражается хотя бы в том, что, когда жандармы в его отсутствие обыскали его дом, он написал императору полное гнева и угроз письмо. Граф по происхождению, аристократ, он с презрением относился к своему классу, отказавшись от его богатств и роскоши, взялся за лемех и косу и стал мужиком. Именно поэтому называли его на Руси «мужицким графом». Жил он просто, «по-мужицки». Вместе с условностями большого света он откинул и все литературные условности. Уже в начале своей

литературной деятельности писатель отказался от самодовлеющего эстетизма, литературного гурманства и своею поистине титаническое творчество поставил на службу простым людям. Но избавиться полностью от мировоззрения своего класса он все же не смог. Именно поэтому его жизнь и творчество так полны внутренних конфликтов. Измученный поисками вечной правды, Толстой, с присущей ему беспощадностью, бичевал фальшь и ошибочность «искусства для искусства». Зигзагообразными, запутанными и косыми тропами, но всегда стойко прошел он путь от «графа до мужика», но спокойствия души так и не обрел. Литературное наследие Толстого, кроме художественных произведений, составляют дневники, личные письма, труды религиозно-философского содержания и публицистические статьи, полные великой боли и поисков. Его фаустовский дух не находил успокоения, и именно поэтому так трагически и беспокойно завершил он свою жизнь.

Его творчество просто, как правда. Вся сложность и глубина его великого вдохновения шли от этой удивительной простоты и народности, ибо нет ничего более сложного и одновременно трудного, как быть простым. Никакой романтики и эффекта красивой фразы, ничего надуманного ни в художественной ткани его произведений, ни в сюжете, — вот литературное кредо Толстого, основной принцип его творчества. Все это,

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ
ԳՆԱԴԱՐԱՆ

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Портрет работы И. Репина

по его глубокому убеждению, имеет оттенок ремесла, фальши и лжи. Поэтому так жизненна и естественна его фабула, поэтому так реальны его персонажи. Поэтому его метафора, к которой он редко обращается, так проста и настолько обычна, что часто смущает даже своим трюизмом.

С первых шагов своей литературной деятельности Толстой окончательно отказался от всех литературных штампов и красот. Сначала он их проверил, попробовал, как говорится, на «зуб» и затем поставил свое творчество, свои принципы на службу неприкрытой правде. С самого начала он боялся красивой фразы, дешевого сюжетного эффекта и режущей глаз опрятности стиля. Главной для него была художественная правда и исключительная простота. Каждую строчку он рассматривал с этой точки зрения, каждую фразу делал глубоко земной, доводил до исключительной реальности. Толстой советовал каждому писателю писать тогда, когда не писать — невозможно. «Не могу молчать!» — этим названием одного из его писем смело можно озаглавить все творчество Толстого.

Лев Толстой был исключительно правдивым человеком. И причина его личной трагедии состоит в том, что он, с присущей ему прямоотой, разоблачал гниль и фальшь современного буржуазного общества и религии, но взамен не только не строил, но и не знал, как и что надо строить. Он хорошо знал весь механизм, всю подноготную этой системы, основанной на насилии и лжи, но не нашел пути к той правде, которую так упорно и мучительно он искал, за которую страдал не только как писатель, но и как человек. Вне этой правды для него не существовало никакой поэзии и цели жизни. Никак не смог Толстой-писатель, чье творчество озарено великими принципами критического реализма, согласиться с таким же великим, но ошибочно мыслящим Толстым-человеком. Он мучился, страдал оттого, что, найдя путь к художественной правде, не нашел социальной правды, которую тщетно искал в религии, искал там, где ее вовсе не существовало.

Душевное смятение Анны Карени-

ной и ее гибель, аграрные взгляды Левина, непротивление злу насилием Пьера Безухова и Платона Каратаева, внутренняя раздвоенность Хаджи-Мурата, социальное раскаяние Нехлюдова и многое другое — все это словно обратилось в толстовского двойника. Величайший строитель монументальных литературных зданий, своей вечно тревожной и ищущей душой он не уместился в удивительном мире им же созданных художественных образов, в мире, бескрайнем своими колоссальными масштабами. Лев Толстой, с присущей ему правдивостью, без прикрас, нарисовал не только свой, полный внутренних противоречий, непокорный дух, но и тот антагонистический социальный строй, который так страшно душил его и за правдивое описание которого Ленин назвал Толстого зеркалом русской революции.

Толстой признавался в том, что литераторы часто не говорят о том, о чем обязаны говорить, о том, что хотят сказать, потому что это подцензурно, и говорят то, что цензурно, несмотря на то, что это абсолютно неважно. Можно умереть, не сказав самого главного.

Из-за этой правды не боялся он разрушить искони указанные литературные нормы. Поэтому он говорил об одном видном писателе: не люблю его, он «стилист», а я таких не люблю. Но он всегда с ласковой улыбкой вспоминал Чехова и говорил друзьям, что живет и наслаждается Чеховым, который замечательно умеет все подмечать и запоминать и в своих глубоко содержательных произведениях никому не подражает и идет своим независимым путем.

Толстой бежал не только от «стиля» или от красивой фразы, — того, из-за чего трудились другие, но и от сюжетной напряженности и эффектов, которые так захватывают неискушенных читателей. Развязку каждого эпизода или экспозицию он готовил так внимательно, так следил за каждой мелочью, чтобы все было логично и само собой ясно, и, что самое главное, естественно, что даже такой знаток русского языка и мастер стиля, каким был Тургенев, отмечал: «Много, очень много материала расходует Толстой».

Литература была для Толстого

самым главным, была для него жизнью, именно поэтому он боялся фальши, боялся внешних приукрашиваний, боялся из-за красот «стиля» потерять жизненную правду. В противовес великому стилисту Флоберу, для более точного выражения мысли и правдивости образа, он смело употреблял несколько раз в фразе одно и то же слово. Для Толстого главным была не фраза, а правда. Он не боялся длинных, растянутых предложений. Для примера достаточно взять начало его «Детства», где спящего ребенка гувернер будит колотушкой (Не могу не напомнить о том, что это произведение Толстой писал в Тбилиси). Не стиль, не изящество и красота фразы, а в первую очередь, полнота мыслей и их правдивость подкупают нас. Ради этой внутренней правды Толстой часто смело меняет построение романа. Никто не нагружал так своих произведений публицистическими «притоками», дидактическими размышлениями и философией, как это делал он. Блестящий пример этого — «Севастопольские рассказы», где Толстой говорит, что герой его рассказов — только правда. Это одно из первых творений Толстого можно считать манифестом, кредо, где нашли отражение его литературные взгляды.

Нельзя здесь же не возвратиться к вопросу о подцензурности. Он принципиально не стеснялся и того литературного риска, который мы сейчас называем натурализмом. «Война и мир», «Воскресенье», «Смерть Ивана Ильича» и другие его произведения ясно подтверждают это.

То, что усложненность сюжета Толстой считал излишней, подтверждает рассказ «Смерть Ивана Ильича», который он начинает словно бы с конца и где уже в первой фразе раскрывает, что произойдет с его героем: «Иван Ильич умер». После этого как будто говорить не о чем, главный герой погиб, и дело этим кончилось, но Толстой, напротив, с этого начинает рассказ. Его вовсе не интересовало, умер или нет Иван Ильич. Толстого интересует, главным образом, то, как эгоистичное, так называемое образованное общество бросает человека в беде, тогда как представитель простого народа — дворник Герасим исключительно человеколюбив и сердечен.

Толстой с возмущением говорит о том, каким жалким человеком оказался Иван Ильич. Эгоизм своего класса и благородство представителя простого народа понял он лишь у порога своей смерти. Он только тогда понял, как мудр и великодушен трудящийся народ и как неумолимо и мелочно то общество, к которому относится Иван Ильич. Разве не эти же вопросы разрешал Толстой во всех своих произведениях, даже в таких, как «Холстомер» и «Поликушка»?

То, что он органически не выносил красот, подтверждает история его «Хаджи Мурата». Известно, что эту повесть Толстой писал много лет, и она казалась ему все-таки незавершенной. Читаешь это произведение с таким увлечением, что трудно дышать, думаешь и не понимаешь: что же здесь не закончено, что не удовлетворяло здесь ее гениального творца? Опубликованные недавно новые биографические данные о Толстом неожиданно рассеяли сомнения. Сейчас все стало ясным. По мнению великого художника, в повести были «красоты», а этого Толстой всегда избегал. Кажется, ничего он так не боялся, ибо беспокоился, чтобы красота не затмила жизненности, а с ней вместе не угасла бы правда. И разве не потому ненавидел он другие свои произведения — «Альберт» и «Люцерн». Он написал их когда-то под воздействием эстетических взглядов одного из своих друзей и никогда не мог простить себе этой ошибки. Вторично он не допустил бы ее. Достаточно было, что он считал «Альберт» и «Люцерн» своим позором и полагал, что никак не может за него расплатиться.

Никаких эстетических и стилистических побрякушек. Человек и без того прекрасен, ибо это есть действительность, а то, что действительно — то правдиво. А самым красивым, красивей всякой красоты является правда. И она ни в каких приукрашиваниях не нуждается. Литературные «методы» и стилистические украшения только уродуют эту правду и неверно представляют ее. Человек тогда прекрасен, когда он предстает во всей полноте своей правды. А Толстой был писателем только правды, несравненной правды и подлинной действительности.

„Из истории политики США в отношении Грузии“

По вопросам интервенционистской политики западных держав, в частности США, в отношении народов Советского Союза в период 1917—1920 гг. издано немало книг. В числе наиболее ценных — книги А. Березкина — «США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.)» и А. Куниной — «Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг.». В них на основе конкретных примеров и богатых архивных документальных источников, по новому освещаются различные вопросы периода гражданской войны и интервенции в СССР. Однако в этих книгах, как и в работах грузинских историков и в тех сборниках документов, которые вышли в Грузии, Азербайджане и Армении за последние годы, мало уделено внимания особенностям американской антисоветской империалистической политики в южных районах страны.

В значительной степени восполняет этот пробел вышедшее недавно в свет отдельной книгой исследование Г. Гамбашидзе — первая попытка систематического изложения истории американской империалистической политики в отношении Грузии.

Как это убедительно показано в книге, представители Соединенных Штатов Америки занимались в Закавказье, так же, как и на Дальнем Востоке, Севере и Западе нашей страны, активной контрреволюционной, антисоветской и колонизаторской деятельностью, грабежом мирного населения, имели здесь тюрьму, жандармов и даже единственное в своем роде на всей территории России американское губернаторство, управляемое полковником армии США и американской администрацией с неограниченными полномочиями. Американцы намеревались организовать в Закавказье и другие губернаторства.

Г. Гамбашидзе. «Из истории политики США в отношении Грузии 1917—1920 гг.». Издательство ЦК КП Грузии. Тбилиси, 1960 г.

В своем исследовании Г. Гамбашидзе опирается и на данные официальных документов, изданных в США. Несмотря на ограниченность официальной публикации, на фальсификацию документов, вышедших в свет в США, особенно в сборниках материалов внешнеполитических документов, автор устанавливает, что деятельность американских представителей в Закавказье являлась отражением общего антисоветского контрреволюционного и колониалистского политического курса США, а не, как это иной раз пытаются представить буржуазные историки, частной инициативой чрезмерно активных и энергичных американских представителей.

В этой связи небезынтересно вспомнить некоторые псевдонаучные исследования американских реакционных историков, основные положения которых анализируются и с успехом опровергаются Г. Гамбашидзе. Старания этих, с позволения сказать, ученых, судя по последним публикациям, сводятся в основном, к попыткам доказать, что США не являлись главарями антисоветской военной интервенции; что США не имели в России никаких территориальных интересов; что находившиеся в России официальные представители США часто действовали по своей личной инициативе, не имея на то соответствующих полномочий правительства США, что у США не было никаких агрессивных целей в отношении народов окраины бывшей царской России.

Все эти и другие положения нашли, правда, в различной степени, отражение в многочисленных трудах современных американских буржуазных историков, наиболее авторитетным среди которых по вопросам советско-американских отношений считается профессор Принстонского университета Д. Кеннан, бывший в 1951—52 гг. послом США в СССР. Два тома задуманного им трехтомного сочинения о советско-американских отношениях в 1917—1920 гг. уже выпущены в свет. Первый том — «Россия выходит

из войны» был восторженно встречен буржуазными историками США, и автору даже была присуждена национальная книжная премия за 1957 г. Какую же цель поставил перед собой в своих мемуарах Д. Кеннан? Ничто иное, как воскресить старую, похороненную неопровержимыми фактами теорию, согласно которой США не имели никаких территориальных интересов в России. При этом Д. Кеннан, подобно другим приверженцам этой теории, не приводит ни одного подтверждающего ее факта. Да он и не может это сделать, ибо факты свидетельствуют об обратном. Очевидно, из-за этого Кеннан вынужден уделить больше внимания «14 пунктам» президента Вильсона (известному пропагандистскому документу, в котором в завуалированной форме были высказаны претензии американского империализма на мировое господство), пытаясь приписать им чуть ли не демократический характер.

Автор рецензируемой работы вскрывает лживость этих утверждений. Анализируя официальные комментарии к «14 пунктам», раскрывающие их содержание, Г. Гамбашидзе приводит выписки и даже фотокопию из дневника американца Д. Миллера (21-томное сочинение, изданное в 40 экземплярах) и документ № 246, развивающий захватническое содержание комментариев. Эти официальные американские документы известны давно, никто не пытался их опровергнуть. Можно ли допустить, что Д. Кеннан не знает о них? Можно ли допустить, что они не известны многим другим американским историкам, старающимся скрыть захватнические планы американского империализма в отношении советских народов? Конечно, нет.

Г. Гамбашидзе показывает, что, осуществляя планы свержения Советской власти в России, подавляя революционное движение, американский империализм пытался одновременно овладеть богатейшими районами бывшей Российской империи, добивался превращения населения этих районов, в частности народов Закавказья, в своих колониальных рабов. Как это делалось и по отношению к народам других окраин бывшей Российской империи, конкретные планы захвата Грузии, Азербайджана и Армении вырабатывались при непосредственном участии американского правительства, а их осуществлением лично руководили президент Вильсон, полковник Хауз, Гувер, Лансинг и другие.

В работе последовательно излагаются и анализируются соответствующие документы. В комментариях к «14 пунктам» устанавливалось решить судьбу Закавказья в связи с турецкой проблемой. В руководстве для американской делегации на Парижской конференции разъяснялось, что этот край должен быть постав-

лен под американский контроль, очевидно как компенсация за англо-французские приобретения в Месопотамии и Сирии. Затем Г. Гамбашидзе рассказывает, как Гувер, совместно с президентом Вильсоном и Морганом, разработал конкретный план осуществления требований американского империализма, рвавшегося на Ближний Восток. По гуверовскому плану в Закавказье был направлен новый американский ставленник Хаскелл с широчайшими полномочиями и почти неограниченными материальными возможностями. Его главная задача состояла в том, чтобы организовать местные контрреволюционные силы для борьбы с Советской Россией — подавить в союзе с предателями-меньшевиками революцию внутри края, а потом добиться вытеснения отсюда англо-французских союзников и превращения Закавказья в колонию США.

...Такова логика фактов. Следовательно, местные представители американских властей, действовавшие в Закавказье, так же, как и в других местах России, выполняли указания правительства США, со своей стороны являвшегося выразителем воли американского империализма.

В исследовании Г. Гамбашидзе должный отпор дан клеветническим измышлениям бывшего президента США Герберта Гувера, изложенным в двух томах его мемуаров, охватывающих события 1874—1920 годов. Описывая, например, события в Закавказье, Гувер нарушает хронологическую последовательность рассказа и запутывает читателя, пытаясь привести его к выводу о «благих намерениях» Америки и ее представителей в Закавказье.

Объективно анализируя политику Соединенных Штатов Америки, Г. Гамбашидзе приходит к безусловно правильному выводу, что Соединенные Штаты Америки в союзе с предателями-меньшевиками, совместно с империалистическими кругами Англии, Франции, Германии и Италии, в течение трех с лишним лет грабили и унижали грузинский народ, стараясь уничтожить, искоренить в нем стремление к новой жизни, надеть на его шею колониальное ярмо.

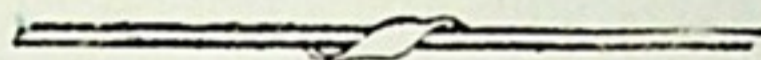
Автор, по всей вероятности, будет продолжать работу над новыми, смежными проблемами, которые возникли у него в процессе исследования данного вопроса. В связи с этим хочется пожелать ему, например, дать более полный анализ империалистической политики правительств некоторых капиталистических государств в закавказском, в частности грузинском вопросе, на первом этапе общего кризиса капитализма, острее показать противоречия между этими государствами.

Проблемы эти, также пока мало изу-

ченые, вполне заслуживают самостоятельного исследования. Их изучение необходимо для создания в будущем более крупного труда, охватывающего весь круг вопросов, связанных с империалистической политикой западных держав в отношении народов Грузии, Азербайджана и Армении. Подобный труд следует снабдить обзором иностранных публикаций, с приложением списка основной литературы по теме.

Работа Г. Гамбашидзе «Из истории политики США в отношении Грузии 1917—1920 гг.» — несомненно, представляет большой интерес. Правильно

освещая ряд вопросов, связанных с анти-советской империалистической интервенцией и гражданской войной в СССР она дает отповедь клеветникам из госдепартамента США, пытающимся скрыть от мировой общественности вероломную роль американского империализма, как организатора и активного участника антисоветской военной интервенции, как основной финансовой и материальной базы всех антисоветских шпионских и подрывных махинаций еще в период борьбы за победу социалистической революции в нашей стране и в первые годы Советской власти.

Б. Пайчадзе,
заслуженный мастер спорта СССР

ГОДЫ И МАТЧИ

Продолжение

А чего стоили наши поездки на товарищеские встречи по разным видам спорта в Батуми. Мы—участники соревнований — садились в гичку, большую, длинную лодку, моторный катер брал нас на буксир, и с буханкой хлеба, кругом колбасы, под палящим солнцем, под дождем, подставляя лица колючему соленому ветру, уходили в море. Мы не боялись ни простуды, ни солнечных ожогов — ничего на свете. И росли крепкими, сильными, выносливыми. Мы владели своим телом, как хороший наездник конем...

Любой болельщик знает смысл распространенного футбольного словечка «финт». Впервые я услышал его в 1938 году, уже через несколько лет после того, как пришел в «большой футбол». Оказалось, что «финт» (это, примерно, означает обманное движение) был у меня давно, чуть ли не на заре юности. Я и многие товарищи моего футбольного детства усвоили его благодаря естественно вырабатывавшейся у нас изо дня в день гармонии мышц и нервов, быстроте реакции, чувству времени и расстояния. Поэтому мне бы очень хотелось видеть каждого, кто решил стать хорошим футболистом, спортсменом широкого профиля, разностороннего развития, а не только «фокусником», который,

возможно, и научится в совершенстве владеть мячом, но задохнется через пятнадцать метров стремительного бега.

... Я много говорил о нашей беззаветной любви к футболу и спорту вообще. Но не забудьте: все мы были мальчишками, выросшими в портовом городе, у моря, и все наши мечты были в конце концов устремлены к одной заманчивой цели — к морю. Мы мечтали о времени, когда подрастем и станем такими же, как эти рослые, широкоплечие парни, вчера пришедшие в наш порт из Одессы или Марселя и сегодня шагающие вразвалку по потийским улицам. И чем ближе подходила пора нашей зрелости, тем дальше отодвигались детские забавы, все более требовательными становились мысли о будущем моряков. Обязательно моряков!

В 1930 году я поступил в Потийский мореходный техникум, через три года окончил его с аттестатом механика второго разряда. Все это время продолжал играть в футбол. Тогда-то и произошел случай, который до сих пор вызывает у меня улыбку. Проходило первенство города. Перед самым началом матча вдруг выяснилось, что в команде судостроительного завода не хватает правого крайнего нападающего. Предложили сыграть мне. Преис-

полненный восторга (мне впервые приходилось выступать в команде взрослых), я быстро переоделся и выбежал на поле. Раздался свисток, мяч вошел в игру, и все шло как будто неплохо. Но через несколько минут я почувствовал, что мне все труднее становится бегать. Ноги ныли, как в колодках. Я чуть не плакал от злости. Наконец первый тайм закончился. Во втором у меня было превосходное настроение, потому что теперь я играл... в одних шерстяных носках, без бутс. Да, да, не смейтесь: ведь мне до сих пор приходилось играть только босиком.

В сентябре 1933 года, по назначению отдела кадров наливного флота Черноморского бассейна, я уехал в Туапсе. Моя недолгая морская жизнь прошла на судах малокаботажного плавания. Они ходили в Батуми, Одессу, Николаев. Однажды чуть было не осуществилась детская мечта о просторах океана и чужих странах.

Зимой под Новороссийском разыгрался жестокий шторм. Если кто-нибудь из вас бывал в этом порту, он знает: вход в бухту здесь узкий и в непогоду представляет немалую опасность для кораблей. Стараясь уйти подальше от рифов, суда (а их здесь собралось немало) попадали в самое «пекло». Итак, шторм разбушевался не на шутку. Многие корабли выбросили сигнал бедствия. Нелегко приходилось и нашему танкеру «Тендра». Однако мы решили держаться во что бы то ни стало и бороться со штормом своими силами. Помощь была необходима тем, кто находился в еще худшем положении. В общем, мы выстояли, а когда вошли в порт, узнали, что наша работа признана героической. Экипаж получил благодарность, о нас писали в газетах. Мне же, словно снег на голову, свалилась радостная новость: как ударника морской службы, хорошо себя зарекомендовавшего, меня переводят на большое океанское наливное судно «Металлист». Загру-

жившись в Батуми, «Металлист» должен был идти рейсом в Лондон! От неожиданного счастья я, места себе не находил и считал часы, оставшиеся до прихода корабля.

Вдруг — телеграмма. В ней сообщалось, что у меня дома большое несчастье. Первым же теплоходом я выехал в Потти. Поздно ночью подошел к дому, постоял, не решаясь войти. Вижу: темно, тихо, ставни закрыты, видимо, все спят. Не было ни одного из признаков, сопровождающих обычно несчастье. Наконец решился, постучал. Ждать пришлось долго, и я окончательно убедился, что все в доме благополучно спят. Вышла мать, бросилась мне на шею — ведь прошел год с тех пор, как она видела меня в последний раз. Начались расспросы, поцелуи. Ни о какой беде — ни слова. Я не выдержал, спросил, что их заставило послать мне тревожную весть.

— Телеграмма? Никакой телеграммы мы не посылали! И не думали даже. Хотя тем лучше. Иначе бы ты не приехал...

Тем лучше? У меня голова кругом пошла. На другое утро все выяснилось. Явилась целая делегация — ребята из сборной города. Пришли и, глядя в землю, признались, что это они отправили телеграмму. Я взбесился:

— Какого же черта?!

— Да ведь иначе ты бы не приехал...

— А зачем было приезжать?

— Понимаешь, на днях игра. В Тбилиси... Ну, переигровка.

Так вот в чем дело! В то время проходило первенство республики. Наша команда сыграла с батумцами вничью. Повторный матч назначили в «нейтральном» Тбилиси. И, чтобы «усилить команду», эти олухи придумали трюк с телеграммой.

Я был очень зол. Не говоря уже о пережитой нервотрепке, рушились все мои планы! Но сыграть — сыграл. Мы победили со счетом 2:1; оба гола забил я, хотя в течение целого года близко не подходил к

мячу. Тогда-то я впервые с благодарностью подумал о своем спортивном детстве — хорошую надо было получить закалку, чтобы суметь удачно выступить после годичного перерыва.

Отчасти встреча с родным городом, которая показала мне, как я соскучился по друзьям, родным, отчасти просьбы матери (она, оказывается, в каждый шторм не спала, думала обо мне) побудили меня остаться в Потти.

В 1934 году наша сборная ездила в Донбасс. Здесь мы встречались с шахтерскими командами. Их было удивительное изобилие — на каждой шахте своя команда. Очень интересной была эта поездка. Во-первых, мы прошли отличную школу — тяжелую и полезную. Ведь шахтеры — рослые, здоровенные парни. Попробуй совладать с такими на поле! А мы за один месяц провели не много не мало двадцать девять встреч! Выходит, в день — по матчу. Зато приобрели выносливость, научились стойкости, спортивному мужеству.

Во-вторых, узнали такой замечательный край, как Донбасс, приобрели множество новых друзей. Не обошлось и без курьезов. В нашей команде играл Ефрем Лайтадзе — тот самый, кого я назвал в числе ветеранов грузинского футбола. Мы — особенно я и Гриша Гагуа — называли его «Папашей». Вскоре разнесся по Донбассу слух: «В грузинской команде играют отец и два его сына». Мы не спорили: пусть себе думают.

По вечерам, после игр, мы устраивали где-нибудь в парке импровизированные концерты — пели, танцевали. Шахтерам чрезвычайно нравились наши песни.

В 1935 году я поступил на общетехнический факультет Закавказского индустриального института. Здесь начал играть полусредним нападающим во второй вузовской команде, а через несколько месяцев стал центральным нападающим первой. Тогда это был сильнейший в

Тбилиси футбольный коллектив. Уже в том же 1935 году мы обыграли команды «Динамо» и «Локомотив» и заняли первое место в городе. А на будущий год меня пригласили играть в составе тбилисского «Динамо».

Так я вступил в «большой футбол».

3

В 1936 году впервые было проведено первенство СССР по футболу среди команд спортивных клубов. Эти соревнования проходили в трех группах. Прежде первенство страны разыгрывали сборные коллективы отдельных городов — победитель завоевывал звание чемпиона.

В первых — весенних — соревнованиях 1936 года команда тбилисского «Динамо» участвовала по второй группе. У нас играли: Дорохов — один из самых блестящих вратарей, которых я знаю, Шавгулидзе (капитан), Владимир (мы его называли Букой) Бердзенишвили, Э. Николаишвили, Н. Анкин, Г. Гагуа, Илья Панин, Михаил Бердзенишвили, Михаил Асламазов, Николай Сомов и, центральным нападающим, я. В этом составе динамовцы Тбилиси провели все встречи весеннего первенства без единого поражения и, завоевав первое место в своей группе, получили право состязаться с командами класса «А». Спустя короткое время мы участвовали — уже вместе с сильнейшими командами страны — в осеннем первенстве. Здесь нам досталось призовое, но третье место: поражение, которое мы потерпели от ленинградской команды «Красная заря», принесло второй приз динамовцам Москвы, обладавшим более выгодным, чем у нас, соотношением забитых и пропущенных мячей. Нет слов: это был неплохой дебют для молодой команды, едва перешедшей в первую группу. Однако, как водится, мы мечтали о большем. Очень скоро, в полуфинале розыгрыша кубка страны, в том же 1936 году, мы

встретились с московским «Спартаком». Встрече, о которой я расскажу подробнее, суждено было прозвучать в футбольном мире сенсацией.

Несколько снисходительное отношение к нам — мы почувствовали его еще до начала игры со спартаковцами — сказалось во всем. Судьи назначили матч на довольно поздний час — видимо, не сомневаясь в легкой победе «Спартака». Между тем, как известно, при розыгрыше кубка ничейного исхода быть не может — если прошли все девяносто минут встречи, и счет остался нейтральным, команды-соперницы получают дополнительное время. А наш матч начался так поздно, что ни о каком дополнительном времени не могло быть и речи — помешали бы наступившие сумерки.

Думаю, нет смысла рассказывать, как мы волновались в тот день. Громадный, пестреющий десятками тысяч лиц, московский стадион «Динамо». Против нас — прославленные мастера кожаного мяча. А мы, во всяком случае многие из нас, — по сути дела, еще совсем новички на состязаниях такого масштаба. Передо мной грозная, непробиваемая «стена» — центральный защитник Андрей Старостин. Я был давно с ним знаком — заочно. Очень много слышал о его виртуозной игре и восхищался ею, но, признаться, как-то не думал, что придется помериться с ним силами. Скажу честно: мне было не до уколов самолюбия, когда Старостин совершенно недвусмысленно дал мне понять, что мое присутствие на поле весьма мало его беспокоит. Это сказывалось и в некоторой небрежности движений центрального защитника, и в том, как равнодушно скользил по мне его взгляд. На языке спортсменов такой стиль игры называется «неуважение к противнику» — не то неуважение, которое мы подразумеваем в обиходе, а нечто иное. Я бы сформулировал это приблизительно так:

— Ну, вижу: ты передо мной, и

тебе очень хочется забить мяч, и ты будешь из кожи вон лезть, чтобы это сделать... Только ничего у тебя не выйдет — я ведь не только каждое твоё движение вижу, а даже мысли твои угадываю. Ясно? Вот сейчас ты сделаешь вид, что хочешь пройти справа, а сам бросишься влево... А я знал заранее. Не вышло? То-то! И не выйдет.

Согласитесь, что такое отношение не может привести в восторг. Повторяю: мне было не до оскорбленного самолюбия — все свои помыслы я отдал игре, желанию победить. Однако твердо решил:

— Посмотрим еще!

Когда игра приближалась к концу, и мы уступали ее с довольно крупным счетом — 3:1, я, наконец, забил гол. Оказавшись рядом со мной, Старостин изумленно чертыхнулся:

— Ах ты, мальчишка, черт бы тебя побрал!

Честное слово, лучшего комплимента мне слышать не приходилось.

Шли последние минуты встречи. Мы получили право на одиннадцатиметровый штрафной удар по воротам спартаковцев. Раздумывать, кто его проведет, не приходилось: непревзойденным «пеналистом» в нашей команде был признан Михаил Бердзенишвили. Он мастерски владел своим чрезвычайно коварным ударом.

Поставьте себя на наше место. Решается судьба участия в розыгрыше. Мы можем получить право бороться за кубок в финале и можем лишиться даже второго места... Михаил ударил — и у нас перехватило дыхание: вместо того, чтобы пушечным ядром устремиться к воротам, мяч медленно, лениво катясь по земле, описывает пологую дугу, и, будто в раздумье, неторопливо движется вперед. Без всяких преувеличений скажу, у меня и, верно, у всех потемнело в глазах. Виртуозным прыжком вратарь спартаковцев Рыжов кидается... в противоположный угол. Значит,

смазав от волнения силу своего знаменитого удара, Михаил остался верен себе в коварстве, он обманул-таки вратаря! Издевательски поглядывая на Рыжова красным бочком, мяч вяло ткнулся в сетку ворот и притих, словно утомленный. Тут же, один за другим, прозвучали два свистка — матч кончился.

Мы торжествовали: устроители матча, оказывается, ошиблись в своей уверенности, что «Спартак» не понадобится добавочное время!

На следующий день начало матча было назначено значительно раньше. Теперь складывалась картина, прямо противоположная вчерашней: ведем мы 3:1. Однако уже в конце второй половины игры неутомимый и очень напористый полусредний москвичей Владимир Степанов забил два гола почти подряд. Да, очень трудно загадывать исход встречи. Андрей Старостин резко переменял свое отношение ко мне — с этого дня он начал «убаждать» меня как противника. Мое самолюбие удовлетворено, но... право же, я бы предпочел, чтобы центральный защитник относился ко мне вовсе без «уважения»! Было бы больше шансов.

В течение добавочного времени Николай Сомов, Михаил Бердзенишвили и я забили каждый по голу. Мы выиграли у одной из лучших команд страны и добились победы с весьма внушительным для футбола счетом — 6:3.

Матч динамовцев Тбилиси с московским «Спартаком» на розыгрыше кубка СССР 1936 года был очень крупным событием в истории грузинского футбола. Недаром его исход явился ошеломляющей неожиданностью для спортивного мира тех лет. Еще правильнее будет сказать, что знаменательным для нас стал весь тридцать шестой год, в течение которого мы убедительно доказали свое преимущество над всеми командами второй группы, завоевали право состязаться с сильнейшими коллективами страны, заняв в единоборстве с ними третье

место, и наконец, стали финалистами розыгрыша кубка страны.

Именно с той поры команда тбилисского «Динамо» с полным правом вошла в число коллективов, которые, по общему признанию, считались претендентами на призовые места.

Годы, люди, матчи... Мы играли в футбол, радовались победам, задумывались над неудачами, и мы жили обычной, наполненной до краев событиями, жизнью советских людей. Шло время. Ширились наши дружеские связи со спортсменами разных стран. Особенно ярко запечатлелись в моей памяти дни, когда в Грузии гостили баски. Это было летом 1937 года.

Испания, охваченная огнем гражданской войны, сражалась за свою независимость. Мы приняли футболистов из далекой Басконии как соратников по борьбе за справедливость на земле. Они были представителями страдающего, но непокоренного, мужественного народа. Помню, мы привезли басков на плато фуникулера, и они долго молча смотрели на раскинувшиеся внизу огни Тбилиси. Внезапно кто-то — может быть, вратарь Бласко, может, Силоурен, правый полузащитник, не помню — сказал:

— Как он похож на наш родной Бильбао.

Фраза прозвучала сдержанно, но все мы услышали в ней и большую боль басков по растерзанной франкистами отчизне, и глухую, грозную ненависть к ее врагам.

Долго еще мы молчали. Потом кто-то из нас негромко запел «Сулико», остальные подхватили, а баски — они поняли, что мы поем для них, что эта песня — дар дружбы и солидарности, — включились сначала несмело, потом все увереннее... Позже мы узнали: баски насвистывали, напевали «Сулико» на улицах Киева, Москвы, Ленинграда.

Я убежден, что команда басков была лучшей среди тех иностранных

футбольных команд, которые приезжали в Советский Союз в тридцатые годы. Очень самоотверженные, темпераментные и техничные, баски провели в Тбилиси две встречи — с нами, динамовцами, и со сборной республики. Оба матча они выиграли. Здесь, несомненно, сказалась следующая наша грубая ошибка: три дня до встречи мы всем составом провели в Кикети; там было прохладно, приходилось кутаться в пиджаки, а в Тбилиси, уже на Комсомольской аллее, мы будто в парное молоко окунулись... Что же значит для спортсмена утрата акклиматизации — вы знаете.

Однако главная причина нашего двойного поражения во встречах с басками значительно сложнее, и именно об этом пойдет речь.

Еще до приезда футболистов Басконии мы знали: лучшие команды мира упорно ищут новых путей дальнейшего развития футбола. За последние годы наметился явный застой в стиле, методах, тактике игры. Матчи, проходившие с использованием тех же тактических средств, которые применялись несколько лет подряд, неизбежно теряли свою остроту, переставая быть увлекательнейшим спортивным зрелищем. Первой сказала свое слово известная английская команда «Арсенал» — она применила систему, получившую название «Дубль В». В чем же заключалось преимущество новой системы перед испытанной старой — «Пять в линию», которой придерживались и советские футболисты?

Расположение команды на поле, согласно системе «Пять в линию», чрезвычайно ослабляет защиту, так как создает непосильную нагрузку для центрального защитника. Судите сами: центральный защитник поддерживает в игре своих нападающих; его задача — сковать действия центральной тройки противника; между тем оба крайних полузащитника играют против крайних нападающих, а защитники, как правило, держатся каждый своей зоны.

Система «Дубль В», которая уже давно стала достоянием футбольных команд всего мира, в те годы давала немногим коллективам, усвоившим ее раньше других, неоспоримые преимущества — она позволяла создать единую линию трех защитников.

Первой из советских команд познакомилось с «Дубль В» «Торпедо», игроки которого побывали во Франции и там на собственной практике убедились в огромных достоинствах новой системы. Кстати, нам довелось играть с торпедовцами после их возвращения на Родину, и мы тоже на личном опыте узнали, что консерватизм и футбол — взаимно исключают друг друга понятия. Первый тайм мы проиграли с разгромным счетом 3:0 и лишь во второй половине, ценою колоссальных усилий, кое-как приспособляясь к новому стилю игры, сравняли соотношение голов.

За неделю до приезда басков в Тбилиси мы видели их встречу с московским «Локомотивом». Баски уже давно взяли «Дубль В» себе на вооружение, и нам нетрудно было понять, какую опасность это для нас представляет. Срочно перестроиться? Мы так и сделали, вернее, попытались сделать, ибо неделя — ничтожный срок для коренного перелома в тактике игры футбольной команды. Вот потому-то мы и проиграли баскам обе встречи, потому-то поражения не явились для нас неожиданностью. Кроме того, нельзя забывать, что баски вообще были отличными футболистами. Мы многому научились у Бласко и Силоурена, о которых я уже говорил, у обладателя удара колоссальной силы центрального нападающего Лангара и правого полусреднего Ригейро — замечательного, техничного, умного игрока. Тем не менее самым ценным уроком, который преподали нам баски, было пришедшее ясное сознание необходимости искать, дерзать, думать. И мы искали.

Прежде чем рассказать о результатах этих поисков — о достижени-

ях, которые, по моему мнению, ознаменовали начало нового этапа в истории грузинского футбола, — я должен вспомнить Михаила Павловича Бутусова. Ибо все наши успехи связаны с его именем, и еще потому, что этот замечательный человек огромного личного обаяния всегда останется для нас любимым другом, глубоко уважаемым старшим товарищем.

Заслуженный мастер спорта Михаил Павлович Бутусов в продолжение десяти лет играл центральным нападающим в составе сборной команды Советского Союза. Для нас, футболистов-юноцов, его имя было эталоном настоящего спортсмена. Поэтому нетрудно понять ту радость, с которой мы встретили известие: Бутусов будет тренировать команду тбилисского «Динамо».

О Михаиле Павловиче я мог бы рассказать очень много. Но мне хочется определить наше отношение — отношение команды — к нему тремя словами: мы ему верили. А что значит безграничная вера в правильность решений, чутье, проницательность тренера — знает каждый спортсмен.

Без малейшего преувеличения скажу: Бутусов спас меня как футболиста. Именно спас.

Одно время (к сожалению, слишком долгое) в мире спортивных обозревателей стали модными начетнические рассуждения о том, что-де футбол в нашей стране — игра сугубо коллективная, а потому нам не нужны «звезды» и т. д. Я умышленно употребил слово «начетнические», ибо иначе нельзя определить корни опаснейшего перегиба, который допускали в своих рассуждениях пресловутые «теоретики». Отталкиваясь от принципиально правильной установки, что футбол — это, действительно, спорт коллективный, они доходили до отрицания роли отдельных игроков в коллективной игре, фактически санкционировали тот метод воспитания и тренировки спортсменов, к которому лучше все-

го подошли бы слова «всех стричь под одну гребенку».

Сейчас, глядя на молодое поколение грузинских футболистов, на нынешние пути развития футбола, я отчетливо вижу всю нелепость подобных мудрствований. Например, Михаил Месхи. У этого игрока явно выражен свой собственный «почерк». У него много подражателей, — более или менее удачливых, — которые стремятся повторить знаменитый «финт» Месхи. Никому это не удастся. И не удастся. Да и не нужно! Потому что каждый спортсмен должен идти по линии раскрытия, выявления, совершенствования тех самобытных способностей, которые от природы присущи ему и только ему. Шаблон в спорте, в техническом становлении спортсмена — пагубен. Сегодня все это — прописные истины, а тогда, в годы нашей спортивной молодости, мы не могли не прислушиваться к мнению авторитетных начетчиков и, естественно, терялись в догадках: где же правда?

Михаил Павлович (ничто в построении команды не проходило мимо него) спросил меня:

— Скажи, Борис, честно: ты мне веришь?

Конечно, я ему верил.

— До конца?

Я верил каждому слову!

— Тогда вот что: не обращай внимания на нелепые «рассуждения». Играй, как играл.

Как мне необходима была в то время эта моральная поддержка человека, который был для меня образцом!

Теперь, когда вы имеете представление о Михаиле Павловиче Бутусове, — замечательном тренере и чудесном человеке, — я расскажу вам, как родилась идея системы переменных мест.

Система «Дубль В», разрешившая проблему защиты, была тем не менее далеко не совершенна. Она сковывала действия центрального нападающего, который обычно оставался малоподвижен. Он стоял перед своим «опекуном» — централь-

ным защитником и ждал паса. Получив мяч от кого-либо из партнеров, бил... Таким образом, от центрального нападающего требовалось не так уж много — хорошая «пробивная способность» в полном смысле этого слова. Недаром за форвардами закрепились кличка «таран». Хорошего «тарана» найти не легко, и команде, которой посчастливилось в этом отношении, было обеспечено значительное количество шансов на успех.

Идея перемены мест между нападающими, как большинство хороших идей, родилась у нас в самую трудную минуту. В 1939 году мы встретились в Тбилиси с командой ЦДКА. Разыгрывалось очередное первенство страны по футболу. Решалась судьба второго места. Понятно, мы начали матч с большим желанием победить и... проиграли первую половину встречи со счетом 4:1. Четыре—один! Когда на циферблате указателя выставлены такие числа, половина болельщиков, преимущественно людей с неустойчивой нервной системой, встает и уходит со стадиона. Наш матч не составил исключения. В перерыве мы сидели в раздевалке молча, стараясь не смотреть друг на друга. Вошел Бутусов. Встретить его взгляд было сверх наших сил. Никто не поднял головы. Михаил Павлович негромко сказал:

— Ребята, с таким счетом проигрывать нельзя. Соберите все силы— и нажмите. Старайтесь побольше двигаться! На кой черт вам такое поле, если вы словно пришиты к своим местам!

...Вечером болельщики из категории малодушно сбежавших с середины матча вяло спрашивали у тех, кто остался до конца:

— Ну как?

— Пять—четыре!

— Да не может быть! Неужели наши еще три мяча забили?! Не верю.

— Не три, а четыре.

— То... то-есть как это?

Поверив, наконец, что «сверши-

лось невозможное», малодушный бил себя кулаком в грудь:

— И я не видел?!

Как видите, и болельщику необходима стойкость.

А сейчас давайте разберемся, что же все-таки произошло, так как подобный исход игры — явление, в самом деле, очень редкое.

Во второй половине матча мы начали интенсивно «двигаться». Я уже не ждал мяча, а сам активно включался в борьбу за него. То же делали остальные. Впрочем, в этом для нас, по существу, не было ничего нового: жесткие рамки «Дубль В», обрекавшие на вынужденную неподвижность, угнетали нас и раньше. Не забудьте, что любой вид спорта, перенесенный на грузинскую почву, неизменно обогащается новым качеством — темпераментностью. И мы дали себе волю: заиграли в темпе, в беспрестанном движении, перемещении с места на место. Это сбilo противника с толку, он потерял ориентировку, и мы стали хозяевами поля. Так пришла эта трудная и тем более славная победа. Ее выковали мы вместе с Михаилом Павловичем, который интуицией талантливое тренера уловил именно то, что нам было необходимо, и, правильно поняв присущие нам как национальной команде специфические качества, сумел вызвать их к жизни. Систему перемены мест приняли в арсенал своего тактического вооружения все ведущие команды нашей страны. Сейчас ею пользуются во всем мире. «Тараны» оказались не у дел...

Так грузинский футбол внес свой — и весьма ценный — вклад в развитие советского футбола.

4

В едином строю со всеми советскими спортсменами мы уверенно шли по пути совершенствования своего мастерства. Это десятилетие было порою больших достижений, крупных побед. Завоевав в 1939 году второе место в стране, футболи-

сты тбилисского «Динамо» удержали его и в следующем 1940... С пятнадцатую очками в активе, возглавляя турнирную таблицу, играли мы в первенстве СССР 1941 года. Один из матчей — с ленинградской командой «Динамо» — был назначен на 24 июня. А двумя днями раньше разнеслась по земле грозная весть — на нашу Родину обрушился шквал войны.

Однако игра состоялась. Мне не очень хочется вспоминать об этом матче, но и сегодня я, как наяву, вижу полупустые трибуны, которые не взрывались обычным грохотом аплодисментов даже тогда, когда мяч влетал в ворота. Я помню ощущение почти безразличия к исходу встречи. Перед моими глазами — лица товарищей. На всех — какое-то странное, отсутствующее выражение; привычно действуя на поле, они словно прислушиваются к чему-то, происходящему далеко за оградой стадиона. Всеми помыслами мы были на линии огня, где решалась судьба Отчизны. Известный своей темпераментностью тбилисский болельщик встретил победный счет 3:2 без энтузиазма.

Шла великая смертная битва с фашизмом. Страна напрягала все силы. И как когда-то пришедшая зрелость заставила нас увидеть в футболе лишь забаву, так и теперь: словно не было матчей, в которых забывалось все на свете, кроме желания выиграть, словно не вкладывали мы в футбол жара своих сердец, не отдавали ему всех сил...

Многих игроков команды, в том числе и меня, мобилизовали на работу в органы государственной безопасности, хотя мы уже были готовы выехать на фронт. Нам сказали:

— Выполняйте свой долг там, куда вас поставили.

В редкие свободные часы встречались на стадионе. Он звал нас к себе, манил зеленой гладью поля, напоминал о радостном напряжении трудных схваток. Иногда одевали бутсы, перебрасывались мячом, играли между собой. С лиц моих то-

варищей не сходило выражение сурового раздумья, наши мысли были далеки от футбола.

Весною переломного 1943 года нам неожиданно довелось участвовать в одном из самых необычных футбольных матчей, которые когда-либо случались. Прошло совсем немного времени со дня разгрома фашистских полчищ под Сталинградом, и мы получили приглашение приехать в город-герой для товарищеской встречи с местными футболистами. В первую минуту приглашение показалось почти нелепым: до футбола ли, когда еще не рассеялся дым вчерашних боев?! Потом пришло радостное сознание: значит, настолько хороши уже наши дела, что сейчас, едва прорвав вражескую блокаду, в дни, когда еще идет жестокая борьба с гитлеровцами, сталинградцы могут думать о таких мирных вещах, как футбол! Стало быть, очень важно, чтобы состоялся наш матч в городе, где не осталось камня на камне. Пусть отдохнут героические защитники города от бесконечных недель артиллерийской бомбардировки, авиационных налетов, от беспримерных усилий устоять. Пусть подивится мир бессмертному жизнелюбию советских людей.

Предстоящая поездка в Сталинград наполнилась смыслом огромной важности. Мы восприняли ее как боевое задание и готовились с нетерпением. Собрались на скорую руку Шота Шавгулидзе, Борис Фролов, Гайоз Джеджежава, Михаил Бердзенишвили, Арчил Кикнадзе, Михаил Челидзе, Григорий Гагуа, Александр Александрович Соколов — наш тренер. А я... едва добрался до вокзала, потому что незадолго до отъезда сильно повредил ногу. Кое-кто называл это глупым героизмом. Но героизм был ни при чем. Просто не мог я, капитан команды, отпустить своих ребят в такую поездку и отлеживаться в постели. Конечно, играть мне не пришлось, да ведь главное заключалось не в этом.

Мы ехали окружным, длинным путем — через Баку, Тихорецкую. В разгаре была борьба за Краснодар, и все вокруг еще дышало войной. Казалось, наш путь ведет на фронт. Предоставленный нам вагон прицепили к военному эшелону. Все ближе становились места недавних боев, все явственней следы войны. Путешествие продолжалось более двух недель. На станции Кавказская (это один из важнейших железнодорожных узлов) состоялось наше боевое крещение. Немецкие самолеты бомбили собравшиеся на пути составы. Вместе со всеми мы прятались в кустах, канавах. Налет кончился, и эшелон продолжал свой путь. То же самое повторилось в Тихорецкой.

И вот мы приближаемся к Сталинграду. Поезд идет будто через нескончаемое, чудовищное кладбище, где похоронены германские солдаты, германская техника, германские честолюбивые военные планы. Совсем недавно отхлынула отсюда огненная волна войны. Мы проезжаем мимо бесчисленных трупов в зеленых шинелях — они еще не погребены, видим черные громады сожженных танков — здесь наша свой конец слава знаменитых дивизий Гудериана. Наш путь в Сталинград проходил по дороге, которой началось паническое отступление фашистов.

Ни одного целого дома, ни единой улицы, свободной от щебня, воронок, россыпей раздробленного камня, развалины, полуразрушенные, почерневшие стены, огражденные участки с грозным предупреждением: «Мины!» — вот что представлял собой Сталинград мая месяца 1943 года. Мы играли в этом городе до войны, и нам было больно видеть его в развалинах. Однако бессмертный город жил, расправляя плечи для второго рождения. Все-таки мы нашли в Сталинграде зрелище, которое было отрадным — побывали в подвале универмага, где вместе со своим штабом сдался в плен Паулюс.

Не могло быть и речи о том, чтобы наша встреча со сталинградцами состоялась на городском стадионе. Мы играли в местечке Люберцы, на песчаном, просторном поле. Многих не досчитывались наши друзья из команды «Трактор» — они пали в боях. Тем радостнее была встреча с остальными — с Василием Ермаковым, например, — вратарем гигантского роста, прозванным товарищами «Великаном». Василий был в то время адъютантом генерал-лейтенанта Воронина, который принял нас с необыкновенной теплотой и радушием.

Для каждого советского человека пришел однажды день, когда он с особой остротой пережил предчувствие скорой победы. Нас это чувство посетило в первые минуты игры со сталинградцами. На матч собрались тысячи людей. Военные гимнастерки и платья, свежие повязки раненых и привычно примостившиеся за спинами автоматы — все создавало обстановку, достаточно необычную для футбольного матча. Самое же главное: мы сразу поняли, что имеем дело с настоящим болельщиком, который считанные недели назад под пулями шел в атаку, а теперь самозабвенно аплодирует удачному удару и отчаянно переживает промах любимого игрока.

...Тем же путем возвращаясь из Сталинграда, мы увозили с собой гордое чувство веры в наших замечательных людей. В Тбилиси нас ожидал будничнейший труд во имя победы. В годы войны я был внештатным секретарем Калининского райкома комсомола по военно-физкультурной работе. Мы учили допризывников основам военной науки, отправляли в армию новые пополнения; короче, дела хватало.

В июне 1944 года, сразу же после освобождения Киева, мы получили и приняли от украинцев такое же приглашение, какое прислали нам сталинградцы. Опять был длинный путь, вновь мы видели в небе ненавистные контуры немецких бомбар-

дировщиков, в сотый раз испытывали острую боль при виде кровавых ран, нанесенных врагом родной земле. Из Киева выехали в Москву и здесь одержали нелегкую победу над «Торпедо». Следует напомнить, что в годы войны периодически проводились первенства сильнейших команд столицы, и торпедовцы стали чемпионами 1944 года. Здесь, в Москве, я с благодарностью и волнением встретил весть о присвоении мне звания заслуженного мастера спорта СССР.

Еще не были сметены с просторов нашей Родины последние дивизии врага, а страна уже становилась на рельсы мирной жизни, люди возвращались к своим обычным интересам, занятиям, делам. В октябре того же сорок четвертого года тбилисские динамовцы получили пригла-

шение провести товарищеские встречи с футболистами Ирана. Как известно, бывший шах Пехлеви бежал из пределов государства и оставил престол своему двадцативосьмилетнему сыну. Осенним утром наша делегация вылетела двумя самолетами из Баку и через два с небольшим часа спускалась по трапу на тегеранском аэродроме.

Встречали нас яркое солнце и толпы людей. С первых же минут пришла какая-то особая двойственность впечатлений. Она не покидала нас все время пребывания в Иране и объяснялась просто: нам, советским людям, многое было чуждо в этой типичной стране восточного феодализма. Впрочем, расскажу обо всем, как я это видел, — глазами гостя.

Окончание следует

Технический редактор М. Соселия

Подписано к печати 10 декабря 1960 г. 6 печ. листов + 1 вкл.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 266

Тираж 2.500

УЭ 05468

Цена 4 руб. (С 1/1—31 г. 49 к.),

ქობულთა „ლიტერატურული გრუპის“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ხარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

6. 16

